

Московский государственный университет
путей сообщения
Императора Николая II

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Выпуск № 3(62)

Май–Июнь

Москва
2017

УДК 316:7.06:32
ББК 60:63:66:71:85
П 71

Редколлегия журнала:

Маршак А.Л. (главный редактор, д.ф.н, профессор),
Горбунов А.А. (первый заместитель главного редактора, д.п.н, профессор)
Сергеев В.К. (заместитель главного редактора, д.с.н.), Евлаев А.Н. (ответ-
ственный секретарь, к.пол.н., доцент), Кравченко С.А. (д.ф.н., профессор),
Кретов Б.И. (д.ф.н., профессор), Ксенофонтов В.Н. (д.ф.н., профессор)
Минералов В.Ю. (к.соц.н.) Рожкова Л.В. (д.с.н., доцент)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство.
Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М.: МГУ ПС (МИИТ), 2017. – Вып. №3(62). – 155с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК от 1 декабря 2015 года № 13-6518.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II

The editorial board

Marshak Arcadiy L'vovich Chief Editor, Gorbunov Alexander Alexandrovich
Deputy Chief Editor, Mineralov Vladislav Ur'evich Deputy Chief Editor,
Kravchenko Sergej Aleksandrovich Deputy Chief Editor, Sergeev Vladimir
Konstantinovich Deputy Chief Editor, Ksenofontov Vladimir Nikolaevich Deputy
Chief Editor, Kretov Boris Ivanovich Deputy Chief Editor, Rozhkova Liliya
Valer'evna Deputy Chief Editor, Evlaev Andrey Nikolaevich Executive Secretary

«P.O.I.S.K.» (Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture.):
scientific and socio-cultural journal: M.: MGUPS (MIIT), 2017. – Edition
3(62). – 155 p.

Scientific, social and cultural magazine "P.O.I.S.K." is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications of Higher attestation-tion Commission of the Ministry of education and science of the Russian Federation on the decision of the Presidium of the HAC from 1 Dec 2015 No. 13-6518.

The magazine is intended for workers of culture, art, science, education, students and post-graduate students of humanitarian universities, as well as for everyone who participates to some extent in the processes of organization, planning, law-making in the socio-cultural sphere.

ISSN 2072-6015

© Moscow State University of Railway Engineering of Emperor
Nicholas II (MIIT)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А.

Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Иванов В.Н.

Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н.

Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ, член Экспертного совета ВАК

Дмитриев А.В.

Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор ИС РАН

Запесоцкий А.С.

Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С.

Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кулашик Петер

Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н.

Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

Маркович Данило

Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Маршак А.Л.

Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Миронов А.В.

Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член союза писателей России

Нарбут Н.П

Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Смолин О.Н.

Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАО, первый заместитель председателя комитета по образованию ГД РФ

Сосунова И.А.

Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Чупров В.И.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Шабров О.Ф

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой РАНХиГС, Президент Академии политической науки

COMMUNITY EDITORIAL BOARD

Co-Chairmen of the council

Gorbunov A.A.

Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities MGUPS (MIIT), member of the Russian Academy of Transport, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Ivanov V.N.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Adviser Russian Academy of Sciences, editor in chief of the journal «Science. Culture. Society», Doctor of Philosophy, Professor

The council members

Vdovichenko L.N.

Doctor of Social Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political Sociology Russian State Humanitarian University, a member of the Expert Council of the Higher Attestation Commission

Dmitriev A.V.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Zapesotskiy A.S.

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Cultural Studies, Professor, Rector of St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Kapto A.S.

Doctor of Philosophy, Head of UNESCO's Social and Human Sciences at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS

Kulashik Peter

Doctor of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of International Relations, University of Matej Bel, the editor in chief of the journal «Politics and Science», Banska Bystrica, Slovakia

Lebedev S.N.

Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Literature

Markovich Danilo

Academician, member of the Serbian Academy of Education, a foreign member of the Russian Academy of Education, Belgrade, Serbia

Marshak A.L.

Senior Researcher of Institute of Sociology, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Mironov A.V.

Chief editor of «Social and Humanities», Doctor of Social Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, a member of the Writers' Union of Russia

Narbut N.P.

Head of the Department of Sociology Peoples' Friendship University, member of the Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Sociology, professor, member of the Writers' Union of Russia

Smolin O.N.

Doctor of Philosophy, professor, corresponding member of the RAO, the first deputy chairman of the Education Committee of the State Duma

Sosunova I.A.

Member of the International Academy of Sciences, the Academy of Political Science, Doctor of Social Sciences, Professor

Chuprov V.I.

Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Institution of Russian Academy of Sciences the Institute of Socio-Political Research RAS, honored worker of science of the Russian Federation

Shabrov O.F.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, President of the Academy of Political Science, Deputy Chairman of the Expert Council of the Higher Attestation Commission of Political Science

СОДЕРЖАНИЕ

	ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	
ТРОЦУК И. В.	Форматы метатеоризирования в социологии.....	12
ФЕДЯКИН А.В. ФЕДЯКИН И.В	Современные региональные политические исследования: в поисках методологического инструментария.....	21
	ТОЧКА ЗРЕНИЯ	
КАПТО А.С.	Паксология – научная дисциплина о мире.....	39
ДМИТРИЕВ А.В.	Провокация: консервативная интерпретация.....	48
	ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО	
ПОНОМАРЕВА А.И.	Феномен глобализации как фактор современной политики.....	56
	АСПЕКТЫ	
АРТЕМКИН А.Н.	Правительственные проекты университетского устава в начале XX в.: политический аспект и причины неудач.....	70
АНИСТРАТЕНКО Т. Г.	Социально-личностные ориентации рефлексивной личности.....	81
КРАСИНА Я.С.	Проблема социального демпинга в современном российском обществе	89
ПРУЦКОВ М.И.	Социальные аспекты и предпосылки создания высокоскоростных железнодорожных магистралей в России.....	101
	СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	
ТАРАСОВ К.А.	Дисфункциональное воздействие экранного насилия.....	110
	СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ	
ЛАЗАРЕВ Д.А.	Неэффективность государственной молодежной политики как фактор, влияющий на рост экстремизма в российской молодежной среде.....	124
	СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	
ТЮНЬ А.П.	Социальный институт полиции в трансформирующемся российском обществе: социологический анализ.....	132

КОНФЕРЕНЦИИ

КСЕНОФОНТОВ В.В.	Русский язык и проблемы безопасности культуры современной России.....	140
КОРНИЛОВА М.В.	Социальная политика в контексте социологических исследований (по материалам конференции молодых ученых в ИС РАН).....	148
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....		151

CONTENTS

	QUESTIONS OF THEORY	
TROCUK I.V.	Formats of metatheorizing in sociology.....	12
FEDJAKIN A.V.	Modern regional political researches: in	
FEDJAKIN I.V.	search of methodological tools.....	21
	POINT OF VIEW	
KAPTO A. S.	Paxology – scientific discipline about peace.....	39
DMITRIEV A. V.	Provocation: conservative interpretation.....	48
	POLITICS AND SOCIETY	
PONOMAREVA A. I.	The phenomenon of globalization as a factor of modern politics.....	56
	ASPECTS	
ARTJOMKIN A. N	Government projects of the University Charter at the beginning of the 20th cen- tury: political aspect and reasons for failure.....	70
ANISTRATENKO T. G	Socio-personal orientations of reflective personality.....	81
KRASINA JA.S.	The problem of social dumping in modern Russian society.....	89
PRUCKOV M.I.	Social aspects and prerequisites of creation of high-speed railway lines in Russia.....	101
	SOCIOLOGY OF CULTURE	
TARASOV K.A.	Screen-violence dysfunctional effects.....	110
	SOCIOLOGY OF YOUTH	
LAZAREV D.A.	Inefficiency of the state youth policy as the factor influencing growth of extremism among the Russian young people.....	124
	SOCIOLOGY OF MANAGEMENT	
TJUN' A.I.	Social institution of the police in trans- forming Russian society: sociological analysis.....	132
	CONFERENCE	
KSENOFONTOV V.V.	The genetic component of the Russian world and its features.....	140

KORNILOVA M. V.	Social policy in the context of sociological researches (on materials of conference of young scientists in the IS RAS).....	148
RULES OF PUBLICATION.....		151

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

QUESTIONS OF THEORY

ТРОЦУК

Ирина Владимировна,
д. социол. н., Российский
университет дружбы народов,
Москва, Россия

trotsuk_iv@rudn.university

TROCUK

Irina Vladimirovna,
Doctor of Sociological Sciences,
Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia

trotsuk_iv@rudn.university

Форматы метатеоризирования в социологии/Formats of metatheorizing in sociology

Аннотация

Статья посвящена оценке потенциала метатеоретизирования в социологии в контексте дискуссий последнего десятилетия о проблемах дисциплины. Автор показывает вполне «институциональный» статус метатеоретизирования как инструмента изучения фундаментальной структуры и оснований социологической теории, решения задач концептуальной стандартизации и критической диагностики противоречий социологического знания в целях его консолидации. В качестве области, нуждающейся в метатеоретическом поиске в современной социологии, в статье представлен текстовый анализ. В данной предметной области метатеоретизирование позволяет систематизировать категориальный аппарат анализа текстовых данных (документ–текст–нарратив–метанарратив–дискурс), выделить две базовые модели текстового анализа – предмето-ориентированные (дискурс-анализ) и объекто-ориентированные (конверсационный анализ, нарративный анализ и биографический метод) и свести все многообразие приемов социологического «препарирования» любого текстового массива к контент-анализу.

Ключевые слова

Метатеоретизирование; текстовые данные; дискурс-анализ; контент-анализ; нарративный анализ; биографический метод.

Abstract

The author aims to estimate the potential of metatheorizing in sociology under the recent discussions of the problems of the discipline. The author points to the «institutional» status of metatheorizing as a tool to study the fundamental structure and foundations of sociological theory, to solve the task of conceptual standardization and critical diagnostics of the contradictions of sociological knowledge for the aims of its consolidation. The author considers textual analysis as a field in the empirical sociology that needs metatheoretical search. Metatheorizing allows to systematize the categorical apparatus for analyzing textual data (document–text–narrative–metanarrative–discourse), to distinguish two basic models of textual analysis – subject-oriented (discourse analysis) and object-oriented (conversional analysis, narrative analysis and biographical method), and to reduce the variety of techniques of sociological «dissection» of any textual data to content analysis.

Keywords

Metatheorizing; textual data; discourse analysis; content analysis; narrative analysis; biographical method.

В фундаментальных работах, посвященных социологической (и не только) теории и методологии, нередко можно встретить понятия, начинающиеся с приставки «мета». Например, метаметодика – «средство ... концептуализации в любом типе социологического исследования»¹, опирающееся на систему конструктов, имеющее внутренне непротиворечивый, внепредметный и «надтематический» характер и позволяющее конструировать методики исследования, учитывая одновременно их языковую и логическую структуры. Соответственно, метаметодический статус в социологии имеют типологический анализ, факторный анализ и причинный анализ.

Приставка «мета» встречается в широком круге дисциплин и не отличается четким и однозначным содержанием. Например, «метаанализ» – «анализ большого объема данных целого ряда ис-

¹ Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. №9. С.10.

следований в целях их интеграции, имеющий статистический характер и отличающийся от нарративного обсуждения данных»¹. Применительно к географическо-пространственной проблематике сегодня применяется целый ряд понятий с приставкой «мета»²: «метагеополитическое пространство», «метагеография столиц» (карта со слоем образных и дискурсивных репрезентаций) и т.д. Однако мета(теоретический) поиск до сих пор не считается необходимостью, требующей четких правил номинации и применения. И даже напротив: ряд авторов противопоставляет обозначаемые метатеоретическим поиском попытки интеграции некоего массива знаний продуктивной исследовательской эклектике в эмпирической работе, поскольку эклектизм может быть вполне «дисциплинирован и обусловлен специфическими теоретическими и методологическими проблемами» и задачами (скажем, изучением проявлений доверия и недоверия в публичной сфере)³.

Метатеоретический поиск может вестись в разных форматах: это может быть (1) способ изучения фундаментальной структуры социологии в целом, (2) инструмент концептуального упорядочивания отдельных ее предметных областей и (3) прием систематизации тематически сфокусированного категориального аппарата и т.д. В качестве примера последнего формата метатеоризирования можно привести попытку использовать понятие «парадокс» в сфере организационного анализа для концептуальной интеграции социологического изучения управленческих проблем⁴. Пример первого формата метатеоретизирования – попытка реконструировать логику развития социологической теории⁵, обозначив сегодня «две очень простые и при этом ставшие широко известными в профессиональном сообществе концепции – проект «третьей социологии» П. Штомпки (как замены «первой» социологии социальных целостностей О. Конта, К. Маркса и Г. Спенсера и «второй» социологии социальных атомов М. Вебера и Дж.Г. Мида) и проект «публичной социологии» М. Буравого (призванной избавить научное сообщество

¹ Glass G.V. Primary, secondary, and meta-analysis of research // Educational Researcher. 1976. No. 5. P. 3.

² Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб., 2014.

³ См., напр.: Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихаревича. М., 2016. С.23.

⁴ См., напр.: Lewis M.W., Smith W.K. Paradox as a metatheoretical perspective: Sharpening the focus and widening the scope // R. Quinn, K. Cameron (eds.) Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management. Cambridge, 1988.

⁵ Иванов Д. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013. №4. С.13.

от дилеммы «научное знание или практическое знание» и превратить социологию в «гражданское движение исследователей, защищающих социальность от тирании рынка и государства»).

Метатеоретизирование данного формата позиционируется как своеобразная «защитная реакция социологического сообщества против шока постмодернизма... и постмодернистской критики, разоблачавшей дискурсивную природу социальных наук и диагностировавшую «конец социального», проблематизировавшей предмет, методы, научный статус и востребованность социологии настолько, что побудила ведущих теоретиков вновь обратиться к «корням» и заняться вопросами, обсуждение которых заложило фундамент социологии столетием раньше»¹. Метатеоретизирование выступает как некая замена прежним способам теоретизирования – проектам универсального мироустройства, концептуальным моделям изучения социального и его типологизации, социального порядка и систем, действий и актора, чтобы, в частности, избавиться от противопоставления объективности институтов/фактичности структур и агентности/интерсубъективности.

Дж. Тернер считает метатеоретизирование одним из возможных (идеально-типических) способов построения социологической теории (наряду с аналитическими, пропозициональными и моделирующими схемами)². Метатеоретизирование позволяет определить наиболее подходящие тематики, проблемы, методологические подходы и пр. для построения теории, чтобы не втягивать ее в неразрешимые философские споры о соотношении идеализма и материализма, объективизма и субъективизма и пр. в контексте пересмотра наследия социологических классиков. Однако чрезмерное увлечение метатеоретизированием, по Тернеру, может породить слишком философичную и чрезмерно оторванную от практической исследовательской работы теоретическую модель, не поддающуюся эмпирической проверке.

Пример второго формата метатеоретизирования – применительно к отдельной группе социологических концепций – представлен в работах И.Ф. Девятко³ как способ разрешить расхождения в моделях объяснения социального действия, преодолеть неупорядоченность в способах его описания и разработать единый кон-

¹ Иванов Д. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013. №4. С. 14.

² Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002.

³ Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.

цептуальный словарь для сопоставления результатов эмпирических исследований социального поведения. Метатеоретизирование позволило выделить два типа (мета)теорий социального действия – (1) целенаправленной деятельности и (2) практической (инструментальной) рациональности – с общей концептуальной основой в категории интенциональности. Так, интерпретативные теории деятельности объединяет трактовка смысла действия как его феноменологического или экзистенциального значения для вовлеченных акторов. Или: в «модернистский» период в теориях деятельности возрастает роль нормативистского и холистского объяснений, происходит отход от телеологической модели «обособленного» социального действия к конструкционистским, постструктуралистским и неопрагматистским моделям перформативной, спонтанной, проективной и рефлексивной деятельности субъекта.

Склоняясь к первому формату метатеоретизирования на уровне его определения как систематического изучения социологической теории, перечисляя задачи метатеоретизирования Дж. Ритцер все же говорит скорее о втором его формате: изучение некоторой теории для ее более глубокого понимания с учетом социально-интеллектуального контекста ее формирования; разработка новой теории на основе изучения существующих концепций; попытка обобщения накопленного знания¹. В качестве ключевого современного метатеоретика Ритцер называет П. Бурдьё – за трактовку социологии как «эпистемологически бдительной» науки, которая постоянно предпринимает попытки фундаментального измерения собственной эпистемологии, а не только концептуальной объективации социального мира², и стремится к самопознанию для понимания своего места в жизни общества.

Второй формат метатеоризирования представляется наиболее продуктивным, поскольку фокусируется на конкретной предметной области. Возьмем в качестве примера анализ текстовых данных в социологии – весьма разнородную с точки зрения концептуальных подходов, методических решений и категориального аппарата область. Метатеоретизирование здесь позволяет, во-первых, систематизировать разрозненный и фрагментарный категориальный аппарат текстового анализа, включающий в себя множество терминов из смежных с социологией дисциплин, по критерию теоретичности/эмпиричности, зафиксировав переход от наиболее «реального» (эмпирически фиксируемого) объекта изучения (документ)

¹ Ritzer G. Metatheorizing in sociology // Sociological Forum. 1990. No.5.

² Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.

к теоретическому конструкту (дискурс) через промежуточные понятия текста, нарратива и метанарратива.

Во-вторых, все методические решения текстового анализа метатеоретизирование позволяет свести к контент-анализу при условии его расширительной трактовки, т.е. выделения двух вариантов его реализации – формализованного частотного и традиционного нечастотного¹.

В-третьих, метатеоретизирование позволяет объединить многообразие концептуальных моделей текстового анализа в две группы на основе различия систем целеполагания: предметно-ориентированные модели безразличны к объекту изучения и проблеме конструирования выборки (дискурс-анализ), объекто-ориентированные модели, наоборот, сосредоточены на объекте и вариативно конструируют свой предмет (конверсационный анализ, нарративный анализ и биографический метод).

Так, дискурс-анализ – «зонтичный» термин в междисциплинарном поле текстового анализа, и специфику исследовательской работы здесь определяет фокус интереса (некий искомый дискурс), учет контекстуальных/ситуативных условий порождения и бытования любого текста и отказ от разделения формы и содержания сообщения (социальная реальность = дискурсивная конструкция). Цель любой версии дискурс-анализа – «не сопоставление семантических систем и реальности, а изучение практик описания мира»², идентификация идеологически обусловленного способа «говoreния» и констатирующих принципов любого коммуникативного взаимодействия, в котором сложным образом переплетаются лингвистическое измерение и определенный социокультурный сценарий/сюжет, чтобы убедить читателя/слушателя в правильности навязываемой ему интерпретации социального мира и вызвать необходимый отклик.

Логика действий исследователя в рамках дискурс-анализа может различаться: в одних случаях он привлекает разнообразные текстовые данные, чтобы подтвердить предположение о наличии и/или определенной степени выраженности в них конкретного дискурса; в других случаях не имеет изначально заданной дискурсивной модели, а пытается реконструировать дискурсивное оформление конкретной области социальной действительности. Примером первого типа исследовательской ориентации является критический

¹ См., напр.: Таршис Е.Я. Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.

² Edwards D. Discourse and Cognition. L., 1997. P. 45.

дискурс-анализ, в частности, в версии Н. Фэйркло¹. Речевой случай/коммуникативное событие рассматривается здесь как сложное переплетение текста, дискурсивного контекста, его породившего, и обуславливающей подобные дискурсивные практики социальной действительности, что позволяет, например, оценивать способы и масштабы дискурсивной легитимации социальных различий в устных и письменных текстах, роль дискурсивных практик (игнорирования, замалчивания, искажения и пр.) в воспроизводстве и злоупотреблении властью².

Конверсационный анализ, нарративный анализ и биографический метод, несмотря на их концептуальные и методические различия, объединяет фокус на определенном объекте – совокупности текстов/«сообщений», которые (вос)создают социальный порядок в локальных коммуникативных ситуациях (конверсационный анализ), (ре)конструируют повседневность (биографический метод) или (вос)производят переплетение частных и нормативных аспектов жизненного мира (нарративный анализ). Каждый из перечисленных видов текстового анализа может выступать в социологическом исследовании в качестве как основного, так и дополнительного способа интерпретации некоторого текстового массива. Так, биографический метод может играть вспомогательную роль по отношению к количественным данным (скажем, как текстовая иллюстрация в рамках поколенческого анализа) или применяться как самостоятельная микросоциологическая стратегия, трактующая каждого информанта как рассказчика, который «может лучше понять себя и свое социальное окружение посредством анализа того, как он конструирует свои истории»³.

Итак, в последние десятилетия появляется все больше работ, в той или иной степени затрагивающих проблемы концептуальной стандартизации и теоретико-методологической систематизации в разных областях социологического знания. С начала 1990-х годов для обозначения подобных попыток все шире используется понятие «метатеоретизирование» – как номинация способа выделить базовые методологические принципы и объяснительные инструменты в многообразии концептуальных подходов, тем самым реконструировав некую аналитическую модель (и ее категориальный аппарат)

¹ Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // *Discourse & Society*. 1993. No. 4.

² Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е.В. Переверзева, А.М. Амадова. М., 2014.

³ Barkin S.M., Gurevitch M. Out of work and on the air: Television news and unemployment // *Critical Studies in Mass Communication*. 1987. Vol. 4. P. 5.

как фундаментальную для определенного предметного поля, обеспечив, тем самым, его более глубокое понимание и преодолев свойственные ему логические и концептуальные слабости. Иными словами, если социологическое теоретизирование стремится придать смысл социальному миру, то метатеоретизирование – придать смысл социологическому теоретизированию и исследовательской работе в целом.

Библиография

1. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
2. Замятин Д.Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб., 2014.
3. Иванов Д. Эволюция социологии и эволюционное метатеоретизирование // Телескоп. 2013. № 4.
4. Папакостас А. Становление цивилизованной публичной сферы: Недоверие, доверие и коррупция / Пер. с англ. Д. Жихарева. М., 2016.
5. Таршис Е.Я. Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.
6. Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9.
7. Тернер Дж. Аналитическое теоретизирование // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002.
8. Barkin S.M., Gurevitch M. Out of work and on the air: Television news and unemployment // Critical Studies in Mass Communication. 1987. Vol. 4.
9. Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.
10. Edwards D. Discourse and Cognition. L., 1997.
11. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // Discourse & Society. 1993. No. 4.
12. Glass G.V. Primary, secondary, and meta-analysis of research // Educational Researcher. 1976. No. 5.
13. Lewis M.W., Smith W.K. Paradox as a metatheoretical perspective: Sharpening the focus and widening the scope // R. Quinn, K. Cameron (eds.) Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management. Cambridge, 1988.
14. Ritzer G. Metatheorizing in sociology // Sociological Forum. 1990. No. 5.

References

1. Devyatko I.F. Sociological theories of activity and practical rationality. [Sociologicheskie teorii dejatel'nosti i prakticheskoy racional'nosti.] M., 2003.
2. Zamyatin D.N. Postgraphy. Capital (change) of geographical images. [Postgeografija. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov.] SPb., 2014.
3. Ivanov D. Evolution of sociology and evolutionary metatherezirovanie [Jevoljucija sociologii i jevoljucionnoe metateorezirovanie] // Telescope 2013. № 4.
4. Papakostas A. Formation of civilized public sphere: Distrust, trust and corruption [Stanovlenie civilizovannoj publichnoj sfery: Nedoverie, doverie i korrupcija] / Trans. With the English. D. Zhikharevich. M., 2016.
5. Tarshys E.Ya. Content analysis: the principles of methodology (Building a theoretical basis, ontology, analytics and the phenomenology of text, research programs). [Kontent-analiz: principy metodologii (Postroenie teoreticheskoy bazy. Ontologija, analitika i fenomenologija teksta. Programmy issledovanija)] M., 2014.
6. Tatarova G.G. Methodological trauma of the sociologist. To the problem of knowledge integration [Metodologicheskaja travma sociologa. K voprosu integracii znanija] // Sociological research. 2006. № 9.
7. Turner J. Analytical theorizing // Theoretical sociology: Anthology: In 2 hours [Analiticheskoe teoretizirovanie // Teoreticheskaja sociologija: Antologija: V 2 ch.]/ Trans. With English, French, German, Italian; Comp. And Society. Ed. S.P. BANKING. M., 2002.
8. Barkin S.M., Gurevitch M. Out of work and on the air: Television news and unemployment // Critical Studies in Mass Communication. 1987. Vol. 4.
9. Bourdieu P., Wacquant L. An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.
10. Edwards D. Discourse and Cognition. L., 1997.
11. Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // Discourse & Society. 1993. No. 4.
12. Glass G.V. Primary, secondary, and meta-analysis of research // Educational Researcher. 1976. No. 5.
13. Lewis M.W., Smith W.K. Paradox as a metatheoretical perspective: Sharpening the focus and widening the scope // R. Quinn, K. Cameron (eds.) Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management. Cambridge, 1988.
14. Ritzer G. Metatheorizing in sociology // Sociological Forum. 1990. No. 5.

ФЕДЯКИН

Алексей Владимирович,
д. полит. н., профессор кафе-
дры «Политология, история
и социальные технологии» Мо-
сковского государственного
университета путей сообще-
ния (МИИТ), Москва, Россия
avf2010@yandex.ru

FEDYAKIN

Aleksey Vladimirovich,
doctor of political sciences, pro-
fessor, Moscow State University
of Railway Engineering,
Moscow, Russia
avf2010@yandex.ru

ФЕДЯКИН

Иван Владимирович,
д. полит. н., профессор кафе-
дры «Политология, история
и социальные технологии» Мо-
сковского государственного
университета путей сообще-
ния (МИИТ), Москва, Россия
fedyakin_iv@mail.ru

FEDYAKIN

Ivan Vladimirovich,
doctor of political sciences,
professor, Moscow State
University of Railway
Engineering,
Moscow, Russia
fedyakin_iv@mail.ru

**Современные региональные политические
исследования: в поисках методологического
инструментария/ Modern regional political researches:
in search of methodological tools**

Аннотация

В статье рассматриваются основные теоретические и ме-
тодологические подходы, используемые в региональных по-
литических исследованиях. Их содержательное многообра-
зие иллюстрируется на примере существующих в научной ли-
тературе различий в подходах к концептуализации основного
объекта политической регионалистики – региона.

Ключевые слова

Региональные политические исследования; теоретико-
методологические подходы; политическая регионалистика;
регион.

Abstract

The article examines the main theoretical and methodological approaches used in regional political studies. Their substantial diversity illustrated by the example of the existing in scientific literature approaches to the conceptualization of the main object of regional political science – the region.

Keywords

Regional political researches; theoretical and methodological approaches; regional political science; region.

Теоретический уровень региональных политических исследований, образующих проблемное поле политической регионалистики – междисциплинарного научного направления на пересечении различных отраслей, непосредственно или опосредованно исследующих пространственную составляющую взятых во взаимосвязи природных и социальных явлений, которое имеет своим объектом регион как субнациональный (внутригосударственный) уровень развертывания политики, а предметом – локализованные в рамках этого уровня или непосредственно связанные с ним политические институты, отношения и процессы в их прошлом, настоящем и будущем¹ – представлен целым рядом как базовых теорий и концепций, так и вспомогательных подходов, являющихся результатом, с одной стороны, эволюции собственно региональных исследований, с другой стороны, заимствования и адаптации наработок смежных научных направлений и дисциплин. При этом концептуальная граница между ними является весьма подвижной, а дискуссии по поводу «исконной» принадлежности той или иной методологии исследования, конкретного подхода и т.д., и без того продолжительные, носят нередко весьма острый характер.

Наглядным примером того, насколько по-разному, подчас кардинально, могут выглядеть результаты применения на практике различных теорий и методологии региональных исследований (как общегеографических теорий и концепций – географического положения, географического районирования, регионального развития и др., так и политико-географических и геополитических – современных концепций государства, территориальности, этнической и политической идентичности, концепции места и контекстуаль-

¹ Федякин А.В. К вопросу об определении предметного поля и функций политической регионалистики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 1. С. 21.

ного подхода и т.д.), является многообразие трактовок ключевого объекта политической регионалистики – региона¹, его сущностных черт, характеристик, разновидностей, предпосылок генезиса, факторов эволюции и т.д.

Так, в общенаучном плане регион представляет собой «обширный район, соответствующий нескольким областям (районам) страны или нескольким странам, объединенным экономико-географическими или другими особенностями»². Нередко под регионом понимают крупную индивидуальную территориальную единицу (например, природную, экономическую, политическую и т.д.)³. В словаре-справочнике «Территориальное управление экономикой» регион определяется как «территория, часть страны, отличающаяся от других частей хотя бы по одному из следующих признаков: природно-географические условия; экономическая специализация; относительная замкнутость экономики, этнический состав населения, исторически сложившиеся культурные и иные особенности; государственно-административное устройство; наличие собственных органов власти и управления... Регионом также называют группу соседних стран, отличающихся по вышеперечисленным признакам от всех прочих стран»⁴. Примерно аналогично в «Политической энциклопедии» регион трактуется как «определенная территория страны или нескольких соседних стран с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической, производственной и социальной инфраструктурой, а также своеобразием социально-политических условий»⁵.

Суммируя многочисленные толкования понятия «регион», ряд авторов условно выделяют две основных его трактовки: воспроизводственную (когда в нем подчеркивается важность воспроизводственных процессов на территории региона) и административно-территориальную (когда оно базируется на существующем административно-территориальном делении страны)⁶.

¹ Подробно см.: Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 163–182.

² Современный словарь иностранных слов. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. С. 516.

³ Большая Советская энциклопедия. (В 30 томах). Т. 21. Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Советская Энциклопедия, 1975. С. 560.

⁴ Территориальное управление экономикой: Словарь-справочник. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2006. С. 580.

⁵ Политическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 331.

⁶ Андреев А.В., Борисова Л.М., Плучевская Э.В. Основы региональной экономики. М.: КНОРУС, 2007. С. 19.

С точки зрения общегеографического подхода, регион рассматривается как исторически сложившееся территориальное сообщество, обладающее физической, социо-экономической, политической и культурной средой и пространственной структурой¹. Регион выступает своего рода результатом деления территории по определенному признаку, по степени выраженности этого признака или по сочетанию его с другими признаками, т.е. представляет собой итог пространственного дифференцирования или районирования².

Частным случаем общегеографического подхода можно считать подход, развиваемый в русле социальной географии (он может быть назван общественно-географическим) и делающий акцент на социальных, демографических, культурных и т.п. особенностях проживающего в регионе населения. Как полагает, например, И.Я. Левяш, «регион – территориальная цивилизационно-культурная общность существенных, устойчивых и динамичных признаков жизнедеятельности людей»³. По мнению Б. Хеттне, «регион – это процесс. Регионы всегда эволюционируют и постоянно изменяются. Как и нация, регион – это воображаемое сообщество»⁴. Э. Маркузен определяла регион как «исторически эволюционирующее, территориально компактное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация»⁵.

Примерно в этом же общественно-географическом русле размышляет В.В. Прохорова, выделяя четыре трактовки региона, однако, делая при этом акцент на экономико-географической составляющей:

1) регион как квазигосударство, представляющее собой относительно обособленную подсистему государства и национальной экономики. Одна из главных функций власти на региональном уровне – регулирование региональной экономики. Взаимодействие на

¹ Markuzen A. Regions: the economics and politics of territory. New Jersey, 1987. P. 8.

² При всей многозначности и расплывчатости терминов «районирование», «районообразование», «зонирование», «регионообразование» и т.д., на практике они обнаруживают определенное сходство, т.к. в подавляющем большинстве источников обозначают процесс выделения или формирования устойчивых пространственных образований на основе некой общности признаков, а тем самым употребляются нами как синонимы.

³ См.: Левяш И.Я. Единая или триединая Европа (традиционная и инновационная парадигмы)? // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 9.

⁴ Hettne B. The Europeanization of Europe: endogenous and exogenous dimensions // European integration. 2002. Vol. 24. № 4. P. 327.

⁵ Цит. по: Полосин А.В. Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 26.

общенациональном, региональном, межрегиональном уровне обеспечивает функционирование региональных экономических систем в структуре национальной экономики;

2) регион как квазикорпорация – крупный субъект собственности и экономической деятельности. В таком качестве регионы становятся участниками конкурентной борьбы на рынке товаров, услуг, капиталов, обладая значительным ресурсным потенциалом для саморазвития;

3) регион как локальный рынок или рыночный ареал – акцентируется внимание на общих условиях экономической деятельности и особенностях региональных рынков различных товаров и услуг, труда, знаний и т.д. Данный подход выявляет проблему соотношения рыночного саморегулирования, государственного регулирования и социального контроля;

4) регион как локальный социум – сообщество людей, живущих на определенной территории. Данный подход на первый план выдвигает воспроизводство социальной жизни и развитие системы расселения. Он шире экономического и включает социальное, политическое развитие и другие аспекты жизни регионального социума¹.

Еще один подход – формально-правовой – рассматривает регион как единицу административно-территориального деления, официально установленного в государстве. В этом случае регион обладает юридически фиксированными названием, границами, конфигурацией и структурой пространства, внутри которого выделяются административный центр (центры), населенные пункты регионального и субнационального значения, территориальные единицы с особым статусом (свободные экономические зоны, закрытые административно-территориальные образования и т.д.), муниципальные образования (городские, сельские). Кроме того, регион наделен определенным правовым статусом, который обуславливает его место внутри иерархии национального пространства, а также определяет нормативные рамки взаимоотношений с государственным центром. В подавляющем большинстве случаев данный статус может варьироваться в зависимости от того, к какому типу территориально-политического устройства относится государство (унитарное или федеративное²), в несколько меньшем числе случаев – выполняет ли регион столичные функции или нет³.

¹ Прохорова В.В. Субрегиональные ресурсы и инструменты интенсивного развития территориальных экономических систем современной России. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 55–56.

² Подробно см.: Федякин А.В. Федеративная форма территориально-политического устройства государства: основные модели и особенности // Вестник Российской нации. 2009. № 4. С. 141–161.

³ См.: Федякин И.В. Политико-правовой статус столичного мегаполиса

Согласно подходу, развиваемому в русле современной политологии, регион рассматривается как субъект и объект политического процесса. При этом нередко используется специальный термин «политический регион», под которым понимается «крупная часть страны, длительный период выступающая единым фактором политической жизни, включающая общую крупную узловую проблему и общее историческое прошлое»¹. По мысли А.Г. Чернышева, «под регионом понимается политологическая квалификация той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления. Регион есть естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая общественная деятельность проживающих в нем людей»².

Еще один подход – конкретно-страноведческий. В его рамках регион рассматривается применительно к каждой конкретной национальной территориально-политической системе. Так, Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев пишут, что «в условиях Российской Федерации под регионом понимается часть ее территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Причем регион не обязательно должен совпадать с границами субъекта Федерации – в ряде случаев он может объединять территории нескольких смежных субъектов»³.

В целом, принимая во внимание многозначность подходов и многообразие оснований для вычленения региона на субнациональном уровне, являющемся объектом исследований политической науки, регион, как нами уже отмечалось ранее⁴, можно определить как выделяемую по различным основаниям пространственно-ограниченную часть территории государства, обладающую постоянными и переменными характеристиками, которые позволяют

в условиях российского федерализма // Вестник Российской нации. 2011. № 3. С. 213–215; Федякин И.В. Столичные мегаполисы в территориально-политическом устройстве государства: исторический опыт // Вестник Российской нации. 2011. № 1–2. С. 284–291.

¹ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 295.

² Чернышев А.Г. Регион как субъект политики. Саратов, 1999. С. 58.

³ Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. СПб., 1998. С. 32.

⁴ Подробно см.: Федякин А.В. К вопросу об определении предметного поля и функций политической регионалистики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 1. С. 17–33; Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 163–182.

рассматривать ее как целостное образование, выступающее субъектом или объектом политических процессов различного уровня.

К настоящему времени в науке сложилось несколько подходов к типологизации регионов.

Наиболее распространенным подходом, широко используемым в зарубежной литературе, является выделение однородных (гомогенных) и узловых (функциональных) регионов. Однородные регионы выделяются на основе определенных качественных характеристик или районообразующих признаков по принципу единственной присущей им особенности (или нескольких особенностей). При этом отличительный признак (группа признаков) внутри регионов проявляется повсеместно. Примером однородного региона является климатический регион.

Узловые регионы выделяются на основе системы внутренних связей. Они представляют собой ареалы, характеризующиеся сходящимися или расходящимися из одной точки потоками (векторами, направлениями) ресурсов или информации. В социально-экономическом и политическом плане узловыми регионами являются столичные или административные центры, сферы влияния крупных городских поселений (агломераций), зоны сбыта, сырьевые зоны промышленных предприятий и т.д.

Согласно другому подходу, представленному в западной литературе и отчасти содержащему некоторые элементы предыдущего, существуют три базовых типа регионов:

1) регионы, выделяемые по единичным признакам. В этом случае речь идет об учете какого-либо индивидуального явления, как правило, не нуждающегося в дальнейшей дифференциации (например, расположение региона вдоль морского побережья);

2) регионы, выделяемые по нескольким признакам. Они отражают сочетание или симбиоз различных явлений. Их типичным примером могут служить экономические районы, образуемые с учетом всей совокупности признаков и факторов (природные условия и ресурсы; численность и плотность населения, его национальный, половозрастной и профессиональный состав; материально-техническая база территории; административно-территориальное деление и т.д.);

3) регионы, выделяемые на основе всей совокупности проявлений человеческой деятельности в пределах рассматриваемой территории. Обычно в них находит отражение тесная взаимосвязь между естественными (природными) и общественными параметрами развития территории. Примером подобных регионов могут служить культурно-исторические регионы (вместе с тем необходимо подчеркнуть, что часть ученых критически относятся к исследова-

нию регионов, выделяемых с учетом целого комплекса факторов, полагая, что при обобщении множества элементов может теряться достоверность выводов)¹.

В контексте рассмотрения понятия, сущностных черт и оснований для типологизации регионов заслуживает внимания концепция места и контекстуальный подход, разработанные американским географом Дж. Эгню². С его точки зрения, место как первичная ячейка политического пространства служит ареной взаимодействия процессов, протекающих на разных уровнях – от глобального до локального. Действующие на этой арене субъекты – разного рода общественные институты и структуры – способствуют формированию в сознании людей определенных представлений о мире. Данные представления служат своего рода опорой в ходе приспособления граждан к внешним импульсам, исходящим от глобального, национального или локального уровня.

Кроме того, согласно Дж. Эгню, пространственное распределение политических процессов – от хода и итогов выборных кампаний до всплесков национализма и особенностей муниципальной политики – можно объяснить эффектом места, т.е. пространственным контекстом, который представляет собой отражение исторических, экономических и иных особенностей места и его взаимосвязей с миром. В частности, он отражает положение данного места в системах «центр – периферия» на разных уровнях – глобальном, национальном, районном, городской агломерации. Пространственный контекст также объясняет, каким образом географическое пространство модифицирует политическую деятельность и, в частности, как оно опосредует воздействие высоких территориальных уровней на локальный уровень, т.е. место.

Дж. Эгню выделяет следующие элементы территориального контекста:

- меняющееся территориальное разделение труда, которое выражается в пространственном распределении инвестиций, рабочей силы и средств производства. Каждый новый виток в его развитии оставляет на территории очередной экономической и культурный слой, создавая индивидуальную историю каждого места;
- доступность места или, в других терминах, его положение в сетях, по которым циркулирует информация и распространяются нововведения. В свою очередь, оно зависит от положения места

¹ См.: Vance R.B. Region // International encyclopedia of the social sciences. In 17 volumes. Vol. 13. N.Y. – L., 1972. P. 377–381.

² См.: Agnew J. Place and politics: The geographical mediation of state and society. L., 1987.

в иерархии системы расселения по отношению к государственным границам, лингвистическим рубежам, сетям коммуникаций, а также от уровня развития их технологии. Все эти факторы облегчают или затрудняют взаимодействие между местами;

- напряженность в отношениях между местом и центром, перераспределение государством средств между местами с целью поддержания доверия избирателей и легитимности режима;

- различия между местами в половозрастной структуре населения, а также социальные и этнические различия, их относительная важность для данного места, роль в зарождении и деятельности местных политических движений и популярности лидеров;

- требования местных политических движений по вопросам развития страны, района и местности, а также касающиеся перспектив социальных и этнических групп;

- «микроегеография повседневной жизни», определяющая каналы взаимодействия между людьми и социальными группами, связанные с решением проблем жилья, школ, досуга и т.п., и чувство привязанности к своему месту (локальную идентичность) – «общность судьбы»¹.

Широкий спектр оснований для типологизации регионов представлен и в отечественной науке.

Как полагают, в частности, М.М. Голубчик и С.П. Евдокимов, исследование любого пространства неизбежно приводит к установлению территориальных различий «от места к месту». При этом каждое явление (природное или социально-экономическое) занимает не всю территорию, а некоторую ее часть – ареал. Внутри ареала оно может охватывать его практически сплошь (континуально) или только отдельные части, т.е. дискретно. Разделение территории по какому-либо признаку (явлению, условию) и степени его выраженности или по сочетанию признаков представляет собой пространственное дифференцирование, т.е. районирование в широком смысле. Следует иметь в виду, что такое дифференцирование всегда объективно, т.к. исходит из наличия или отсутствия количественного выражения какого-либо признака.

Районирование, как универсальный метод упорядочения и систематизации территориальных систем, имеет большое значение для решения задач территориального управления и районной группировки, создания административного деления и т.п. Сущность процесса районирования заключается в выявлении своеобразных территориальных образований и их границ в пространстве.

¹ Подробно см.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 278–282.

В силу особенностей географического положения и, главным образом, сочетания различных компонентов и элементов на той или иной территории, общие закономерности в пределах района проявляются в специфических формах, отличающихся относительной устойчивостью и придающих всему сочетанию характер системы. Внутренние (внутрирайонные) взаимосвязи и взаимодействия района отличаются от внешних (межрайонных) большей устойчивостью и интенсивностью. Как правило, интенсивность свойственных какому-либо району процессов максимальна на одном из участков (ядро) и убывает к периферии, зачастую не позволяя четко ограничивать территорию района. Иногда таких ядер обнаруживается несколько, что свидетельствует об усложнении структуры, образовании пространственных сочетаний более низкого иерархического порядка – подрайонов.

Районирование характеризуется целенаправленностью, оно может осуществляться для выявления объективно существующих районов, регионализации социально-экономической политики, в интересах управления и т.п. Результатом районирования является сетка районов, которая отражает иерархичность пространственных систем. При этом как районы одного уровня, так и иерархическая цепочка районов разных уровней должны отвечать заранее заданным типологическим и классификационным характеристикам¹.

Согласно подходу, предложенному М.Д. Шарыгиным, выделяется три группы закономерностей дифференциации территории государства:

1) площадная дискретизация жизнедеятельности людей: «В процессе труда люди вступают в определенные отношения с природой и друг с другом и одновременно пространственно разграничиваются. Повседневная контактность, создание локальных и региональных коллективов приводит к формированию относительно автономных территориальных общностей людей»;

2) территориальная концентрация и децентрация жизни общества: «Тенденция к усилению территориальной концентрации и интеграции жизни общества проявляется в формировании социально-экономических районов, узлов, центров, росте числа городов и людности поселений, укреплении внутренних общественных связей». При этом территориальная концентрация общества «в определенных центрах сопровождается децентрацией его в других частях»;

¹ Подробно см.: Голубчик М.М., Евдокимов С.П. География. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 125–127.

3) пространственная дифференциация общества и делегирование функций вышестоящим структурам, что «ведет к образованию таксонов разного пространственного уровня с объективно проявляющимися границами... В обществе равноправно функционируют макро-, мезо-, микро- и топорайоны. Каждый иерархический уровень районов несет свою функциональную нагрузку и выполняет определенную роль в хозяйственном развитии и жизни населения государства»¹.

Целый ряд отечественных авторов при выделении различных типов регионов предлагают учитывать особенности организации и структуры регионального пространства. Так, одним из оснований для типологизации регионов является их административно-территориальная структура. В соответствии с этим подходом выделяются: однородные регионы, содержащие внутри своей территории относительно однотипные административно-территориальные образования, или сложносоставные регионы, включающие различные типы административно-территориальных образований, например, особые национальные (федеральные) столичные округа (территории), закрытые административно-территориальные образования, зоны с особым статусом (экономические, военные и т.п.), города национального (федерального) значения, а случае с Россией – иные субъекты Федерации.

Широкий спектр оснований для типологизации регионов дает анализ положения, специфики и функций регионального центра. В частности, по количеству центров могут выделяться моноцентричные (центр региона расположен в одном населенном пункте) или полицентричные (центр региона расположен в двух и более населенных пунктах) регионы; по генезису центров – регионы с историческими, специально созданными или перенесенными центрами; по роли центров – регионы с подавленными, конкурирующими или альтернативными центрами.

В зависимости от основных сфер жизнедеятельности социума можно выделить политические, экономические, социальные и т.п. основания типологизации регионов.

Попытку типологизировать регионы в зависимости от методологических подходов, положенных в основу их понимания, предпринял И.П. Рязанцев. Он выделяет следующие типы подходов и соответствующие им типы регионов:

- субстанциональный (регион как этнокультурная, социально-экономическая, политико-административная и пространственно-территориальная общность во всем многообразии взаимодействия

¹ Цит. по: Региональная экономика и управление. СПб., 2008. С. 25–26.

ее составляющих аспектов, протекающего во времени и пространстве);

- системный (регион – локальная социальная система; сложноструктурированная территориальная, экономическая, социокультурная система, преследующая собственные интересы и цели развития и не имеющая политического суверенитета);

- структурный (регион – целостная часть экономико-политического и социально-культурного пространства, обладающего определенными, только ему присущими особенностями);

- административно-управленческий (регион – объект особого вида управленческой деятельности, направленной на регулирование социально-экономических процессов на территории, характеризующейся определенным единством экономической жизни и общностью условий воспроизводственной деятельности населения);

- функциональный (регион – структурное подразделение, выполняющее по отношению к целому (территории государства) определенные функции);

- аксиологический (регион – территория, представляющая общность с географической точки зрения, или такая территориальная общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранять и развивать свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса);

- по сферам общественной жизни, в частности:

- социально экономический регион – относительно целостный хозяйственно-экономический комплекс, обеспечивающий удовлетворение важнейших социально-экономических потребностей населения региона и включенный в единую народно-хозяйственную систему государства;

- социально-политический регион – административно-территориальное и государственное образование, наиболее адекватно воспроизводящее структуру общества и характеризующееся наибольшей степенью организации самой территориальной системы (наличие системы управления, власти);

- социокультурный регион – целостная социокультурная система, отличающаяся существенными социокультурными характеристиками и процессами (стратификационным и национальным составом населения, традициями, этнолингвистическими особенностями, элементами образа жизни и т.п.)¹.

Наряду с многообразием оснований для типологизации регионов в настоящий момент в науке наблюдается не меньшее многообра-

¹ Рязанцев И.П. Социология региона. М.: КДУ, 2009. С. 38–39.

зие подходов к выделению принципов, которые служат основой для формирования регионов (районирования).

Так, согласно смешанному подходу выделяются экономический, национальный и административный принципы формирования регионов¹. Классическими примерами практического воплощения данных принципов в жизнь могут служить, соответственно, экономические районы, национальные области (автономии), а также провинции (департаменты, округа и т.п.). Вместе с тем, содержательная составляющая данных принципов, безусловно, может варьироваться в зависимости от общественно-политической ситуации в стране и целого набора других факторов.

Согласно другому – географическому – подходу, выделяется физико-географическое и экономико-географическое районирование. Результатом последнего выступает экономический (социально-экономический) район – территория, которая отличается от других специализацией и особенностями комплексного развития хозяйства, своеобразным географическим положением, природными и трудовыми ресурсами. При этом формирование экономических районов рассматривается как длительный исторический процесс, протекающий под влиянием широкого спектра факторов, наиболее существенными из которых являются: производственные отношения, территориальное разделение труда, материально-техническая база и накопленные материальные ценности, природные условия и ресурсы, трудовые ресурсы и трудовые навыки населения, государственно-правовые формы².

Формально-правовой и политологический подходы в общем и целом рассматривают регион, с одной стороны, как результат, а с другой – как элемент административно-территориального (политико-территориального) деления, т.е. как административно-территориальную (политико-территориальную) единицу (образование). При этом весьма устойчивым в науке является представление о том, что на формирование административно-территориального деления государства оказывает влияние множество факторов. Причем значение каждого из них может варьироваться в зависимости от специфики конкретной страны. Основными факторами формирования административно-территориального деления Р.Ф. Туровский считает следующие:

1) этнокультурные, когда границы административно-территориальных единиц совпадают с границами компактного про-

¹ См.: Кефели И.Ф. Политическая регионалистика. СПб., 2005. С. 31–32.

² Голубчик М.М., Евдокимов С.П. География. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 130.

живания этнических общностей (Индия, Пакистан, Эфиопия, отчасти Российская Федерация);

2) исторические, когда административно-территориальные единицы образовались достаточно давно и их существование есть следствие действия определенной национальной традиции (Австрия, Великобритания, Нидерланды, Швейцария, отчасти США);

3) демографические (социально-географические), когда административно-территориальное деление в значительной степени соответствует сложившейся в данном государстве системе расселения (Португалия, страны Восточной Европы, Скандинавские страны);

4) природно-географические, когда естественная обособленность территории является основанием для образования отдельных административно-территориальных единиц (Дания, Индонезия, Федеративные Штаты Микронезии, другие островные и полуостровные государства)¹.

Еще один подход предполагает типологизацию регионов исходя из приоритетных направлений региональной политики государства. Как известно, региональная политика всегда зависит от широкого спектра параметров и переменных, объективных и субъективных составляющих, наличных и потенциальных обстоятельств и т.д. В числе входящих в этот спектр причин могут быть названы культурно-исторические особенности государства, его физической географии и природных условий, экономического состояния и его динамики, внешних геополитических вызовов.

Некоторые авторы говорят о возможности рассмотрения региональной политики с различных углов зрения: во-первых, с позиций завоевания и удержания власти на уровне региона (организационный аспект); во-вторых, с точки зрения использования завоеванной региональной власти в тех или иных сферах жизни региона (административный аспект); в-третьих, на основе раскрытия ее адресной составляющей (управленческий аспект)².

Один из подходов, развиваемых в русле экономической науки, предлагает дифференциацию целей, задач, основных направлений и содержания региональной политики в зависимости от специфики того или иного региона, являющегося объектом этой политики. В этой связи выделяется несколько типов регионов:

– развитые (опорные), в число которых входят преимущественно старопромышленные районы, агломерации и цен-

¹ Подробно см.: Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 110–114.

² Кефели И.Ф. Политическая регионалистика. СПб., 2005. С. 17.

тры с высоким уровнем индустриального развития, научно-технического прогресса и интенсификации производства, располагающие высококвалифицированной рабочей силой, крупными промышленно-производственными фондами, серьезной научно-исследовательской и проектно-конструкторской базой – словом, всем тем, что позволяет им не только быть самодостаточными регионами, способными активизировать имеющиеся у них «точки роста», но и выполнять донорские функции по отношению к другим территориям страны;

- стратегические промышленные, посредством которых обеспечиваются геополитические и военно-стратегические интересы, безопасность и обороноспособность страны, поддержание на должном уровне ее военно-экономического потенциала в целях сохранения территориальной целостности и независимости государства;

- особые, включающие такие специфические типы государственных территорий, как приграничные, с экстремальными природно-климатическими условиями, подвергшиеся разрушительному воздействию природных и техногенных катастроф, а также социальных конфликтов;

- нового освоения, как правило, обладающие огромным природно-ресурсным потенциалом, но слабо обжитые и обустроенные, имеющие низкий уровень развития обрабатывающих отраслей и инфраструктуры, а также внутренних производственных связей;

- слаборазвитые (экономически отсталые), характеризующиеся крайне малой интенсивностью и низкими параметрами хозяйственной деятельности, недиверсифицированной структурой экономики, резким отставанием от основных регионов страны по развитию производственной базы, социальной сферы и рыночной инфраструктуры, высокой безработицей и низким уровнем жизни;

- депрессивные, характеризующиеся хотя и сравнительно высоким уровнем экономического потенциала, значительной долей промышленности и во многих случаях ее ведущих производств в структуре хозяйства, а также повышенной квалификацией местных трудовых ресурсов, но, вместе с тем, глубоким спадом производства и высокой безработицей вследствие низкой конкурентоспособности профилирующих отраслей, нарушения снабженческо-сырьевых связей или переориентации стратегического курса.

Соответственно, региональная политика государства должна быть:

- в отношении развитых регионов – направленной на обеспечение наиболее благоприятной для товаропроизводителей конкурентной среды, всемерную активизацию экономической деятель-

ности с учетом имеющихся в данных регионах благоприятных предпосылок, структурные преобразования на принципах экономики постиндустриального типа, включая формирование наукоемких, высокопроизводительных и ресурсосберегающих, а также экспортных и импортозамещающих производств, сервисных видов услуг;

- в отношении стратегических промышленных регионов – направленной на укрепление экономики данных регионов посредством прямых и косвенных методов регулирования (целевые программы, налоговые льготы и т.д.);

- в отношении особых регионов – направленной на адресное решение стоящих перед ними специфических проблем (выборочный характер хозяйственного освоения, повышение эффективности использования трудового потенциала, значительная государственная поддержка в сочетании с механизмами административно-правового регулирования и т.д.);

- в отношении регионов нового освоения – направленной на всестороннюю государственную поддержку при создании материальных условий предпринимательской деятельности – коммуникационной сети, энергетической базы, строительного комплекса и т.п. инфраструктуры, участие в формировании которых со стороны частного капитала, как правило, весьма проблематично;

- в отношении слаборазвитых регионов – направленной на их ускоренный экономический и социальный подъем посредством реализации комплекса мер государственной поддержки, ориентированной на осуществление некапиталоемких, быстро окупаемых проектов и программ, уменьшение бюджетной дотационности и сокращение разрыва в уровнях экономического развития со средним по стране;

- в отношении депрессивных регионов – направленной на укрепление финансовой устойчивости (в том числе посредством приватизации государственной собственности по реальной рыночной стоимости и проведения целесообразного оздоровления (санации) убыточных предприятий в ходе процедуры банкротства), поощрение роста частных инвестиций в экономику с вовлечением их преимущественно в наиболее конкурентные проекты¹.

Таким образом, регион сегодня является важнейшим пространственным феноменом, одновременно самостоятельной и промежуточной зоной, самодостаточной и проводящей социополитической средой, сопричастной как внутри-, так и внешнеполитическим процессам. Именно на этой ступени общественной самоорганизации

¹ Подробно см.: Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России. М.: Финансы и статистика, 2009. С. 74–82.

устанавливается баланс между интеграцией и дезинтеграцией, между центром и периферией, между централистскими и сепаратистскими тенденциями, между многими другими социальными противоречиями современного общественного развития. И всесторонняя разработка данных и связанных с ними проблем в рамках предметного поля политической регионалистики представляется весьма актуальной с точки зрения развития теории и методологии региональных политических исследований, а также крайне востребованной с позиций многообразной политической практики.

Библиография

1. Голубчик М.М., Евдокимов С.П. География. М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России. М.: Финансы и статистика, 2009.
3. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2005.
4. Рязанцев И.П. Социология региона. М.: КДУ, 2009.
5. Федякин А.В. К вопросу об определении предметного поля и функций политической регионалистики // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 1. С. 17–33.
6. Федякин А.В. Регион в фокусе политической теории и практики // Вестник Российской нации. 2009. № 5. С. 163–182.
7. Федякин А.В. Федеративная форма территориально-политического устройства государства: основные модели и особенности // Вестник Российской нации. 2009. № 4. С. 141–161.
8. Федякин И.В. Политико-правовой статус столичного мегаполиса в условиях российского федерализма // Вестник Российской нации. 2011. № 3. С. 213–215.
9. Федякин И.В. Столичные мегаполисы в территориально-политическом устройстве государства: исторический опыт // Вестник Российской нации. 2011. № 1–2. С. 284–291.

References

1. Golubchik M.M., SP Evdokimov. Geography. [Geografija] Moscow: Aspect Press, 2003.
2. Kistanov V.V., Kopylov N.V., Regional economy of Russia. [Regional'naja jekonomika Rossii] Moscow: Finance and Statistics, 2009.
3. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitics and political geography. [Geopolitika i politicheskaja geografija] Moscow: Aspect Press, 2005.

4. Ryazantsev I.P. Sociology of the region. [Sociologija regiona] Moscow: KDU, 2009.

5. Fedyakin A.V. On the issue of determining the subject field and the functions of political regionalistics [K voprosu ob opredelenii predmetnogo polja i funkcij politicheskoy regionalistik] // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science. 2008. № 1. 17–33 p.

6. Fedyakin A.V. Region in the focus of political theory and practice [Region v fokuse politicheskoy teorii i praktiki] // Bulletin of the Russian Nation. 2009. № 5. 163–182 p.

7. Fedyakin A.V. Federative form of the territorial and political structure of the state: the main models and features [Federativnaja forma territorial'no-politicheskogo ustrojstva gosudarstva: osnovnye modeli i osobennosti] // Bulletin of the Russian Nation. 2009. № 4. 141–161 p.

8. Fedyakin I.V. Politico-legal status of the metropolitan metropolis in the conditions of Russian federalism [Politiko-pravovoj status stolichnogo megapolisa v uslovijah rossijskogo federalizma] // Bulletin of the Russian Nation. 2011. № 3. 213–215 p.

9. Fedyakin I.V. Capital megacities in the territorial and political structure of the state: historical experience [Stolichnye megapolisy v territorial'no-politicheskom ustrojstve gosudarstva: istoricheskij opyt] // Vestnik Rossiiskoi nacii. 2011. № 1–2. 284–291 p.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

POINT OF VIEW

КАПТО

Александр Семенович,
д.ф.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО
по социальным и гуманитарным
наукам, зав. отделом политиче-
ского анализа и стратегических
оценок Института социально-
политических исследований
РАН, Москва, Россия
339vnn@mail.ru

КАРТО

Aleksandr Semenovich,
The Institution of the Russian
Academy of Sciences the
Institute of Socio-Political
Research RAS (IRAS ISPR)
Moscow, Russia
339vnn@mail.ru

Паксология – научная дисциплина о мире / Paxology - scientific discipline about peace

Аннотация

Анализируется генезис и процесс институализации паксологии как науки о мире. Мир рассматривается как состояние международных отношений и как внутреннее состояние конкретного общества. Раскрывается роль международных организаций (прежде всего ООН и ЮНЕСКО) и национальных государств в становлении этой новой научной дисциплины. Отмечается междисциплинарный характер этой отрасли гуманитарного знания, ее преемственность с многовековой историко-философской миротворческой традицией, представленной различными концепциями мира («вечный мир», пацифизм и др.).

Ключевые слова

Паксология; полемология; исследование конфликтов; мирное урегулирование; международное взаимопонимание; глобальная безопасность; институт мира.

Abstract

The article is dedicated to analysis of paxology's genesis and institutionalization as a science discipline about peace. The peace is studied as the condition of international affairs and as internal state in particular community. The international role of global organizations (such as UN and UNESCO) and nation states in rise and development of this new discipline is released. The new scientific discipline is noted to have cross-disciplinary nature and be the prolongation of centuries-old historical and philosophical tradition of peacekeeping, which is presented by various peace concepts («Perpetual Peace», Pacifism, etc.).

Keywords

Paxology; polemology; conflict resolution; Pacific Settlement of Disputes; international understanding; global security; institution of peace.

Паксология как наука о мире имеет еще одно параллельное и идентичное по содержанию наименование – иренология, названная по имени древнегреческой богини мира Ирины, дочери Зевса и Фемиды. В древнейшие времена богиня мира не имела своего культа (в отличие от множества других богов – войны, земледелия и пр.). Большую роль в возвышении культа Ирины как богини мира сыграла комедия «Мир» древнегреческого комедиографа Аристофана. В ней он повествует о том, как виноградарь Тригей, уставший от войн и раздоров между греческими городами, отправился на небо, чтобы встретиться с Зевсом. Однако вместо Зевса, который вместе с другими богами оказался в отлучке, Тригей встретил бога войны Полемоса, который бросил богиню мира Ирину в пещеру, завалил ее камнями и пообещал «стереть в порошок» греческие города. Тригею удалось освободить Ирину, которая одарила его всеми благами, и спустить богиню мира на землю. Заслуги Аристофана в обогащении античного миропонимания были высоко оценены: 2340 лет назад на Великих Дионисиях его комедия «Мир» получила 2-ю награду. Алтарь богини мира Ирины появился только в 374 до н.э. в Афинах.

Римская аналогия Ирины – богиня Пакс, культ которой был введен империей в знак установленного социального мира. Позже был перенесен на Пакс, как на персонификацию мира, эпитет «Вечная», хотя, как свидетельствуют исторические источники, сами римляне

не верили в вечный мир, и их девизом было «Если хочешь мира – готовься к войне» (*Si vis pacem, para bellum*).

Позже наряду с термином «иренология» стало употребляться одинаковое по смыслу понятие «паксология», разница между которыми только в имени богини (Ирины или Пакс). В содержательном плане первоначально иренология, как и паксология, характеризовалась смысловой неопределенностью, сам образ мира оказывался размытым; такой мир еще не отражал в современном понимании противоборство социально-политических сил, борющихся за (или против) утверждения миротворческих идеалов.

Поэтому даже в эпоху христианского Средневековья, а частично и в Новое время мир нередко подавался через межличностно-поведенческую призму, иногда шутливо, а то и просто иронично. Пример этому – повествование в анонимном источнике 16 в. о том, как беззаботные и веселые «дети Глупости» поступают в услужение к «Миру», которому, как оказалось, нельзя угодить из-за того, что он придиричив и капризен. Приглашенный же к «Миру» врач, в свою очередь, обнаружил, что «Мир» одержим страхом перед гибелью в потоке и огне, перед мировой катастрофой. «Детям Глупости» удастся вернуть «Мир» к спокойствию, безопасности и веселому настроению. Иренология, складывавшаяся стихийно, под воздействием повседневного жизненного опыта людей приобретала научные систематизированные очертания лишь благодаря включению ее в контекст развития философской и исторической мысли.

Формирование же в XX в. паксологии, впитавшей опыт иренологии, явилось реакцией общественности Запада на угрозу гибели человечества в ядерной войне. Относится это к 1950-м гг., когда многие ученые пришли к выводу о необходимости рассматривать современные международные отношения не через призму силовых концепций «холодной войны» (с позиции силы, «равновесия силы», «равновесия страха» и т.д.), а путем использования потенциала ненасильственного урегулирования, с опорой на пути и средства предотвращения конфликтов. Одной из первых попыток обосновать такой подход стало издание в 1955 в США книги Т. Ленца «На пути к науке о мире».

Первоначально это направление имело различные наименования: «проблемы мира», «наука о мире», «исследователи проблем мира», «исследователи мира», «исследования мира». Термины вызывали большие споры, и, как свидетельствует И. Галтунг, премьер-министр Норвегии во время открытия отделения проблем мира в Стокгольмском университете предложил заменить «ужасное словосочетание «проблемы мира» на термин «изучение конфлик-

тов», который воспринимался бы как более научный. В результате в университете появилось Отделение изучения конфликтов и проблем мира. На такие суждения большое влияние оказывало то, что в условиях «холодной войны» Восток и Запад эксплуатировали понятие «мир» в своих политических и идеологических интересах, каждый считая себя «истинным» носителем мира, а противоположную сторону представляя в «образе врага». Однако со временем такой подход стал подвергаться пересмотру. В 1970–80-х гг. слово «мир» постоянно использовали социал-демократы Германии, другие участники некоммунистического движения за мир, а также некоторые западноевропейские правительства. С такой нарастающей тенденцией не мог не посчитаться даже президент США Р. Рейган, вкладывавший в понятие «мир» свое содержание, выставя себя миротворцем, а противостоящую ему в биполярном мироустройстве сторону (СССР) – в образе «империи зла».

На начальном этапе наука о мире носила оппозиционный характер по отношению как к современным внешнеполитическим доктринам, так и к официальным западным концепциям международных отношений и строилась вне рамок официальных научных учреждений. По мере накопления опыта и под воздействием динамично меняющейся системы международных отношений происходило укрепление позиций паксологии по основным направлениям. Во-первых, не имея единой методологической базы, она наращивала теоретический потенциал на основе плюрализма различных подходов – общегуманистических с приматом ненасильственных средств строительства мира; консервативного, рассматривавшего мир в качестве временной передышки между войнами; пацифистского – в форме как «абсолютного пацифизма», выдвигавшего самое строгое требование воздерживаться от применения насилия на всех уровнях, так и «ответственного пацифизма», делавшего акцент на том, каким путем может быть достигнута свобода от насилия. Сформировалось западное «мироведение» с четко оформившимися тремя концепциями – «негативной», «позитивной» и «глобалистской». Во-вторых, происходило интенсивное расширение тематики исследуемых проблем – от выявления причин и истоков конфликтов (как внутренних, так и международных) до поиска путей их мирного урегулирования. Решалась задача создания сводной характеристики основных черт всех конфликтов, формализации их на этой основе и разработки аналитических моделей, которые могли бы быть применимы ко всему многообразию случаев вне зависимости от времени и регионов мира. Большое место стало занимать изучение глобальных проблем цивилизации, мирного сосуществования систем с различным поли-

тическим устройством, систем безопасности, отказа от политики с позиции силы, перехода к разоружению как одному из важнейших средств ликвидации материальной базы войн и вооруженных конфликтов, проблем разрядки международной напряженности, преодоление экономической отсталости и политической зависимости развивающихся стран, международного сотрудничества.

В-третьих, широкий подход к исследованию проблем мира и международных отношений неизбежно приводил, с одной стороны, к внутренней дифференциации несовпадающих позиций внутри самой науки о мире, выделения тех, кто искренно стремился к развитию идей мира в интересах международной стабильности и безопасности, и тех, кто подчинял исследовательскую деятельность в этой сфере политическому заказу определенных кругов, с другой – к установлению сотрудничества «исследователей мира» с другими миротворческими силами – массовыми демократическими организациями, антивоенным пацифистским движением, со многими учеными-марксистами. Аналитическая деятельность сочеталась с проведением совместно с миротворческими организациями акций в пользу мира, распространением на разных уровнях образования в духе мира (начальные школы, колледжи, университеты), просветительской работой среди различных слоев населения (специализированные курсы, летние семинары, коллоквиумы, научно-практические конференции и т. п.).

В-четвертых, опыт науки о мире получал признание широкой мировой общественности. Позитивное отношение к нему было выражено в принятой 14.12.1971 на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции «Научно-исследовательская работа по вопросам мира». С этого времени генеральный секретарь ООН стал систематически представлять Генеральной Ассамблее доклады о состоянии научных исследований по проблемам мира. На развитие науки о мире плодотворное воздействие оказали такие важные документы международного сообщества, как Международное соглашение по искоренению всех форм расовой дискриминации (1965); Международное соглашение по гражданским и политическим правам (1966), ст. 20-я которого осудила подстрекательство к войне, пропаганду национальной, расовой и религиозной ненависти, любых форм дискриминации, враждебности или насилия; Декларация по подготовке государств к мирной жизни (принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1978), в которой борьба за содействие миру, искоренение насилия и войны рассматривается в контексте прав и обязанностей государств; Декларация по внедрению в молодежной среде идеалов мира, взаимоуважения и взаимопонимания;

Рекомендации о воспитании в духе междунар. взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и его основных свобод (ЮНЕСКО, 1974).

В-пятых, за относительно небольшой период времени сложилась система центров исследования проблем мира. Если в середине 1960-х гг. в странах Запада существовало 65 таких центров (57 национальных и 8 международных), то к 1972 число национальных центров выросло до 235, а международных – почти утроилось. За 1963–72 их количество увеличилось в США – с 31 до 83, в ФРГ, Великобритании, Японии и Италии – с 5 до 52, в развивающихся странах Азии, Африки и Лат. Америки – с 2 до 20. Основанная в 1964 для реализации информационно-координационных функций Международная ассоциация по исследованию проблем мира (ИПРА) получила в 1966 консультативный статус (категория В) при ЮНЕСКО и стала издавать бюллетень «Новости международных исследований проблем мира». Созданный на 5-й Генеральной конференции (1974) в г. Варнаси (Индия) Азиатский центр ИПРА сыграл большую роль в распространении науки о мире за пределами европейского континента.

Крупнейшими центрами паксологии стали: учрежденный 1.9.1970 по решению финского правительства Институт по исследованию проблем мира в Тампере, Изучения мира институт в Осло (ПРИО), Стокгольмский международный институт исследования мира, Международный институт мира в Вене, Международное общество по исследованию проблем мира (Филадельфия), немецкое Общество по исследованию проблем мира и конфликтов (Бонн), Всемирная федерация научных работников (Лондон), Центр по изучению международных отношений (Париж), Гессенский центр по исследованию проблем мира и конфликтов (Франкфурт-на-Майне), Институт исследований проблем мира и политики безопасности при Гамбургском университете, организации «Исследователи мира» в Вашингтонском, Гавайском, Йельском, Колорадском, Колумбийском, Мичиганском, Сиракузском и Стэнфордском университетах. Координатором этой деятельности в США стал Консорциум по исследованию проблем мира, образованию и развитию. Большой вклад в развитие науки о мире внесли ЮНЕСКО, Международная ассоциация просветителей в духе мира, Всемирная Ассоциация «Школа как инструмент мира», Международная Академия мира, Комиссия по образованию в духе мира при ИПРА, Университет ООН в Токио и ряд др. научно-исследовательских центров.

По мере развития паксологии, расширения ее тематики и наращивания теоретического потенциала эволюционировали и такие

направления этой научной дисциплины, как «исследование мира» и «исследование конфликтов». В силу схожести ряда вопросов, которыми они занимались (социально-экономические проблемы, права человека, культура мира др.), происходило их взаимообогащение и постепенная интеграция в единое направление – «исследования мира и разрешения конфликтов». Приоритетными стали: синтез футурологического прогноза перспективных механизмов разрешения конфликтов и осмысления конкретных мер и инструментов этого разрешения, вытекающих из уже имеющегося практического опыта; единство исследования международной безопасности как глобальной, всеобъемлющей системы и поиска путей ее обеспечения на региональном и локальном уровнях; понимание неоспоримого факта, что угрозы миру и безопасности несет с собой не только военная деятельность, но и существование и углубление острых социальных проблем, таких как голод, нищета, эксплуатация; учет в решении проблем мировой политики принципа равной безопасности государств.

Паксология как наука о мире органично вписывается в многовековую историко-философскую миротворческую традицию, которая представлена различными концепциями мира (напр., «вечный мир», пацифизм и пр.) Эта отрасль гуманитарного знания развивалась на широкой междисциплинарной основе. Ей на службу поставлены достижения и научный аппарат как гуманитарных (политология, теоретическая социология, история, философия, право, теория международных отношений, военная наука и др.), так и естественных (биология, антропология, статистика и др.) наук. В свою очередь, она повлияла на становление такой дисциплины, как конфликтология, на изучение глобальных проблем на рубеже 20–21 вв., всего комплекса проблематики биполярного мироустройства.

Развитию паксологии способствовало принятию ООН в 1990-е гг. широкомасштабной программы «Культура мира». Приоритетными направлениями этих исследований являются: разработка мер для преобразования структур, порождающих насилие, в ненасильственные; изучение проблем безопасности оборонных систем; разработка предложений по контролю над вооружениями и разоружением; изучение международных конфликтов, способов и приемов их разрешения; поиск путей предотвращения войн и установления мира. В середине 1980-х гг. получило развитие «глобалистское направление» в паксологии, в рамках которого проблемы мира анализируются во взаимосвязи с вопросами перестройки системы международных отношений на принципах социальной справедливости,

ответственности и гуманизма, а поиск путей развития доверия и сотрудничества между народами включает разработку широкого комплекса социально-экономических и культурно-воспитательных программ.

Однако говорить об окончательной институализации паксологии как специальной научной дисциплины преждевременно. Это вызвано наличием противоречий в мировоззренческой и политической ориентации исследователей, отсутствием единого понимания предмета и задач паксологии, ее отношения к традиционным научным дисциплинам. Не совпадают теоретические подходы ученых к пониманию мира: для одних – это «негативный мир», т.е. отсутствие войны, для других основой анализа выступает концепция «позитивного мира» как альтернативы не только войне, но и несправедливости и любому насилию.

Паксология развивается в тесной связи с полемологией, наукой о войне, в рамках которой исследуются войны, вооруженные конфликты, военное насилие. Она сформировалась после 2-й мировой войны. Термин ввел французский социолог Г. Бутуль. Опираясь на методы и выводы различных наук, полемологи изучают биологические, психологические, социологические и др. факторы, обуславливающие возникновение и характер вооруженных конфликтов, ищут способы и формы обеспечения мира и международной безопасности.

Дальнейшее наращивание теоретико-методологического потенциала паксологии и полемологии, разработка и реализация научно обоснованных практик в этой среде – долг мирового научного сообщества, всех миротворческих структур и организаций, в т.ч. ООН, ЮНЕСКО, международных и национальных научно-исследовательских структур, системы образования.

Библиография

1. Общественность и проблемы войны и мира. – М. – 1978.
2. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М. – 1993.
3. Галтунг Й. Культурный мир: некоторые характеристики // Культура мира и демократии. ЮНЕСКО. – М. – 1997.
4. Мир и война между народами. – М. – 2000.
5. Рогозин Д.О. Война и мир в терминах и определениях. – М. – 2004.
6. Тоффлер Э. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М. – 2005.
7. И. О. Ермаченко, Л.П. Репина. Мир и война: культурные контексты социальной агрессии. М. – 2005.
8. Кваша Г.С. Теория войны. – М. – 2011.

9. Lentz T. Towards a Science of Peace. // Turning Point in Human Destiny. N. Y. – 1955.

10. A Desing for International Relations Research: Scope, Theory, Methods and Relevance. – Philadelphia. –1970.

References

1. The public and the problems of war and peace. [Obshhestvennost' i problemy vojny i mira.] – M. – 1978.

2. International normative acts of UNESCO. [Mezhdunarodnye normativnye akty JuNESKO.] – M. – 1993.

3. Galtung J. Cultural world: some characteristics [Galtung J. Kul'turnyj mir: nekotorye harakteristiki] // Culture of peace and democracy. UNESCO. – M. – 1997.

4. Peace and war between nations. [Mir i vojna mezhdu narodami] – M. – 2000.

5. Rogozin D.O. War and Peace in Terms and Definitions. [Vojna i mir v terminah i opredelenijah].– M. – 2004.

6. Toffler E. War and anti-war: What is war and how to fight it. How to survive at the dawn of the twenty-first century. [Vojna i antivojna: Chto takoe vojna i kak s nej borot'sja. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka].– M. – 2005.

7. I.O. Ermachenko, L.P. Repin. Peace and war: cultural contexts of social aggression. [Mir i vojna: kul'turnye konteksty social'noj agressii] – M. – 2005.

8. Kvasha G.S. [Teoriya vojny] Theory of War. – M. – 2011.

9. Lentz T. Towards a Science of Peace. // Turning Point in Human Destiny. N. Y. – 1955.

10. A Desing for International Relations Research: Scope, Theory, Methods and Relevance. – Philadelphia. –1970.

ДМИТРИЕВ

Анатолий Васильевич,
член-корр. РАН, д. филос. н.,
профессор, главный научный
сотрудник Института Социоло-
гии РАН, Москва, Россия
mig@isras.ru

DMITRIEV

Anatoly Vasilyevich
Corresponding member RAS,
Doctor of Philosophy, Profes-
sor, Chief Researcher, Institute
of Sociology RAS,
Moscow, Russia
mig@isras.ru

Провокация: консервативная интерпретация/ Provocation: conservative interpretation ¹

Аннотация

В статье рассмотрен консервативный подход к анализу и оценке провокаций. Этот подход в основном используется в дискурсах политологов. Автор расценивает провокацию как амбивалентное явление. Провокация в целом есть апелляция к естественности и в своих позитивных формах направлена на освобождение от догм и ограничений. В негативных проявлениях она устремлена на подавление и ограничение свободы. Четкой границы между негативной и позитивной формами не существует: все зависит от ситуации и позиции наблюдателя.

Ключевые слова

Провокация; интерпретация; консерватизм; либерализм.

Abstract

The article considers the conservative approach to the analysis and evaluation of provocations. This approach is mainly used in the discourses of political scientists. The author sees provocation as an ambivalent phenomenon. Provocation in General, there is the appeal to naturalness in their positive forms, aims at liberation from the dogmas and limitations. In negative manifestations, it is directed at the suppression and restriction of freedom. Clear boundaries between negative and positive forms do not exist: all depends on the situation and the position of the observer.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект №15-03-00059).

Keywords

Provocation; interpretation; conservatism; liberalism.

Традиционный, т.е. консервативный подход к объяснению феномена особенно заметен при провоцировании в области политики. Как правило, провокации в ней используются для дискредитации противника. Например, в средствах массовой информации распространяется информация, способствующая созданию негативного общественного мнения по отношению к определенным политическим силам; организуются нападки на противника с тем, чтобы вызвать жесткий ответ и обвинить его в агрессии; совершаются резонансные преступления, которые приписываются противнику и т.д.

Подмечено, что государство как ведущая политическая сила традиционно применяет провокации для обнаружения и пресечения инакомыслия. Пользуясь отработанными схемами, агент-provokator внедряется в группу оппозиционно настроенных людей. Далее, злоупотребляя доверием, он пытается направить их действия в определенное русло – ослабить эффективность работы группы, внести в нее разлад, дискредитировать организацию в глазах общественности, нанести урон репутации, блокировать ее инициативы, дезориентировать ее. Часто provokator пытается подтолкнуть оппозиционеров к криминальным действиям, чтобы предоставить основания для их дальнейшего преследования или вынудить к сотрудничеству с властями под угрозой такого преследования. Существует аналог для такого типа действий в сельском хозяйстве, когда создаются благоприятные условия для прорастания семян сорных растений с последующим массовым их уничтожением и высаживанием культурных растений. Иными словами, способности провокации проявлять нечто естественное, природное, здесь обращаются против носителей. Особо эффективны такие провокации в авторитарном или тоталитарном обществе, где жизнь строго регламентирована, и все, выходящее за пределы официально предписанной деятельности, считается предосудительным. Обычно они организованы с ведома или по прямому распоряжению представителей официальной власти, тщательно режиссированы и направлены против тех, кто может ей угрожать.

В России, где провокация с конца XIX века активно использовалась как основной метод политической борьбы, все ее формы обычно рассматривались через призму именно политики, то есть с явным негативным подтекстом – как ограничение инакомыслия, форму подавления свободы. В этом, как мы уже отмечали, состоит одна из

причин подозрительного отношения в России ко всяким провокациям. Если в большинстве европейских языков слово «провокация» имеет нейтральный смысл и обозначает всякое действие, нацеленное на вызов ответной реакции, то в отечественной традиции провокация понимается преимущественно в негативном значении: как манипулятивная деятельность, которая паразитирует на доверии и использует подстрекательство, предательство и обман ради нанесения противнику как можно большего ущерба.

Ныне консервативный (традиционный) подход подвергается сомнению. Так, было замечено, что провокация, благодаря своей способности освободить естественное из-под гнета искусственных условностей, обладает мощным конструктивным и преобразовательным потенциалом, который проявляется в различных областях духовной и социально-преобразовательной деятельности.

Не только опасность провокаций, но и их необходимость для сохранения социальной стабильности четко осознавалась уже в архаичном обществе, на этапе господства мифологии. Хотя провокационное поведение в обыденной жизни было неприемлемо, оно не только разрешалось, но и прямо предписывалось во время некоторых строго регламентированных действий (во время разыгрывания мифов, ритуалов творения, праздников плодородия и т.д.). Многие элементы подобных действий прямо провоцировали сексуальность и непристойность, нарушение табу, высмеивание святынь, оскорбление представителей власти. Допустимость поведения подобного рода обосновывалась необходимостью символического возвращения к мифическому времени творчества и свободы, когда мир только создавался, и в нем еще не было никаких правил и законов. Кроме того, ограничение провокации рамками ритуалов позволяло контролировать ее и использовать на благо общества – для разрядки напряжения, развлечения, отдыха, предотвращения превращения жизни в обыденность, рутину, придания истершимся от частого употребления нормам и понятиям яркости, остроты и новизны. Культура, в которой ничего не меняется, медленно деградирует. Провокация, как и другие дестабилизирующие факторы (такие как смех, скандалы), способствуя периодическому обновлению культуры, придавали ей импульс к сохранению и развитию¹.

Дифференциация духовной жизни привела к тому, что в дальнейшем функция обновления оказалась закреплённой преимущественно за искусством, как сферой свободного творчества и обновления

¹ Маршак А.Л. Провокативный позитив: возможно ли? (опыт социологической диагностики) / Сб. Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. Краснодар. 2017. Вып. 14. С. 90.

культуры. Художник, имея широкую степень свободы самовыражения, моделирует жизненные ситуации, прогнозирует различные варианты развития культуры, тем самым подготавливая общество к приходу нового. Для создания нового необходимо покушение на старое: всякое искусство провокационно по отношению к устоявшимся шаблонам, вкусам и эстетическим теориям своего времени. Работа без провокаций, в точном соответствии с канонами и стандартами, какими бы высокими они ни были, является эпигонством, неспособным подняться до уровня искусства.

Художник способен провоцировать зрителя или читателя и манипулировать его чувствами: заставить зрителя или читателя сопереживать героям, плакать, смеяться, негодовать. Художественная провокация заметно отличается от политической или экономической: она носит условный, игровой характер, совершается с ведома и по желанию провоцируемого и не преследует утилитарных целей.

История развития искусства – это процесс расширения сферы свободы художника, этапы которого отмечены снятием ряда теоретических ограничений, например отказом от использования латыни в прозе, одического «высокого штиля» в поэзии, правила «трех единств» в драматургии и т.д. В XX веке провокация превратилась в ведущий прием и инструмент творческой деятельности, а к сегодняшнему дню сама по себе приобрела статус объекта искусства. Художественные произведения, не провоцирующие зрителя, имеют незначительные шансы на успех. Более того – даже провокационные действия уже не привлекают особого внимания современной публики, если они не способны выделиться на фоне прочих провокаций. Чтобы удерживать общественный интерес, искусству приходится развенчивать все более серьезные авторитеты и переступать через новые запреты, постоянно повышая степень своей провокационности. Современное искусство ориентировано на скандал, эпатаж, шок, способствующий изменению взглядов публики на мир и пересмыслению устоявшихся норм, поощрение творчества, независимости, оригинальности.

Провокация в искусстве может быть ориентирована как на формальные, так и на содержательные трансформации. В первом случае художник разрушает старые формы искусства, способствуя тем самым его развитию (в качестве примера можно привести модернизм, выступивший против канонов академического реализма). Во втором случае художник преступает базовые моральные, религиозные, правовые, политические табу. В условиях переходных эпох подобные действия ведут к расшатыванию норм, более не соответ-

ствующих новым условиям жизни, способствуя тем самым модернизации духовной жизни.

Положительное значение провокации наиболее последовательно раскрывается в тех сферах, где возможности манипуляции людьми в личных целях ограничены. В числе этих сфер помимо искусства следует упомянуть и социально-преобразовательную деятельность, целью которой является не завоевание или удержание власти, а прогрессивное развитие общества. Бунтари, революционеры, ниспровергатели устоев, запуская маховик истории, стимулируют динамику общественной жизни и способствуют поступательным изменениям в культуре.

И, наконец, несколько выводов о макро- уровне (сложносоставные провокации). Если стабильность вырождается в застой, провокации, эмоционально вовлекая группы людей в активную деятельность по обновлению социальных институтов, выступают в качестве инструмента возрождения общества. Провокация становится толчком к процессу разрушения старого порядка. В этом качестве она достаточно эффективна, поскольку от нее не требуется масштабности и исторического размаха, а от ее инициаторов – чрезмерных затрат. При достижении критической массы общественного недовольства для разведения революционного пожара достаточно одной провокационной искры. Если болевые точки общества определены правильно, самые незначительные поводы – карикатура, фильм, реплика в разговоре – способны вызвать массовые протесты. При рассмотрении генезиса любого протестного движения и в истоках любого масштабного противостояния в качестве повода для активных действий всегда можно обнаружить провокационное событие.

Если социальную провокацию, которая обычно разворачивается в пространстве публичной деятельности, можно оценивать по разным шкалам: на микро- уровне считать обманом доверия, а на макро- уровне – закономерным толчком к революционному обновлению общества. Л.Д. Троцкий, например, писал о Первой русской революции так: «Гапон, в конце концов, обернулся предателем, но 9 января и по сей день живет и действует, как великая революционная пружина в душе пролетариата. Массы рабочие – вот революция во плоти! А их нельзя ни развратить, ни подкупить»¹. У конкретного провокатора, полагал он, всегда есть корыстный интерес, но масштабные действия народных масс подчинены требованиям высшей исторической необходимости. Для понимания общих тенденций исторического развития не важны мотивы и цели политических про-

¹ Троцкий. Л.Д. Терроризм, провокация и революция // Правда. № 9. 1 января 1910.

вокаторов, запускающих процесс ломки старого. Значение имеет только действенность провокационных акций в процессе мобилизации общества для перехода на новый уровень развития. Иными словами, не только провокаторы используют народ, чтобы дискредитировать идеалы свободы, но и сама история использует провокаторов, чтобы опрокинуть старый режим, которому они служат.

Ранее мы анализировали «внешние» провокации. Примером же действий, спровоцировавших социальную активность на отечественном уровне можно, назвать акцию небольшой группы диссидентов, вышедших в 1968 г. на Лобное место в Москве в знак протеста против ввода войск в Чехословакию и солидарности с Пражской весной. Участники акции сознательно провоцировали власти на жесткие преследования, чтобы привлечь внимание к проблеме, показать, что у отдельных людей может быть собственное мнение, не совпадающее с официальным, и что они способны пожертвовать свободой ради того, чтобы свободно его высказать. Большая часть современников увидела в этих действиях проявление безрассудности, если не откровенного безумия, но со временем акция стала восприниматься как акт гражданского мужества, первый шаг, сделанный обществом к освобождению от страха перед режимом. В этой и подобных им провокациях сложно увидеть манипуляцию в частных целях: если здесь и есть манипулятор, этот манипулятор – сама история, действующая через отдельных людей.

Сознание масс неохотно признает соучастие своего народа в тех или иных масштабных преступлениях. Та же закономерность обнаруживается и в не включении в общественный оборот провокаций своих властей, включая правительство и обнаруживающих его коммуникационных агентств.

Национальная история полна описаний разнообразных провокационных действий внешних интриг, предательств, козней, подстрекательств в отношении собственной страны, ее населения. Эта особенность характерна не только для России. Так, например, китайцы подробно и красочно описывают японские провокации, армяне – турецкие и азербайджанские, латиноамериканцы – североамериканские, поляки – немецкие, российские и украинские, украинцы – российские и польские. Подобные списки можно продолжать до бесконечности, что впрочем и довольно бессмысленно, поскольку противопоставление «своего» и «чужого» будет существовать, по-видимому, вечно.

Собственные исследовательские традиции полны провокаций, так, показательна провокация в философии. В рациональной философии ценность провокации, ослабляющей контроль разума над

чувствами, отрицается. Практическая линия философии (начатая Сократом, продолженная киниками и возрожденная в иррационализме XIX–XXI вв.), напротив, трактует провокацию как искусство воздействия на человека и инструмент социального обновления. Многие эпатажные действия Антисфена и Диогена, также, как и шокирующие идеи Ф. Ницше и т.д., представляют собой сознательные провокации, наполненные глубоким философским содержанием¹.

При всей привлекательности практической линии философствования и резонансности её акций, она всегда находилась и продолжает находиться на маргиналиях философского процесса. Тем не менее, без неё магистральная теория рискует остановиться в развитии, превратившись в набор банальностей. Необходимость в провокации возникает там, где философская теория окостеневает и вырождается в мертвые догмы. Философская провокация, сдвигая баланс между теорией и жизнью в сторону жизни, позволяет стронуть общество с места, дать ему импульс к саморазвитию и возрождению.

Правда требует мужества и готовности пострадать за свои идеалы. По этой причине позитивная провокация часто возникает на фоне предельно аскетической («собачьей», «юродивой», «смешной»), но свободной жизни. Так, особое влияние на русскую философскую мысль оказало вызывающее поведение юродивых, всей своей жизнью доказывавших, что нелепое, нерациональное, безумное поведение имеет право на уважение, что в нем может быть больше смысла, чем в логических расчетах, осторожном благоразумии или абстрактных теориях. История продемонстрировала, что святость – это не только безукоризненное соблюдение норм и примерное поведение, но и нарушение норм, страдания, унижение, неразумие.

Таким образом, провокация в целом есть апелляция к естественности, которая в позитивных своих формах направлена на освобождение общества от догм и ограничений. Однако, как и любой другой эффективный инструмент воздействия на человека, она может быть использована против него. В негативных своих проявлениях провокация становится способом подавления и ограничения свободы. При этом четкой границы между позитивной и негативной формами провести нельзя: она зависит от контекста ситуации и позиции наблюдателя. По этой причине задача по разработке интегральной теории провокации чрезвычайно сложна: чтобы понять ее смысл, необходимо учитывать особенности каждой конкретной ситуации: сферу деятельности, в которой все происходит (искусство, политика, экономика и т.д.), цели, которые перед собой ставит провоциру-

¹ Сычев А.А. Провокация между теорией и жизнью // Провокация: сферы коммуникативного проявления. М.:РУСАЙНС. 2016. 158 с. С.35-36.

ющий (личные или общественно значимые), положение, в котором находится провоцируемый (осуществляется ли провокация в его интересах или наносит ему ущерб) и т.д.

Увеличение количества провокаций в мировом социуме является ярким показателем того, что господствующая мораль, религия, искусство, философия окостеневают, вырождаясь в мертвые догмы. В подобной ситуации, которая обычно сопровождается ростом агрессивности и конфликтности, наиболее эффективна борьба с их причинами, а не со следствиями – не с провокациями, а с устоявшимися стереотипами.

Библиография

1. Маршак А.Л. Provokativnyj pozitiv: vozmozhno li? (opyt sociologicheskoy diagnostiki) // Sb. Aktualnye voprosy sociogumanitarnogo znaniya: istoriya i sovremenность. Krasnodar. 2017. Вып. 14.

2. Троцкий. Л.Д. Терроризм, провокация и революция // Правда. № 9. 1 января 1910.

3. Сычев А.А. Провокация между теорией и жизнью // Провокация: сферы коммуникативного проявления. М.:РУСАЙНС. 2016. 158 с.

References

1. Marshak A.L. A provocative positive: is it possible? (Experience of sociological diagnostics) [Provokativnyj pozitiv: vozmozhno li? (opyt sociologicheskoy diagnostiki)] // Sb. Topical issues of social and humanitarian knowledge: history and modernity. Krasnodar. 2017. Vol. 14.

2. Trotsky. L.D. Terrorism, provocation and revolution [Terrorizm, provokaciya i revolyuciya] // Pravda. № 9. January 1, 1910.

3. Sychev AA Provocation between theory and life [Provokaciya mezhdru teoriej i zhizn'yu]// Provocation: spheres of communicative manifestation. M.: RUSAINS. 2016. 158 p.

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

POLITICS AND SOCIETY

ПОНОМАРЕВА

Александра Игоревна,
эксперт ОССО «Российская
нация», Москва, Россия
rosnation@mail.ru

PONOMAREVA

Aleksandra Igorevna,
expert of All-Russian union of
civil unions «Russian nation»,
Moscow, Russia
rosnation@mail.ru

Феномен глобализации как фактор современной политики //The phenomenon of globalization as a factor of modern politics

Аннотация

В статье рассмотрена качественная определенность феномена глобализации, близких к ней понятий и категорий, а также ее влияние на различные стороны общественной жизни, прежде всего, политику.

Ключевые слова

Глобализация; глобализм; глобальность; универсальность национально-государственных интересов; глобальные проблемы современности.

Abstract

The article describes the qualitative distinctness of the phenomenon of globalization, related concepts and categories, as well as its impact on various aspects of social life and, above all, politics.

Keywords

Globalization; globalism; globality; universality of national interests; global problems of modernity.

Основоположниками концепции глобализации считаются, как известно, Р. Робертсон, М. Уотерс и У. Бек, которые впервые посвяти-

ли этому социально-политическому феномену специальные исследования. Сам термин впервые в научный оборот ввел Р. Робертсон, сформулировавший определение этого понятия в 1985 г.¹ и изложивший свою концепцию глобализации в 1992 г. в специальном исследовании. Глобализация, по определению Р. Робертсона, – «это серия эмпирически фиксируемых изменений, разнородных, но объединяемых логикой превращения мира в единое целое»².

В 1990-е годы тема глобализации стала одной из самых обсуждаемых в среде философов, политологов, социологов, экономистов и политиков. Предложено было огромное множество взаимоисключающих и взаимодополняющих теорий и оценок глобализации. При этом политики и политологи, уделяя глобализации повышенное внимание, были значительно более осторожны и менее категоричны в своих определениях и оценках, чем, например, экономисты. «Представляется неправомерным достаточно распространенный вывод, – писал, например, Е.М. Примаков – что глобализация в обязательном порядке увеличивает разрыв между развитыми и развивающимися странами. Глобализация – не одноразовое явление, а процесс. Будучи связанным с прорывами в научно-технической области, на отдельных этапах своего развития процесс глобализации может оказать позитивное воздействие на весь развивающийся мир. Он вместе с тем усиливает дифференциацию в развивающемся мире и даже выталкивает из него ряд стран в группу развитых государств. Естественно, что среди развивающихся стран также существует группа, которая далека от наращивания своего «присутствия» в мировом ВВП, она постепенно опускается на «дно» мировой экономики»³. При этом многие политологи отказывали концепции глобализации в самостоятельной значимости и предлагали рассматривать ее в рамках уже существующих и общепризнанных теорий общественного развития. «Итак, глобализация, – отмечает Р.С. Гаджиев, – это объективный, закономерный и имманентный процесс, являющийся феноменом современной эпохи»⁴.

При этом У. Бек предложил дифференцировать понятия глобализации, глобальности и глобализма. Первое из них обозначает процессы, «в которых государства и их суверенитет вплетаются

¹ Robertson R., Lechner F. Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory // Theory, Culture & Society. 1985. Vol. II. № 3. P. 103–118.

² Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L., 1992. P. 32.

³ Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016. С. 391.

⁴ Гаджиев Р.С. О глобализации и глобализме// Философия и социальные науки. 2014. № 2. С. 45.

в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»¹, второе – реальность жизни в «мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию», третье – идеологию господства мирового рынка (неолиберализма)»².

В настоящее время дискуссии по феномену глобализации, на наш взгляд, уже утратили первоначальную остроту, ученые отказались от поиска единственно точного определения ее теоретической формулы и переключились на исследование разнообразных конкретных ее проявлений в различных областях внутренней и международной жизни. При этом сам феномен глобализации уже никем не оспаривается и его общепризнанное общее понимание может быть выражено так, как это сформулировал, например, А.А. Моисеев. «Развитие глобализации приводит к таким экономическим явлениям, как проницаемость межгосударственных границ для свободного движения финансовых потоков, перемещения товаров, услуг, технологий, рабочей силы...», она «ослабляет предпосылки конфликтов...» способствует «установлению и укреплению демократии, развитию глобального гражданского общества»³.

Принципиально этот подход был выражен и зафиксирован в официальных документах ООН. Так, в докладе Генерального секретаря ООН отмечалось следующее: «Глобализация – это общий термин, обозначающий все более сложный комплекс трансграничных взаимодействий между физическими лицами, предприятиями, институтами и рынками. Многообразные задачи, которые она ставит, задачи, которые государства не могут успешно решать только собственными силами, самым непосредственным и очевидным образом свидетельствуют о необходимости укрепления многостороннего сотрудничества. Глобализация проявляется:

- в расширении потоков товаров, технологий и финансовых средств;
- в неуклонном росте и усилении влияния международных институтов гражданского общества;
- в глобальной деятельности транснациональных корпораций;
- в значительном расширении масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, прежде всего через Интернет;

¹ Бек У. Что такое глобализация. М., 2001. С. 23–26.

² Там же.

³ Моисеев А.А. Феномен глобализации и международное сообщество // Журнальный клуб Интелрос «Век глобализации». 2015. №2. С. 64.

- в трансграничном переносе заболеваний и экологических последствий;
- и во все большей интернационализации определенных типов преступной деятельности.

Ее преимущества и риски распределяются неравномерно, и рост и достаток, которые она несет одним, компенсируются все большей уязвимостью и маргинализацией других – и разрастанием «анти-гражданского общества...»¹.

Таким образом, официальное международное толкование глобализации базируется на ее понимании в качестве эмпирического феномена, состоящего в резком ослаблении или даже снятии всевозможных барьеров: государственно-политических, экономических, транспортных, информационно-коммуникативных, культурно-языковых и т.д., в повышении интенсивности международных обменов во всех сферах общественной жизни. При этом в подходе ООН, очевидно, отмечаются не только положительные, но и отрицательные последствия этих процессов, а также проявляется озабоченность тем, что «слабые» участники глобализации во многом страдают от действий участников сильных. Иначе говоря, глобализация представляет собой не только объективный процесс, свойственный нынешнему этапу развития человечества, но и сознательную (субъективную) политику, проводимую определенными государствами (другими крупными транснациональными акторами) на международной арене, то есть теми, кому она выгодна.

Как отмечал в этой связи Ф. Фукуяма, «...глобализация предполагает взаимную зависимость..., демонстрирует, что торговля и информационный обмен между людьми перешагнули естественные национальные границы..., когда глобализация охватила почти весь мир, люди могут оказываться под влиянием решений, принимаемых теми, кто находится от них на расстоянии многих тысяч километров... проблема состоит в том, что взаимозависимость в сфере экономических интересов стала гораздо более значимой, чем то взаимное влияние, которое определялось взаимодействием в политической сфере... последствия этого могут стать угрозой демократическим структурам, потому что через глобализационные механизмы одна страна может оказывать давление на другую, более того, может поставить под угрозу жизнь населения той или иной страны»².

¹ Аннан К. Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации (A/54/1). 31 августа 1999 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/54sess/ch4-1.htm>.

² Фукуяма Ф., Кэпин Ю. Глобализация, современный мир, китайская модель развития // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 105–113.

Собственно первые (страны) в наибольшей степени выигрывают от глобализации. Государства, не входящие в указанную группу, в основном, борются с негативными последствиями глобальной политики стран-лидеров, защищая весь спектр национальных интересов. В то же время отказаться от включения в интенсивные международные обмены во всех сферах такие страны не могут, поскольку их изоляция приведет лишь к еще большему отставанию в развитии и утрате даже минимальных перспектив на улучшение жизни.

При этом весьма показательна предвыборная платформа президента США Д.Трампа: сделаем Америку снова великой. Некоторые эксперты объявили Трампа «антиглобалистом», что представляется, как минимум, поспешным выводом. Скорее всего, 45-й президент США выступает апологетом неоглобализма, универсальные императивы которого будут работать на США, испытывающим беспокойство доминированием Китая (особенно учитывая его последние геэкономические проекты).

В настоящее время очевидно: главный императив международной политики заключен в поиске взаимоприемлемых и взаимовыгодных форм справедливого международного сотрудничества, нахождения баланса между универсализмом общественного развития (глобализацией) и национально-государственными интересами его осуществления. «Многие явления и проблемы, – пишет французский ученый Ф. Моро-Дефарж, – побуждают людей рассматривать нашу планету как единое целое. Это означает, что многие проблемы могут быть решены только в том случае, если все человечество или, по крайней мере, его значительное большинство выработает единый подход к их решению. Речь идет прежде всего о разоружении (распространение ядерного оружия и ракетной технологии), об охране окружающей среды (загрязнение атмосферы, морей и океанов, уничтожение тропических лесов, незаконные перемещения отходов), об урегулировании экономических и финансовых вопросов (движение капиталов). Нарушение равновесия между ресурсами планеты и их потреблением также является глобальной проблемой, поскольку ни одна страна не может теперь долго жить в изоляции»¹.

В условиях обострения этих проблем и в целях позитивного их решения объективно возрастает роль общепризнанных международных организаций, прежде всего ООН. Однако факты последнего времени свидетельствуют о том, что наиболее развитые страны Запада и их региональные организации (например, НАТО) стремятся подменить собой эти организации и действовать в обход их или даже игнорируя их решения. Последние события вокруг Ближнего

¹ Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М., 1996. С. 21.

Востока и, особенно, Сирии свидетельствуют об этом со всей очевидностью. Известно, что «Benevolent hegemony» («благая гегемония») Запада в этом регионе, равно как и в других привела к крайне негативным последствиям.

Однако с точки зрения основного предмета нашего исследования наибольший интерес представляют проблемы глобализации, связанные с развитием информационно-коммуникативных технологий, их влиянием на процессы коммуникации. В этом отношении для нас показательна концепция российского ученого М.Г. Делягина и возглавляемого им Института проблем глобализации¹. Известно, что основные положения этой концепции состоят в следующем.

«Глобализация – это процесс формирования и развития единого финансового, информационного пространства, который охватывает собой весь мир, который связан с абсолютной доступностью информации и с очень быстрым перемещением капиталов»². При этом «...это процесс формирования и последующего развития единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий»³. Таким образом, эта концепция глобализации исходит из особой роли информационных процессов и технологий.

Информационная революция, по мнению М.Г. Делягина, составляет самую суть глобализации, но не сводится к техническим изобретениям вроде персонального компьютера, всемирного телевидения или даже Интернета. Главное изменение заключается в том, что впервые за всю историю человечества самым коммерчески выгодным бизнесом стало не изменение неодушевленных предметов, а формирование «живого сознания». В отличие от прошлого, информационное общество располагает технологиями, позволяющими сформировать доминирующую модель сознания и поведения «мягкими» (информационными) методами.

Здесь особая и даже исключительная роль в этих процессах в настоящее принадлежит лишь одной, наиболее развитой стране мира, а именно – США. Последние превратились сейчас в крупнейшего собственника (американским гражданам и корпорациям принадлежат 55% всех выпущенных в мире акций), в стержень не только мировой экономики (они производят более 30% мирового

¹ См., напр.: Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Отв. ред. М.Г. Делягин. М., 2000.

² Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития // Международная жизнь. 2000. № 11. С. 6.

³ Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// www.imperativ. net/iprog/th02.html](http://www.imperativ.net/iprog/th02.html).

ВВП), но и всей финансовой системы мира. При этом доллар США обеспечен, по мнению М.Г. Делягина, не их национальным богатством в традиционном понимании этого слова, но постоянно создаваемыми новыми технологическими достижениями. Они не просто имеют стоимость как продаваемый товар, поскольку главное их значение состоит в том, что они «привязывают» экономики всех стран мира к американской, обеспечивая их зависимость уже не на финансовом, а на фундаментальном, технологическом уровне.

Этот «технологический империализм» дополняется «империализмом информационным». Сила информационных технологий заключается, по мнению М.Г. Делягина, в том, что они обеспечивают доллар не столько фактом своего существования, сколько фактом своего применения, преобразующего массовое сознание в нужном для США направлении. Конкурентоспособность и мировое лидерство США вытекают именно из этого.

Еще более важно появление так называемых «метатехнологий» (качественно нового типа технологических решений), сам факт применения которых в принципе исключает возможность конкуренции. Примеры метатехнологий (по М.Г. Делягину): сетевой компьютер с заложенной в его конструкцию возможностью контроля за его работой со стороны разработчиков; современные технологии связи, позволяющие перехватывать все телефонные сообщения и анализировать их в «онлайновом» режиме (знаменитая американская система «Эшелон» и разоблачения, сделанные в последнее время Э. Сноуденом о системе глобальной слежки, используемой американской АНБ); различные организационные технологии.

Описанное стратегическое технологическое превосходство США реализуется формально не связанными друг с другом, а на деле образующими единое целое финансовыми и информационными рычагами, управляемыми бюрократией этой страны. США обеспечивают свои интересы и при помощи ряда формально независимых международных организаций, в которых они играют доминирующую роль. В военно-политическом плане такой организацией является НАТО, в экономическом – МВФ и, в меньшей степени, ВТО. Контроль США за МВФ почти абсолютен и обеспечивается даже не столько максимальным взносом США в уставной фонд этой организации, сколько составом ее высших руководителей¹.

¹ См.: Делягин М.Г. Глобальная Неустойчивость. Сокращенный вариант аналитического доклада. Октябрь 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.imperativ.net/iprog/glob-unequil.html>; Глобализация как стержневая проблема грядущего мирового развития // Международная жизнь. 2000. № 11. С. 20–21.

Таким образом, исходя из этой точки зрения, глобализация является принципиально новой формой глобального империализма США, осуществляемого путем непрерывного лидирования в разработке все более совершенных, опережающих весь мир, технологий и, главным образом, технологий информационных, которые не просто обогащают США, но и позволяют им господствовать напрямую. Такое доминирование реализуется путем тотального контроля (и слежки) за потоками мировой информации, а также глобальной обработки массового и элитарного сознания всего мира. Этот контроль подкрепляется контролем над мировой валютой и основными международными финансовыми организациями. К аналогичному выводу приходят в последнее время и некоторые зарубежные авторы. «Глобальный свободный рынок», – пишет, например, Л. Мишель, – или мировая экономика есть не что иное, как «сфера влияния и контроля США, которые в силу геополитических, исторических и культурных обстоятельств смогли самым эффективным образом удовлетворить свои интересы за счет других наций и народов»¹.

С ним согласны и другие исследователи, утверждающие, что: «Если рассматривать глобализацию как все более нарастающее разделение труда, а «американскую империю» – как центральное положение США в мировой экономической и политической системах... единой системы управления глобальной экономикой никогда не существовало, но сей факт вовсе не стал препятствием для инициированной США глобализации экономической деятельности. В реальности региональная раздробленность позволяет Вашингтону разделять потенциальных конкурентов и властвовать над ними»².

В отличие от тех, кто декларирует неуправляемый, стихийный характер глобализации, М.Г. Делягин, напротив, подчеркивает абсолютную управляемость этого процесса – глобализация не стихия, а сознательная политика одной державы, победившей в «холодной» войне и рассматривающей весь мир как свой «законный трофей», управляя им по своему усмотрению. Однако объективную основу процессов глобализации, на наш взгляд, не следует сбрасывать со счетов и принижать, поскольку они связаны не только с политикой,

¹ Мишель Л. Экономический национализм против мировой экономики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rema.ru:8101/elements/4econat.htm>.

² Шварц Г. Политика США и глобализация : до и после мирового финансового кризиса // Записки Валдайского клуба. 2016. 11 июля. № 51 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-51-politika-ssha>.

но представляют объективную тенденцию, обусловленную всем развитием производительных сил человечества на современном этапе его развития в рамках так называемой «четвертой промышленной революции».

В то же время в рассматриваемой концепции нам представляется весьма важным и верным выделение того принципиально нового, что привносят в процесс международного развития информационные технологии. Столь же важна и ценна, на наш взгляд, фиксация момента лидирования США в сфере разработки современных технологий в целом. «Мировой рынок технологий, высокотехнологичной продукции и интеллектуальной собственности, – отмечает в этой связи Л.С. Бляхман, – стал в начале XXI века определяющим. Более 40% этого рынка занимают США (у России – менее 1%), более 95% патентов принадлежит 25 странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые образуют «первый мир», где проживает около 1 млрд чел. – 15% человечества. Эти страны получают от остального мира многомиллиардную технологическую ренту»¹.

Не вызывает особых сомнений и указание на то, что США действительно стремятся стать фактическим «мировым правительством», подменяя в этом отношении глобальные международные организации, включая ООН. Наиболее ярким выражением этих стремлений являются широко известные работы З. Бжезинского и Г. Киссинджера².

В то же время значение исходящего от США (и даже от всего Запада в целом) информационного воздействия на массовое «мировое сознание», по нашему мнению, М.Г. Делягиным все же преувеличивается. В действительности, несмотря на гигантские вложения США и других западных стран на пропаганду их культуры, этики и образа жизни в остальном мире, дающие ожидаемый эффект, все же нельзя не заметить нарастающего неприятия, даже отвержения этой пропаганды, растущего влияния во многих регионах мира (в том числе, на Западе) совсем других ценностей: исламских, антиглобалистских, антизападных и т.д. При этом антиамериканизм, как показали массовые мировые реакции последних лет (особенно ярко на событие 11 сентября 2001 года), стал едва ли не планетарным явлением. Об этом же свидетельствует и международная реакция на участие США и их сателлитов в событиях «арабской весны»

¹ Бляхман Л.С. Псевдорыночная экономика в условиях глобализации // Проблемы современной экономики. 2002. № 1.

² См. например . Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2007; Brzezinski Zb. Strategic Vision – America and the crisis of global power. N.Y., 2012; Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.

и особенно в разжигании и эскалации гражданской войны в Сирии. Негативная роль США в мировых политических процессах начинает осознаваться со все большей очевидностью. Сегодня «США, – отмечает С.А. Караганов, – переживают период беспрецедентного падения своей популярности, на которой еще недавно основывалось их международное влияние. В результате событий последних лет престижу и влиянию Вашингтона нанесен ощутимый ущерб»¹. Даже в западном мире американская пропаганда и американская культура в целом сегодня все больше и больше подвергается критике и определенной дискредитации.

В то же время, по нашему мнению, не следует преувеличивать уровень развития производства в самих США, которые, наоборот, движутся в сторону обретения наибольшей зависимости от производительных сил остального мира. Этот процесс детально проанализирован в книге французского экономиста и политолога Э. Тодда². «Миру приходится, – пишет он, – все больше производить, чтобы обеспечить американское потребление... Список стран, с которыми у США торговый дефицит, впечатляет, так как в нем фигурируют все крупные страны мира»³.

При этом, замечает Э. Тодд, «импорт сырья не является главной причиной американского дефицита, что было бы нормальной ситуацией для развитой страны... Если мы соотнесем американский внешнеторговый дефицит не с валовым национальным продуктом в целом, включающим сельское хозяйство и услуги, а только с промышленным производством, то получим ошеломляющий результат: Соединенные Штаты зависят на 10% своего промышленного потребления от товаров, импорт которых не покрывается национальным экспортом. Этот промышленный дефицит составлял в 1995 году лишь 5%»⁴. Еще более критически оценивает экономику США А.Г. Франк: «Мы могли бы представить весь мир как бублик, где дядя Сэм в целом – это пустая дыра в середине, которая не производит почти ничего, что она могла бы продать за границей. Основные исключения – это сельскохозяйственная продукция и военная техника, которые в большой степени субсидируются правительством США за счет налогоплательщиков и печатного станка»⁵.

¹ Караганов С.А. XXI век: контуры миропорядка // Россия в глобальной политике. 2005. № 5.

² Тодд Э. После империи. *Rex Americana* – начало конца. М., 2004. С. 65.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Франк А.Г. Голый гегемон // Asia Times, США. 24 января 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/stories/05/09/02/3453/225019.html>.

Таким образом, специализация экономики США на развитии информационных технологий и услуг, финансово-спекулятивного сектора в ущерб традиционным сферам промышленного производства объективно делает их зависимыми от стран остального мира как в промышленном, так и в кредитно-финансовом отношениях.

«Скорость появления американского промышленного дефицита, – подчеркивает Э. Тодд, – является одним из наиболее интересных аспектов развивающегося процесса. Накануне депрессии 1929 года на долю Соединенных Штатов приходилось 44,5% мирового промышленного производства против 11,6% у Германии, 9,3% – Великобритании, 7% – Франции, 4,6% – СССР, 3,2% – Италии, 2,4% – Японии... 70 лет спустя США по объему промышленного производства несколько уступают Европейскому Союзу и лишь незначительно опережают Японию. Это падение экономической мощи не компенсируется деятельностью американских многонациональных корпораций. Уже с 1998 года прибыли, которые они переводят в Америку, ниже тех, которые действующие на ее территории иностранные предприятия репатрируют в соответствующие страны»¹. Известно, что акцент на преодоление указанных коллизий делал в ходе предвыборной кампании Д. Трамп.

Важнейшей и трудно разрешимой проблемой США является также огромный государственный долг, накопленный правительством этой страны и порожденный в конечном счете их хроническим торговым дефицитом с внешним миром. США нуждаются в ежедневном притоке 1 млрд долларов финансовых средств, чтобы покрывать свой внешнеторговый дефицит². Проблема эта достигла уже такого уровня, что начинает реально угрожать экономической безопасности США.

Наряду с этим, следует отметить, что в группе наиболее развитых стран мира, сообща извлекающих наибольшие преференции из процессов глобализации, нет безусловного единства, поскольку во многом их интересы противоречат друг другу. К ним следует отнести борьбу между долларом и евро, введение которого Европейским союзом серьезно подорвало значение американской валюты в качестве международной резервной денежной единицы. Монополия доллара тем самым уже нарушена. Планы создания региональных резервных валют развиваются Китаем, Японией и другими странами Восточной Азии, что еще более ослабляет доллар, если этим планам суждено осуществиться.

Второе серьезное противоречие среди развитых стран существует в сфере обеспечения их топливно-энергетической безопас-

¹ Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004. С. 65.

² См.: The Betrayal of Capitalism // New York Rev. of Books. 2002. 31 Jan.

ности. Объективно назревает острая конкуренция за контроль над скудеющими источниками сырья, топлива и энергии, которых на планете становится все меньше и меньше¹. Эту конкуренцию еще более обостряют быстро возрастающие потребности в сырье и энергоносителях со стороны Китая, Индии, Бразилии и других динамично развивающихся стран. «В США, – отмечает В.И. Субботин, – где проживает всего 4% населения Земли, потребляется 20% мировых сырьевых ресурсов. Борьба за сырье будет обостряться... Ожидается быстрый рост потребления нефти в Индии и Китае, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, где в последние годы отмечается ускоренное экономическое развитие. Двукратное увеличение потребления нефти возможно в Южной Америке»².

В этих условиях даже в европейских странах все отчетливее высказывается мнение о необходимости отказа от политики безусловного следования в фарватере США и переориентации на проведение самостоятельного курса в отношениях с другими, значимыми для Европы странами. «Европа и Япония, – пишет Э. Тодд, – которые в состоянии оплачивать свой импорт, должны непосредственно обсудить с Россией, Ираном и арабским миром вопрос о безопасности своего снабжения нефтью. У них нет никаких причин участвовать в театральных военных интервенциях по-американски»³.

Таким образом, одним из наиболее вероятных сценариев социально-политического развития в мире в ближайшем будущем является, на наш взгляд, не только дальнейшая «консолидация стран Запада против остального мира» (В.Л. Иноземцев⁴), но и нарастающая конкуренция этих стран между собой за иссякающие источники сырья, топлива и энергии, и за роль мировых финансово-политических центров. В этих условиях доминирующая позиция и роль США в процессах глобализации объективно должна ослабляться, а мир в целом, вероятнее всего, продолжит свою эволюцию в сторону многополярности.

Подводя краткие итоги нашего анализа феномена глобализации, мы можем сформулировать следующие основные выводы.

Глобализация представляет собой «эмпирический» феномен, состоящий в резком ослаблении или даже снятии всевозможных

¹ «Например, по разным оценкам нефти хватит человечеству на 20–50 лет» (Субботин В.И. Энергоисточники в XXI веке // Вестник РАН. 2001. № 12).

² Субботин В.И. Энергоисточники в XXI веке // Вестник РАН. 2001. № 12.

³ Тодд Э. После империи. *Rax Americana* — начало конца. М., 2004. С. 201.

⁴ Иноземцев В.Л. Открытое общество за закрытыми границами // НГ-Сценарии, 2001. 6 октября.

барьеров: государственно-политических, экономических, транспортных, информационно-коммуникативных, культурно-языковых и т.д., в международных отношениях и повышении интенсивности международных обменов во всех сферах общественной жизни.

Процессы глобализации несут с собой не только позитивные, но и отрицательные последствия, большая часть которых выпадает на долю наиболее уязвимых участников этих процессов, а выгоды достаются наиболее сильным. Последние на этом основании форсируют процессы глобализации в форме сознательно проводимой ими политики. Поэтому глобализация – это не только объективный процесс, характерный для нынешнего этапа развития человечества, но еще и сознательная (субъективная) политика, проводимая определенными государствами и другими крупными транснациональными акторами (ТНК) на международной арене.

Наибольшую выгоду из процессов глобализации извлекает в настоящее время наиболее мощная в финансово-экономическом, военно-политическом и информационно-технологическом отношениях страна – США, возглавляющая блок наиболее развитых стран Запада и стремящаяся на этой основе действовать в обход признанных международных правовых норм и организаций, в том числе ООН. Особую роль при этом играет их доминирование в информационно-коммуникативной сфере, что позволяет навязывать свою точку зрения остальным участникам мировой политики в качестве «общечеловеческой» и в этом смысле общезначимой.

В то же время позиция и роль США в мире, а также их авторитет и влияние в последнее время объективно снижаются, чему способствует, с одной стороны, нарастание острых проблем (в основном финансово-экономического характера) в самих США, а с другой – все большее осознание другими странами (в том числе и ближайшими союзниками США) своих собственных национальных интересов, не совпадающих с американскими. Основными моментами здесь являются борьба этих стран за создание собственных финансово-экономических центров и конкуренция за иссякающие сырьевые и топливно-энергетические ресурсы. Эти противоречия внутри стран, получающих наибольшие преференции от процессов глобализации, дают объективный шанс на возрождение авторитета и влияние международных организаций во главе с ООН, а следовательно, на наиболее справедливое разрешение всех глобальных проблем: экономических, политических, экологических, социального развития и т.д.

Проявление всех этих противоречивых тенденций, несомненно, должно отразиться и в информационно-коммуникативной сфере, включая развитие систем национальных и мировых СМИ.

Библиография

1. Бек У. Что такое глобализация М., 2001.
2. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Отв. ред. М.Г. Делягин. М., 2000.
3. Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 6: Минное поле политики. Мир без России? М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Российская газета», 2016.
4. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
5. Федякин А.В. Реализация национальных интересов как стратегический приоритет современной российской политики // Вестник Российской нации. 2014. № 6.
6. Федякин И.В. Особенности формирования и реализации информационной политики в зарубежных странах // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007. № 6.

References

1. Beck U. What is globalization [Chto takoe globalizaciya] M., 2001.
2. The practice of globalization: the games and rules of a new era [Praktika globalizacii: igry i pravila novoj ehpoi] / Отв. Ed. M.G. Delyagin. M., 2000.
3. Primakov EM Collected works. In 10 volumes. Volume 6: The Mining Field of Politics. A world without Russia? [Tom 6: Minnoe pole politiki. Mir bez Rossii?] M.: Publishing house ТПП the Russian Federation; Publishing House Rossiyskaya Gazeta, 2016.
4. Utkin A.I. Globalization: the process and comprehension [Globalizaciya: process i osmyslenie] M., 2001.
5. 5. Fedyakin A.V. Realization of national interests as a strategic priority of modern Russian politics [Realizaciya nacional'nyh interesov kak strategicheskij prioritet sovremennoj rossijskoj politiki] // Bulletin of the Russian Nation. 2014. № 6.
6. Fedyakin I.V. Features of the formation and implementation of information policy in foreign countries [Osobennosti formirovaniya i realizacii informacionnoj politiki v zarubezhnyh stranah]// Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Science. 2007. № 6.

АСПЕКТЫ

ASPECTS

АРТЕМКИН

Антон Николаевич,
аспирант Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
aanton5@narod.ru

ARTJOMKIN

Anton Nikolaevich, Postgraduate Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
aanton5@narod.ru

Правительственные проекты университетского устава в начале XX в.: политический аспект и причины неудач/ Government projects of the University Charter at the beginning of the 20th century: political aspect and reasons for failure

Аннотация

В статье исследуются проекты университетского устава, созданные в министерских комиссиях в начале XX в. в Российской империи. Выявляется ряд причин отказа от проектов. Рассматривается противостояние правительства и академического сообщества, заключающееся в том, что правительство стремилось сохранить контроль, а университет – получить автономию, но вынужденный диалог и совместная работа со временем вынуждают прийти к определенному компромиссу.

Ключевые слова

Проекты университетского устава; министерские комиссии; государственная политика в области народного просвещения начала XX в.

Abstract

The article explores all the projects of the University Charter created in the ministerial commissions at the beginning of the 20th

century in the Russian Empire. Reveals a number of reasons for rejecting projects. Discusses the conflict between government and the academic community consists in the fact that the government sought to maintain control, and the University – to receive autonomy, but forced dialogue and joint work over time let work out a compromise.

Keywords

Projects of University Statutes; ministerial commission son draft statutes; state policy in the field of public education at the beginning of the 20th century.

История возникновения череды проектов университетских уставов начинается с 1899 г. После сорванного студентами торжественного годовичного акта в Петербургском университете и избиения учащихся полицией начались массовые студенческие забастовки. Обеспокоенный событиями, министр финансов С.Ю. Витте составил записку императору. После чего было решено учредить комиссию по расследованию причин беспорядков. Ее главой был назначен генерал П.С. Ванновский, пришедший к выводам, что необходимо пересмотреть всю политику в отношении просвещения, а, следовательно, утвердить новый университетский устав – документ, определявший положение просвещения в стране.

После назначения на пост министра народного просвещения Ванновским в советы университетов был направлен циркуляр, содержащий вопросы касательно реформирования. Полученный материал был систематизирован комиссией под председательством И.К. Ренара. Затем, с Высочайшего соизволения, было предложено передать его более компетентной комиссии, но сам министр не смог продолжить работу по состоянию здоровья, к тому времени ему было 80 лет. Пожелания советов сводились к: праву выбора ректоров, прямому подчинению министру, повышению ставок и отмене гонорара.

Новый министр – проф. Г.Э. Зенгер – получив Высочайший рескрипт, подверг обсуждению систематизированный материал. В результате был выработан проект, радикально пересматривавший устав 1884 г. в либеральную сторону, в чем правительство и император, не желавшие давать послабления, не преминули упрекнуть министра. Вследствие этого он был вынужден уйти с поста, а его проект был обречен.

Следующий министр – генерал В.Г. Глазов – не имел опыта работы в данном министерстве. От него и требовалось проявлять инициативу, т.к. император имел свои планы. Многие идеи Николая II,

касающиеся университетского вопроса, как были им высказаны самолично, так и ходили на уровне слухов: так обсуждалась идея «университеты сделать одномастными, вместо того, чтобы собирать под одной крышей четыре факультета»¹. В бумагах императора нельзя обнаружить подобную мысль. Другую мысль он высказал прямо накануне назначения Глазова, заметив, что необходимо сократить количество профессоров².

В это время значительную роль в министерстве начинает играть должность товарища министра. С.М. Лукьянов, занимавший этот пост при Глазове, и определял все делопроизводство. Участие же самого Глазова в разработке проекта устава весьма сомнительно.

Получив Высочайшее согласие, министр пригласил в состав комиссии чиновников и профессоров, чьи взгляды в отношении проекта разнились (А.С. Будилевич, С.Н. Трубецкой). Полученный результат представлял собой гибрид всех уставов, склоняясь к последнему. Главный посыл проекта заключался в том что хотя бы при руководстве министерством и под надзором попечителей университетам возвращалось самоуправление. Члены комиссии пытались облечь в юридическую форму мелочи и детали университетской жизни, желая четко отчеркнуть границу между чиновниками и профессорами, но в результате получился «длинный, запутанный, и, по сути говоря, нечитаемый документ»³. Большое количество отсылок к уставу 1884 г. и сокращение полномочий университета при контроле министерством было негативно воспринято академическим сообществом. В результате проект также не был утвержден.

Волна студенческих выступлений вынуждала постепенно, указами министра корректировать устав 1884 г. Подобные действия лишь подрывали доверие к министерству. Попытка восстановить работу университетов, предпринятая осенью 1905 г., не увенчалась успехом. Дело с вузами обстояло не самым лучшим образом: все они были закрыты для преподавания, но продолжали играть значительную роль в революционном движении. Для проведения эффективной политики по инициативе Витте была учреждена должность председателя Совета министров в целях способствовать укреплению правительственного аппарата и увеличить скорость принятия решений. Первым ее занял сам Витте. На пост министра народного

¹ Два разговора (из дневника В.Г. Глазова) / Сообщение С.Ф. Платонова // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 211.

² Там же, с. 212.

³ Шиллер-Валицка И. Реакция западных экспертов на русскую «профессорскую конституцию» 1905 г. // Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева (ред.) Словосие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 268.

просвещения им был назначен граф И.И. Толстой, не ожидавший подобного назначения и согласившийся только после личной просьбы императора.

Принцип работы, установленный в администрации министерства Лукьяновым, был отвергнут Толстым, считавшим предложенный метод бюрократическим и неэффективным, а свою должность при нем – номинальной. Подобную постановку дела он связывал с личным составом, поэтому было решено его заменить. В отставку отправлены Лукьянов и Ренар, удален ряд попечителей. Новыми товарищами стали О.П. Герасимов и П.П. Извольский.

«Университетская автономия» была уже провозглашена «Временными правилами ...» от 27 августа 1905 г. Затем указом министра она была распространена на вузы других ведомств. Исключением стали привилегированные учебные заведения. Провозглашенная автономия не отменила бюрократической опеки: профессора получили право избирать руководство университета, но право утверждения оставалось за министром. Подобные уступки служили в качестве временной «подпорки», которую предполагали заменить новым уставом.

В целях создания нового устава министерство направило проект Глазова всем членам университетских Советов. По истечении месяца на рассмотрение им было предложено избрать из своей среды ряд представителей, отвечающих количеству факультетов. В результате была собрана комиссия из сорока четырех профессоров (были приглашены и все ректора). Председателем стал сам министр, заявивший, что цель его участия и его товарищей – быть в курсе дела, а в прениях и голосованиях они участвовать не будут. Прессе допуск был закрыт в целях сохранить совещательный характер, при этом разрешалось сообщать ей все, что найдут желательным сообщить сами участники. Проект был переведен на французский и немецкий языки и отправлен в Германию, Францию, Голландию и Швецию с просьбой отзыва.

В нем были реализованы пожелания университетов: 1) подчинение с формальной стороны напрямую министру; 2) свобода преподавания; 3) коллегиальное управление с выборным началом; 4) свобода от вмешательства во внутренние его дела со стороны администрации; 5) отказ от прав диплома; 6) расширение круга средних учебных заведений, выпускники которых получали право поступать в вуз; 7) женщинам позволялось выступать в качестве студенток и преподавательниц; 8) курсовая система заменялась предметной; 9) университеты характеризовались как «учено-учебные государ-

ственные учреждения», самостоятельно организующие свою научную, учебную и административно-хозяйственную деятельность.

Пока проект ждал утверждения, Толстой намеревался утвердить временные правила, заставившие бы работать университеты до его принятия. Они были внесены на рассмотрение в Совет министров, где получили отказ. К императору министр не решился идти, боясь настроить его против Совета и поставить в неудобное положение.

Правительство, как и предполагал Витте, проработало до первого созыва думы. Вместе с ним в отставку ушел и Толстой. Проект устава, получив одобрение в канцелярии Совета министров, при новом министре – бароне П.М. фон Кауфмане – был отклонен. Государственный совет мотивировал отказ тяжелым финансовым положением.

Новый министр также предпринял попытку создания проекта устава. В отличие от предыдущих, новый проект был лично разработан им при использовании проектов Глазова и Толстого. Таким образом, консервативная его часть обязана проекту первого, а либеральная – второго. Ряд исследователей подчеркивает консервативную направленность Кауфмана, другие указывают на принятые и предложенные им законопроекты, носящие очевидно либеральную направленность. А.И. Аврус отмечает¹, что новый министр, заметив, что революция отстывает, в своем проекте устава пытался урезать университетскую автономию. А. Дмитриев же замечает², что он хоть и пользовался репутацией консерватора, пытался продолжать линию Толстого. Отметим, однако, что новый министр пытался изгнать политику из вузов, считая, что они должны заниматься исключительно научной стороной жизни, а диплом не должен давать никаких служебных прав. Это отмечалось и в его «компромиссном проекте», предлагавшем: 1) установить прямое подчинение университета министру; 2) закрепить выборность администрации; 3) утверждать вузам собственные учебные планы с правом выдачи диплома; 4) составлять собственные экзаменационные комиссии; 5) легализовать создание студенческих кружков; 6) зачислять всех лиц, окончивших средние школы разных типов.

Так как проблема допуска к обучению в университетах женщин в начала XX в. в России вынуждала их получать образование за границей, правительство вынуждено было издать распоряжение, запрещающее им там учиться, угрожая в случае нарушения запретом

¹ Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001. С. 39.

² Дмитриев А. «По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы)» // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 112.

на обратный въезд. Такое положение дел вынудило Кауфмана высказать мнение в Совете министров о совместном обучении (что отражено и в проекте), но за исключением обер-прокурора св. Синода А.Д. Оболенского все члены собрания выступили против.

Проекту Кауфмана не суждено было воплотиться в жизнь. «Правила ...», утвержденные 11 июня 1907 г., вызвали переворот в представлениях кабинета министров относительно «университетского вопроса». В результате внесенный проект остался без внимания. Либеральная политика министра также вызвала недовольство императора и нового председателя Совета министров – П.А. Столыпина, считавших, что она ведет к «бессилию» вместо того, чтобы повести дело просвещения юношества твердой и умелой рукой. Вследствие этого «компромиссный проект», соединявший принципы академической автономии с государственным контролем, был отклонен, а министр отправлен в отставку.

Впоследствии Кауфман попытался изложить свои взгляды на проект устава в статье «Новый университетский устав» (1909). Главная ее идея заключается в том, чтобы правительство перестало рассматривать вузы в качестве своей кузницы кадров, а для этого, считал он, диплом не должен давать никаких должностных привилегий.

Следующий министр – проф. А.Н. Шварц – в своей переписке со Столыпиным указывал на недостатки своего назначения: наряду с возрастом, к тому времени ему было 59 лет, он выделял и свою непопулярную консервативную позицию в отношении «университетского вопроса». Его замечания не помешали Столыпину сделать выбор. Новый министр стал идеальным членом его правительства. Следуя выбранному курсу, он также придерживался стратегии: «Сначала успокоение, потом реформы» и в «университетском вопросе». Исследуя данный период, сложно понять, где реализация взглядов самого министра, а где политика Столыпина. Шварц, опасаясь сбиться с правительственного курса, вел интенсивную переписку с ним. Но будучи консерватором и выступая против университетской автономии, многие его действия полностью отвечали курсу и не противоречили его взглядам. Тем не менее, именно по причине разногласий он будет вынужден покинуть пост, сославшись на состояние здоровья. Реальной же причиной отказа послужила политизация школы: Шварц, являясь сторонником ее деполитизации, выступал против создания в них политических молодежных организаций, тогда как Столыпин наоборот поддерживал создание промонархических организаций, стараясь увеличить свою группу влияния и полностью ликвидировать любые антиправительственные настрояния.

Имеется большое количество научной литературы, дающей представление о деятельности министра Шварца, однако практически отсутствует литература о создании им проекта устава.

Потребность в новом уставе и значительно возросший интерес общественности к данному вопросу вынуждали правительство продолжить работу, но в этот раз с поправкой на программу политического курса. Идея реформирования системы образования путем стратегического планирования развития высшей школы получила поддержку Столыпина, в результате был создан единый межведомственный орган – особое совещание товарищей министров и главноуправляющих министерствами под председательством министра народного просвещения. Работа над новым проектом устава началась сразу после назначения Шварца. Значительный вклад в разработку внес новый товарищ министра Г.К. Ульянов, сменивший Герасимова. Публикация Шварцем бюрократического проекта в 1909 г. насторожила сообщество, но в целом восприятие «не погрузило академическую среду в уныние»: все надеялись, что дума «способна будет кое-что скинуть с бюрократических претензий, а остальное, может быть, перемелет жизнь...»¹. Однако многие выступили против проекта (И. Боргман и А. Мануйлов), упрекая его в ликвидации университетской автономии. Несмотря на неполное одобрение Советом министров, он был отправлен в думу. В результате было решено собрать комиссию для его рассмотрения, которая и была собрана, но успела провести только одно заседание, прежде чем проект был отозван новым министром – Л.А. Кассо.

Согласно проекту Шварца связь между университетом и министерством должна была осуществляться через попечителей. Прописывались функции и обязанности последних, практически полностью схожие с предписаниями действующего устава. Права и обязанности ректора также совпадали с теми, которые регламентировал устав 1884 г. Согласно процедуре его выбора: кандидат на пост ректора, избранный советом, должен был быть утвержден министром; если министр не утверждал кандидатуру, то назначались новые выборы. Вопрос относительно экзаменационных комиссий решался в пользу университета.

Таким образом, проект Шварца хоть и был более демократичен, чем устав 1884 г., но в сравнении с предложенными ранее проектами сильно ограничивал университетскую автономию. Отношение к нему усугубляло то, что многие положения действующего устава уже были скорректированы циркулярами министров (к 1913 г. претерпели из-

¹ Сперанский Н.В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 121.

менения 42 из 149 его статей), а проект возобновлял старые отношения. Общественность выступила резко против. Вследствие этого он также не был утвержден.

Кассо откажется от создания проекта устава, заявив, что считает ненормальным и недопустимым введение каждые 20 лет нового устава и его составление представляет «бесцельным и ненужным»¹. После его смерти пост министра займет граф П.Н. Игнатьев, который начнет свою деятельность с отмены циркуляров предыдущего министра.

Первая мировая война вновь заставила задуматься о реформе высшего образования. По замечаниям А.Е. Иванова, она «резко подняла акции высшей школы как поставщика чрезвычайно дефицитных командных кадров для армии и оборонной промышленности»². С лета 1915 г. министерство занялось разработкой плана устройства вузов. Она проходила в двух направлениях: в первом, «университетская» часть была отнесена к компетенции созданного при министерстве Совета по делам вузов, а во втором все, что касалось профессионально-технической школы, было отнесено к компетенции ряда ведомств, чьи интересы представлял Совет по делам профессионального образования.

Прямой запрет императора на открытие новых университетов³ стал препятствием для политики Игнатьева. Переубеждая императора в необходимости открытия новых университетов, он указывал, что специалистов, выпускаемых университетом, никаким другим заведением заменить нельзя: «высшее научное преподавание, связанное с разработкой наук, требует совокупных усилий, проникнутых общим научным направлением представителей разнородных групп наук», а развитие общего образования становится «необходимой предпосылкой для должного развития образования специального»⁴. В итоге запрет был отменен.

Работа над проектом устава велась долго. К его разработке и обсуждению были привлечены и университетская общественность, и многие государственные деятели. Главная роль по созданию проекта и объяснительной записке к нему принадлежала В.Т. Шевякову и Н.О. Палечеку. Первый вариант был разослан по университетским советам для отзыва. Вместе с этим на специальном заседании под

¹ Сперанский Н.В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 203.

² Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. С. 184.

³ Там же.

⁴ Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. С. 185–186.

председательством Шевякова и с участием попечителей и ректоров состоялось его обсуждение. Во втором обсуждении приняли участие представители думы А.И. Шингарев, Е.П. Ковалевский и члены Государственного совета, а также профессора М. Новиков, А. Васильев и М. Ковалевский. Прежде чем внести проект в Совет министров, он был рассмотрен представителями других ведомств. Одобренный, он был отправлен в думу. Где его огласили и передали в комиссию для обсуждения и на заключение бюджетной комиссии. Реакция общественности на проект была позитивной, но, в связи с отставкой министра до февраля 1917 г. проект так и остался нерассмотренным.

Проект Игнатьева в корне менял принятый взгляд на роль и устройство университетов. В записке к нему пояснялось, что начиная с устава 1804 г., университеты создавались для приготовления юношества к государственной службе, та же мысль отражена и в последующих уставах. Подобная задача, по мнению министра, затрудняла развитие вузов, требуя от них строгой регламентации научно-учебной жизни и тем самым ослабляя в них дух творчества. Он утверждал, что задача, ставящаяся перед профессорским составом, подготавливать служилых людей вносила в него чуждое ему начало. Тогда как следовало направить их деятельность на решение основной задачи: содействовать развитию наук и давать юношеству высшее научное образование. Вследствие этого новый проект был построен таким образом, чтобы не стеснять самостоятельность университетских органов управления, построенных на выборном начале, в деле заведования всеми частями университетского управления и оставить за министерством лишь общее руководство и надзор за их деятельностью как учреждений государственных. Нововведениями было закрепление принципа выборности ректора, наделяемого всей полнотой дисциплинарной власти на четыре года. Проект декламировал значительное расширение полномочий университетского Совета. Вузы должны были бы подчиняться министерству напрямую. Должность попечителя оставалась, но носила вспомогательную роль. Доступ в университет открывался всем выпускникам школ, в том числе и женщинам, но с оговоркой, что в зависимости от местных условий и при ходатайстве университетского Совета. Проект отменял служебные привилегии диплома, ликвидировал степень магистра и менял гонорарную систему оплаты. Среди важных его административных предложений было учреждение нового органа – Совета по делам вузов, в задачи которого входило: объединить управление всеми институтами принадлежавших ве-

домству Министерства народного просвещения и обсуждение всех нормативных документов, регулировавших жизнь высшей школы.

Однако быстрое развитие событий и революция поставили точку в истории империи и проектов устава. Как в процессе создания комиссий, так и в проектах можно увидеть противостояние правительства и академического сообщества: правительство стремилось сохранить контроль, а университет – получить автономию. Благодаря вынужденному диалогу и совместной работе вырабатывается определенный компромисс. Правительство начинает понимать необходимость кардинального изменения отношения к университету, а академическое сообщество все больше включается в управление государством.

Причины, по которым ни один из проектов устава так и не был принят, заключаются: во-первых, в крайней либеральности или консервативности проектов и их несвоевременности, по причине резко изменяющейся политической обстановки; во-вторых, в отсутствии решимости императора; в-третьих, в восприятии властью вузов в качестве чиновничьей кузницы кадров.

Несмотря на это, можно утверждать, что в результате работы над проектами был получен значительный опыт при создании подобного рода документов, увеличилось взаимодействие между властью и академической средой, резко возрос общественный интерес к делу просвещения и качественно эволюционировало восприятие государственной власти по отношению к вузам.

Библиография

1. Аврус А.И. История российских университетов. М., 2001. С. 39.
2. Два разговора (из дневника В.Г. Глазова) / Сообщение С.Ф. Платонова // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1.
3. Дмитриев А. «По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900-1917 годы)» // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 112.
4. Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века. Т. 1. М., 2011.
5. Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX века. С. 184.
6. Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 48–67.
7. Сперанский Н.В. Разгром русской высшей школы // Сперанский Н.В. Кризис русской школы. Торжество политической реакции. Крушение университетов. М., 1914. С. 121.

8. Шиллер-Валицка И. Реакция западных экспертов на русскую «профессорскую конституцию» 1905 г. // Е.А. Вишленкова, И.М. Савельева (ред.) Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М., 2013. С. 268.

References

1. Avrus A.I. The history of Russian universities [Avrus A.I. Istorija rossijskih universitetov]. M., 2001. 39 p

2. Two conversations (from the diary of VG Glazov) [Dva razgovora (iz dnevnika V.G. Glazova)] / Message S.F. Platonov // Cases and days. Historical Journal. 1920. Book. 1.

3. Dmitriev A. «On the other side of the university question»: government policy and social life of the Russian higher school (1900-1917) « [Dmitriev A. «Po tu storonu «universitetskogo voprosa»: pravitel'stvennaja politika i social'naja zhizn' rossijskoj vysshej shkoly (1900-1917 gody)»] // University and city in Russia (early XX century). M., 2009. 112 p.

4. Dneprov E.D. Russian education in the XIX – early XX century. [Dneprov Je.D. Rossijskoe obrazovanie v XIX – nachale XX veka] T. 1. M., 2011.

5. Ivanov AE High school in Russia in the late XIX - early XX century. [Ivanov A.E. Vysshaja shkola v Rossii v konce XIX – nachale XX veka] 184 p.

6. Memoirs of Count I.I. Tolstoy. [Memuary grafa I.I. Tolstogo]. M. 2002. 48-67 p.

7. Speransky N.V. The rout of the Russian higher school [Speranskij N.V. Razgrom russkoj vysshej shkoly] // Speransky N.V. The crisis of the Russian school. The triumph of political reaction. The collapse of universities. M., 1914. 121 p.

8. Shiller-Valitska I. The reaction of Western experts to the Russian «professorial constitution» of 1905 [Shiller-Valicka I. Reakcija zapadnyh jekspertov na russskuju «professorskuju konstituciju» 1905 g] // E.A. Vishlenkova, I.M. Savel'eva (ed.) The estate of Russian professors. Creators of statuses and meanings. M., 2013. 268 p.

АНИСТРАТЕНКО

Татьяна Григорьевна,
к. полит. н., доцент Института
социологии и регионоведения
Южного федерального уни-
верситета, Ростов-на-Дону,
Россия

tanis63@list.ru

ANISTRATENKO

Tatyana Grigorievna,
candidate of political sciences,
Professor Department of
regional science and Eurasian
Research Institute of sociology
and regional studies Southern
Federal University, Rostov-on-
Don, Russia

tanis63@list.ru

Социально-личностные ориентации рефлексивной личности/ Socio-personal orientations of reflective personality

Аннотация

В статье рассматривается социально-рефлексивное осмысление формирования жизненной ориентации, выражающее рефлексию человеческого существования и порождающее жизненную активность, формирование жизненной ориентации и утверждение жизненной позиции. Автором делается акцент на таком аспекте жизненной ориентации личности как смысло-жизненное наполнение жизненной ориентации, который связан, прежде всего, с ориентацией на личностную самореализацию, выражающую основные модусы человеческого существования.

Ключевые слова

Жизненные ориентации; рефлексивная культура; модусы человеческого существования; личностная самореализация; социально-психологическая модель; социальная активность.

Annotation

The article examines the socio-reflexive understanding of the formation of life orientation, expressing a reflection of human existence, and generate vital activity, the formation of life orientation and adoption of attitudes. The author focuses on this aspect of the life orientation of personality as Smyslozhiznennyye filling life orientation, which is associated primarily with a focus on personal self-realization, expressing the basic modes of human existence.

Keywords

Life orientation; reflective culture; modes of human existence; personal self-realization; social-psychological model; social activity.

Формирование жизненной ориентации личности с ее смысло-жизненной наполненностью, основанное на социальной активности, направленной на достижение личностью своего места в социуме, т.е. социально ориентированной личности, создает важнейший личностный социальный ресурс рефлексивной культуры личности, который, на наш взгляд, выражается в личностном саморазвитии и самоосуществлении, социальной рефлексии в виде социальной идентичности, что обобщенно можно назвать рефлексивной культурой и рефлексией социально-личностного существования.

Рефлексивная культура как социальный потенциал личности основана на самопознании, самоощущении, самооценке и на постоянном самомониторинге личности, которая для реализации своего личностного потенциала и конструирования своего личностного мира нуждается, прежде всего, в самоанализе и самопонимании.

Отталкиваясь от этих внутренних личностных ресурсов, личность, обладающая рефлексивной культурой, формирует свою способность к самореализации, саморазвитию и самосовершенствованию.

А это еще больше углубляет значимость выше перечисленных факторов рефлексивной идентичности и рефлексивной культуры как важнейших социальных ресурсов.

Жизненные ориентации личности выступают для нее самыми обобщенными мотивами активности и деятельности. По мнению Дж.Л. Гибсона, Д.М. Иванцевича и Д.Х. Доннелли, мотивы активности и деятельности личности обусловлены ее наиболее важными потребностями, связанными с самореализацией [1]. Ф. Моргенсон и М. Чампион характеризуют мотивацию с точки зрения модели жизненных ориентаций на основные потребности и выделяют соответственно: условия удовлетворения основных потребностей в виде безопасности, признания, влияния, самореализации и достижения духовной целостности в виде стремления к добру, истине и красоте [2].

Общая социально-психологическая модель особенности жизненных ориентаций описана А.А. Грачевым еще в 1993 году и развита им в последующих его работах [3]. По его мнению, жизненная ориентация представляет собой центрирование мотивации на отставленный во времени результат, приводящий к удовлетворению основной

потребности. Соответственно, представление о некотором отсроченном удовлетворении потребности восходит еще к концепции З. Фрейда, согласно которому поведение личности регулируется совокупностью поощрений и удовлетворений, которые человек получает в виде компенсации за усилия, связанные с проявленной активностью и целенаправленной деятельностью [4].

Критериальными параметрами социально-психологической модели особенности жизненных ориентаций являются оценочность (необходимость оценивать вероятность достижения результата, полезность результата, его эффективность), стремление к состоянию комфорта и функциональное отношение к окружающей действительности в виде использования как ее, так и окружающих людей для достижения поставленного результата. Психологи включают сюда также ориентацию на удовольствие, стремление производить в своей деятельности как можно меньше усилий при максимизации полезности результата, личную выгоду, заинтересованность в удовлетворении, прежде всего, своих личных, материальных потребностей, стремление делать простую, ясно организованную и безопасную работу, стремление к престижному положению в своей группе, стремление к признанию и высокой оценке своей деятельности, желание влиять на все происходящее и т.п.

Естественно то, что в социально-рефлексивном осмыслении формирования жизненной ориентации все указанные психологические факторы имеют место, но мы намерены, исходя из направленности нашего исследования, делать акцент на таком аспекте жизненной ориентации личности, который связан, прежде всего, с ориентацией на личностную самореализацию, выражающую основные модусы человеческого существования. Подобный акцент предполагает, на наш взгляд, то, что личностная самореализация связана с постоянной и неуклонной актуализацией личностного потенциала.

Личностный потенциал – это многофакторное понятие, характеризующее способности, задатки и личностные качества, которое включает в себя, по мнению Г.М. Зараковского и Г.Б. Степановой, направленность личности, ее потребности, мотивы, цели деятельности (векторная активность); инициативность, энергичность, уровень работоспособности (эригическая активность – от греч. *ergon*— работа) [5]; с точки зрения Н.Н. Тавтиловой – креативность, умственные способности, воображение, интуицию [6]; с позиции Е.Ю. Мандриковой включает в себя стремление к саморазвитию, способность планировать свою деятельность, воля, самодисциплина, способность к риску, устойчивость к стрессу; социообразующие способности: ценностные ориентации, нормативность поведения,

способность к принятию социальной роли, коммуникабельность, способность к сопереживанию, к рефлексии [7].

С этой точки зрения социально-психологическая модель жизненной ориентации личности, сформулированная А.М. Столяренко, включает в себя мотивационную, нравственную, операциональную, коммуникативную, интеллектуальную и психодинамическую составляющие [8].

Отталкиваясь от принятой в социальной психологии характеристики личностного потенциала и модели жизненной ориентации личности, будем выделять следующие особенности жизненной ориентации личности на ее самореализацию:

- стремление личности наиболее полно и эффективно реализовать свой личностный потенциал;

- ориентация личности не просто на какой-то результат, предполагающий те или иные компенсации и поощрения, а на сам процесс реализации своего личностного потенциала;

- жизненная ориентация на личностную самореализацию имеет место в следующих основных сферах человеческой жизнедеятельности: познание, общение, деятельность, взаимодействие и творчество;

- в формировании жизненной ориентации личность реализует свои потребности в приращении когнитивного потенциала (потребность в личностном познании), в приращении коммуникативного потенциала (потребность в общении), в приращении практического потенциала и в приращении коллективистского потенциала (потребность в социальном взаимодействии), в приращении своего креативного потенциала (потребность в творчестве).

Перечисленные выше характеристики жизненной ориентации с точки зрения выбранного нами ракурса ее рассмотрения с точки зрения личностной самореализации можно назвать основными или базисными. Но они, на наш взгляд, не исчерпывают всей полноты картины жизненной ориентации личности. Нам кажется, что указанные базовые характеристики жизненной ориентации личности должны быть дополнены специфическими характеристиками, среди которых необходимо выделять следующие:

- аксиологическая автономность жизненной ориентации личности предполагает ее относительно «безоценочный» характер, а именно такая направленность на результат независима от его оценки (с точки зрения полезности, утилитарности, эффективности, нужности);

- гуманистическая направленность жизненной ориентации личности как нравственная доминанта мотивации ее действий;

– самодовлеющий характер жизненной ориентации личности, что предполагает ориентацию не на внешнюю среду и окружающих, а на стремление быть самим собой, как основной мотив действий;

– самооценочность жизненной ориентации личности, как ориентация на собственную самооценку, а не на оценки извне;

– погруженность процесса жизненной ориентации личности на сам процесс жизненной ориентации, как на «идеальный поток», о котором писали еще А.К. Маркова, Т.А. Матис и А.Б. Орлов, характеризуя личностную включенность, полную концентрацию, отвлечение от всего постороннего с потерей ощущения времени и пространства [9];

– объективация самореализационных черт личности в виде личностной заинтересованности (решение трудных задач, преодоление трудностей, преодоление самого себя, самоудовлетворение от максимальной сосредоточенности, творческий характер задачи, трансцендентность процесса в виде выхода за пределы самого себя, достижение углубленного познания в процессе самореализации, кооперация усилий с партнерами, переживание неудач и успехов, духовная ориентация и ориентация на идеалы, нравственный потенциал решения задачи, ориентация на социальный эффект).

К сказанному нужно добавить то, что специфика жизненной ориентации личности связана, прежде всего, с ориентацией на поиск смысла этого процесса. Мы согласимся с В. Франклом, что в ориентации на смысл личность выходит за пределы удовлетворения потребностей, за пределы ориентации на получение удовольствия и поощрения, приобретения статуса, престижа и выгоды. Поиск смысла в процессе жизненной ориентации личности находится в области духовных и нравственных ценностей [10].

В таком понимании смысловой направленности жизненной ориентации личности мы исходим из того, что личность действует не в пространстве раз и навсегда сложившихся ориентиров; имеется в виду, что базисные параметры личности в виде координат истины, добра и красоты заданы, но далеко не полностью определены, во всяком случае, не определены по отношению к параметрам пользы и выгоды, эффективности и результативности и не сформулированы в фокусе «здесь и сейчас».

В процессе своей жизненной ориентации личность именно осваивает духовное и нравственное пространство, координируя «вечные» вопросы с повседневностью своих реализационных целей и задач. Это означает, что жизненная ориентация личности – это, прежде всего, процесс духовного и нравственного познания и самопознания.

Важным условием емкости и полноты жизненной ориентации личности является ее смысложизненное наполнение. Смысложизненное

наполнение жизненной ориентации личности – это целостная и органичная система осознанно выбранных приоритетов, которые характеризуют основную направленность личности в процессе ее самореализации.

Важнейшей формой смысложизненной ориентации личности является ее социальная ориентация. В широком смысле социальная ориентация личности есть осмысление и понимание себя как части существующей социальной системы, как элемента общества, общественного класса, слоя, социальной группы. В более узком смысле социальная ориентация личности есть выбор личностью оцениваемого и предпочитаемого социального положения, социального статуса, социальной роли и путей достижения данного социального положения. Принадлежность личности к различным социальным группам характеризует то, что на процесс формирования социальной направленности личности оказывают влияние характер социальной среды, особенности микросреды, системы связей и отношений, которые складываются в социальной среде.

Но в любом случае личностно определяющим, как нам представляется, являются формы осознания личностью самой себя и окружающей социальной среды, т.е. социальная рефлексия, выражающаяся и в самопроявлении, и в самопознании, и в самореализации. Это означает, что рассмотрение данной проблемы под углом зрения социальной рефлексии характеризуется пониманием того, что социальная ориентация личности есть, прежде всего, уровень развития ее социальной рефлексии, уровень развития ее личностного сознания и самосознания. Такой подход характеризует социальную ориентацию личности как нахождение личностью пути к своему месту в социуме. Применительно к современному социуму это означает нахождение своего места в непрерывно изменяющемся социуме.

Отсутствие способности или возможности для личности найти свое место в социуме приводит к социальной дезориентации, которая чревата отсутствием адаптации, асоциальным поведением, нарушением общепринятых социальных норм, маргинализмом.

Кроме развитой социальной рефлексии важным фактором, характеризующим формирование социальной направленности личности, является ее социальная активность. Проще говоря, мало понимать свое место в социуме, необходимо еще и реализовать себя в направлении достижения этого места. Деятельностная реализация социальной рефлексии, направленная на достижение своего места в социуме, является выражением социальной активности.

Социальная активность – это деятельность личности, основанная на социальной личностной рефлексии, ориентированная по целям

на достижение социально значимого результата, в данном случае на занятие своего места в социуме, реализуемая в социально приемлемых формах. С точки зрения Ю.В. Каргаполова, такая активность характеризует образ жизни социального субъекта, который сознательно избирает такую направленность своей деятельности в данной социальной среде [11]. Формирование жизненной ориентации личности с ее смысловой наполненностью, основанное на социальной активности личности, дает возможность рассмотреть такие понятия, как личностный ресурс и жизнестойкость личности.

Библиография

1. Гибсон Дж. Л. Организации: поведение, структура, процессы // Дж. Л. Гибсон, Д. М. Иванцевич, Д. Х. Доннелли - мл.; изд. – М.: ИНФРА-М, 2000. – XXVI, – С. 44.
2. Morgenson F. & Campion A. Work Design // Handbook of Industrial and Organizational Psychology / Ed. Borman W.C. et al. N.Y.: John Wiley & Sons, Inc., 2003.
3. Грачев А.А. Прикладная психология и организационное проектирование // Национальный психологический журнал. Ноябрь, 2006.
4. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Наука, 1989.
5. Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. Психологический потенциал индивида и популяции. // Человек. №3. -1998.
6. Тавтилова Н.Н. Личностный потенциал как фактор успешной реализации кадровой стратегии [Текст] // Психология в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). – СПб.: Реноме, 2013. – С. 99–100.
7. Мандрикова Е. Ю. Личностный потенциал в организационном контексте // Личностный потенциал. Структура и диагностика / под редакцией Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011.
8. Столяренко А.М. Психология и педагогика: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
9. Маркова А.К. Потребность в мотивации учения. Кн. для учителя / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – М.: Просвещение, 1990.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. – М.: Прогресс, 1990.
11. Каргаполова Ю. В. Теоретический анализ основных подходов к определению понятия «социальная активность» // Молодой ученый. – 2014. – №2.

References

1. Gibson J.L. Organizations: behavior, structure, processes // JL Gibson, DM Ivantsevich, DH Donnelly - ml .;.. ed. – M .: INFRA-M, 2000. – XXVI, – S. 44.
2. Morgenson F. & Campion A. Work Design // Handbook of Industrial and Organizational Psychology / Ed. Borman W.C. et al. N.Y .: John Wiley & Sons, Inc., 2003.
3. Grachev A.A. Applied psychology and organizational design // National psychological journal. November, 2006.
4. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis: Lectures. – M .: Nauka, 1989.
5. Zarakovsky G.M., Stepanova G.B. Psychological potential of the individual and the population. // Human. No. 3. –1998.
6. Tavtilova N.N. Personal potential as a factor in the successful implementation of the HR strategy [Text] // Psychology in Russia and abroad: Materials II Intern. scientific. Conf. (St. Petersburg, November 2013). - SPb .: Renome, 2013. – S. 99–100.
7. Mandrikova E.Y. Personal potential in an organizational context // Personal potential. Structure and diagnostics / edited by D.A. Leontiev. – M .: Meaning, 2011.
8. Stolyarenko A.M. Psychology and Pedagogy: Textbook. manual for schools. - M .: UNITY-DANA 2004.
9. Markov A.K. The need for learning motivation. Bk. Teacher / A.K. Markov, T.A. Mathis, A.B. Orlov. – M .: Education, 1990.
10. Frankl V. Man in search of meaning: Collected / Per. from English. and it. D.A. Leontiev, M.P. Papusha, E.V. Eydman. - M .: Progress, 1990.
11. Kargapolova V. theoretical analysis of the main approaches to the definition of «social activity» // Young scientist. – 2014. – №2.

КРАСИНА
Яна Сергеевна,
аспирант Института социоло-
гии РАН,
Москва, Россия
info@журналпоиск.рф

KRASINA
Jana Sergeevna,
Postgraduate student of the
Institute of Sociology RAS,
Moscow, Russia
info@журналпоиск.рф

Проблема социального демпинга в современном российском обществе/ The problem of social dumping in modern Russian society

Аннотация

В статье анализируется практика широкого применения современным российским бизнесом социального демпинга при организации производственного процесса. Ставится вопрос о расширении компетенции госслужащих и профсоюзных руководителей в вопросах теоретического понимания сущности форм проявления социального демпинга.

Ключевые слова

Социальный демпинг; прекариат; социальная ответственность; трудовые права.

Abstract

The article analyzes the practice of wide application of social dumping by modern Russian business in organizing the production process. The question is raised about the expansion of the competence of civil servants and trade union leaders in questions of theoretical understanding of the essence and forms of manifestation of social dumping.

Keywords

Social dumping; prekariat; social responsibility; labor rights.

Провозглашение в Конституции РФ нашего государства как социального и правового потребовали развития социального партнерства в сфере труда (далее – социальное партнерство). Под социальное партнерство подведена нормативно-правовая база, позволяющая утверждать о наличии системы механизмов согласования

интересов участников производственного процесса: работников и работодателей, основанная на равном сотрудничестве. В Трудовом кодексе РФ¹ социальное партнерство трактуется как «...система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» (ст. 23). Там же закреплены принципы социального партнерства; уважение и учет интересов сторон; заинтересованность сторон в участии в договорных отношениях; содействие государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе; соблюдение сторонами и их представителями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; полномочность представителей сторон; свобода выбора при обсуждении вопросов, входящих в сферу труда; добровольность принятия сторонами на себя обязательств; реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами; обязательность выполнения коллективных договоров, соглашений; ответственность сторон, их представителей за невыполнение по их вине коллективных договоров, соглашений (ст. 24).

Социальный демпинг можно определить как практику нарушения трудовых прав наемных работников, которые закреплены в национальном трудовом законодательстве и в конвенциях МОТ, со стороны представителей бизнеса, выступающих в роли работодателей, их отказ от выполнения в полном объеме своих социальных обязательств. С помощью социального демпинга ими при попустительстве госорганов решаются следующие задачи:

- увеличение численности трудовых ресурсов;
- развитие производства и экономики;
- снижение налоговой нагрузки на бизнес;
- обеспечение роста спроса населения на товары и услуги;
- повышение конкурентоспособности производимой продукции, инвестиционной привлекательности предприятий;
- снижение уровня безработицы;
- ослабление нагрузки на бюджет.

Сущность социального демпинга проявляется в ряде его форм:

¹ См.: «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

- перемещение производств, заказов, подрядов в территории с низкой оплатой труда;
- заемный труд;
- повышение интенсивности труда без пропорционального повышения заработной платы, которым часто подменяют понятие роста производительности труда;
- нарушение права наемных работников на создание профсоюзов и их свободную деятельность;
- вовлечение граждан в некриминальный теневой рынок труда; и т.д.

Часто для оправдания практики широкого применения социального демпинга современные российские работодатели и бизнесмены используют тезисы о низкой производительности и интенсивности труда наемных работников, о необходимости повышать объемы производства, конкурентоспособность продукции, производительность труда при имеющемся устаревшем оборудовании. При этом различные методики социального демпинга зачастую преподносятся ими в качестве модернизационных подходов в экономике.

Социальный демпинг в нашей стране в первую очередь находит свое выражение в процессе вовлечения работников в некриминальный теневой рынок труда, который включает деятельность, по своему содержанию (выпускаемой продукции, услугам) являющуюся разрешенной, но выполняемой в обход правовых норм, регулирующих сферу труда. Он отличается от криминального теневого рынка труда, на котором осуществляется деятельность, запрещенная законом: контрабанда, проституция, наркоторговля и др.

Некриминальный теневой рынок труда приобрел в нашей стране значительные масштабы. О. Голодец, вице-премьер правительства РФ определила его как «нелегитимизированный» и непрозрачный и отметила, что «... 38 млн. россиян трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества»¹.

Анализируя проблему применения российскими работодателями различных форм социального демпинга, нельзя упускать из виду цену, которую платит общество за это. К наиболее серьезным отрицательным последствиям вышеперечисленных форм ухода работодателей и представителей бизнеса от социальных обязательств относятся:

- снижение уровня социальной защищенности трудящихся и возможностей профсоюзов в этом;

¹ См.: Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем //Российская газета, 2013, 3 апреля.

- сокращение качественных рабочих мест;
- рост конфликтных настроений между различными группами трудящихся, прежде всего, между работниками из числа коренного населения и трудовыми мигрантами;
- усиление недобросовестной конкуренции через снижение конкурентоспособности социально ответственных работодателей и бизнесменов;
- подрыв материальной базы воспроизводства трудовых ресурсов;
- рост преступности.

Снижение уровня социальной защищенности трудящихся в нашей стране по причине применения работодателями методов социального демпинга отмечают современные российские социологи. В частности, ученые Института социологии РАН после серии опросов на уникальной по своим масштабам выборке (по 4 тысячи респондентов в каждую волну)¹.

В ходе этих опросов 13,2% респондентов пожаловались социологам, что их права и интересы как члена трудового коллектива оказались тем или иным образом ущемлены. Больничные оплачивают 41% россиян. Хуже всего дело обстоит со сверхурочными работами. Дополнительные деньги в этих случаях имеют шанс получить только 22,3% россиян, то есть около трети работающих. Дополнительные социальные блага (служебное жилье, транспорт, медпомощь, оплату питания, ссуды и т.п.) работодатель предоставляет только 3,5 процента граждан.

Результаты исследований ученых показали, что большинство работников лишены возможности выбора даже в тех аспектах трудовой жизни, где имеют право что-то решать сами. Каждый пятый сам принимает решение о том, как изменить темп своей работы, и это наивысшая мера самостоятельности. Треть россиян в этом подчиняется воле шефа, 14% решают такой вопрос совместно. Начальник каждому четвертому сотруднику в приказном порядке диктует время отпуска, каждому пятому – когда взять законный отгул. Треть опрошенных вообще отказалась отвечать на вопросы о своих взаимоотношениях с начальством и стиле принятия решений.

Большинство респондентов уверены, что от их мнения на работе практически ничего не зависит (такой ответ дали около 40% опрошенных). Лишь каждый двадцатый думает, что в его силах что-то изменить в масштабах всего предприятия. Четверть способны повлиять на принятие решений только в своих подразделениях.

¹ См.; Е. Добрынина Рабочая полночь // Российская газета, 11 января 2016 г. <https://rg.ru/pril/fascicle/3/14/06/31406-1455181953.pdf>.

В ходе опросов ученые задавали респондентам вопрос: как они реагируют на ущемление своих трудовых прав, каким образом эти права пытаются защитить? Самый распространенный ответ, который был получен – «попробую договориться» с работодателем. Такой позиции придерживается 31,7%. 7,8% россиян обращались к руководству с просьбой решить вопрос. 3,2% просто сменили место работы. Каждый десятый сказал, что он ничего не станет делать даже в случае серьезного нарушения своих трудовых прав. 12% готовы судиться, 8,4% будут обращаться в профсоюз. По 2% обратятся в СМИ, чтобы предать дело огласке, или начнут забастовку, митинг прочие акции протеста.

Полученные в ходе опросов данные позволяют сделать вывод о том, что наши трудящиеся не столько подвержены страху, а скорее растеряны, не понимают, как вообще приступить к отстаиванию своих прав, не имеют для этого необходимого умения и опыта. Главным способом решения проблем они считают «разговор с шефом» или переход на другую работу. Забастовки или обращения в суды в качестве методов борьбы за свои трудовые права наемными работниками рассматриваются в последнюю очередь.

Особенно большую цену российское общество платит за существование некриминального теневого рынка труда, который формируется и активно используется бизнесом, из-за чего происходит снижение поступления налогов в государственный и региональный бюджеты. По данным Сбербанка РФ (2014 г.) по этой причине Пенсионный фонд России ежегодно теряет 710 млрд руб. страховых взносов,¹ а по оценкам Министра труда РФ М. Топилина данная сумма может составлять около 500 млрд руб.²

Министерство финансов РФ из-за падения налоговых поступлений в госбюджет в 2014 г. внесло предложение частично отменить предусмотренное Конституцией РФ обязательное медицинское страхование для трудоспособных граждан России, не имеющих официального трудоустройства и не зарегистрированных в центре занятости, что позволяет сэкономить 145,5 млрд. рублей в год с учетом инфляции.³ Из-за прямого нарушения конституционных прав граждан РФ предложение пока не было принято.

¹ См.: Неформальная занятость поглощает россиян. // <http://expert.ru/2014/02/28/>. Проверено 29 октября 2015.

² Топилин: теневая занятость приводит к потере страховых взносов. РИА Новости. // <https://ria.ru/society/20160226/1380841939.html>. Проверено 28 февраля 2016.

³ См.: В России отменяют бесплатную медицину для домохозяек и фрилансеров. // www.znak.com. Проверено 6 ноября 2015.

Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности, с чем связана некриминальная теневая занятость, ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения, что выступает проявлением **социальной аномии**¹. Об этом свидетельствуют данные социологических исследований.

Специалисты Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС, опросив 1,6 тыс. жителей из разных регионов России, пришли к выводу, что треть россиян готовы пойти на нарушение закона, чтобы улучшить свое материальное положение².

Такие же данные приводит издание «Утро.ру».³ Около 30% интервьюируемых считают, что могут увеличить доходы или повысить свой уровень жизни только при нарушении закона, при этом, чем хуже материальное положение, тем крепче уверенность, что добиться успеха можно только в обход установленных правил. Эта точка зрения бытует у 52% россиян, испытывающих материальные проблемы. Под нарушением закона понимается переход на серые зарплаты, ведение бизнеса без регистрации в налоговых органах и так далее.

Эксперты говорят о нарастании критической массы людей, которые в мелких правонарушениях не видят ничего зазорного, оправдывая свои поступки тяжелым финансовым положением. «Сгущение теней» и одобрительное отношение россиян к мелким правонарушениям ради собственной выгоды имеют общий корень, считают эксперты. Если человек не считает нарушение закона чем-то предосудительным, он без смущения согласится выполнять работу, не отчисляя в бюджет ни копейки налогов.

Исследование Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС продемонстрировало и такую зависимость: среди работников, которые уже включены в некриминальный теневой рынок труда, наблюдается существенно большая ориентация на дальнейшую деятельность в теневом секторе. Так, 10,7% опрошенных в ходе исследования лиц, занятых без официального оформления, полностью удовлетворяет их статус, для 49,2% не важен их статус, главное, чтобы платили деньги. С официальным оформлением хотели бы работать 36,4% работников, вовлеченных в теневой рынок труда.

¹ Понятие социальная аномия сформулировал Э. Дюркгейм. С его точки зрения аномия (букв. беззаконие, безнормность) – это такое состояние общества, при котором значительная его часть сознательно нарушает известные нормы этики и права. Э. Дюркгейм видел в ней продукт разрушения солидарности традиционного общества при задержке формирования солидарности общества гражданского. См.: С.Г. Кара-Мурза Аномия России: проблемы и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013 г., с. 4.

² См.: Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Формирование субкультуры теневой экономической деятельности // Власть, февраль 2017 г., с. 130.

³ <https://utro.ru/>.

Затруднились ответить 3,7% опрошенных в ходе исследования лиц, занятых без официального оформления¹.

Среди обстоятельств, которые по мнению опрошенных в ходе исследования лиц, занятых без официального оформления, могли бы повлиять на их добросовестное выполнение обязанностей налогоплательщиков, можно привести следующие:

- снижение величины налоговых выплат 48,3%;
- страх наказания 34,2%;
- снижение социального неравенства 34,2%;
- законопослушность 33,4%;
- гражданский долг 20,1%;
- совесть 19,7%;
- другое 2,1%.

Страх наказания, согласно полученным данным, не является определяющим доводом для «детенизации» доходов работников, которые включены в некриминальный теневой рынок труда. По их мнению, именно снижение налоговой нагрузки может существенно отразиться на выводе работников из «тени»².

Такая ситуация, связанная с закреплением и долговременным нахождением граждан в теневой сфере, не может не настораживать, поскольку, во-первых, формирует субкультуру теневого работника, оправдывающего различные формы некриминального проявления теневой экономики, во-вторых, свидетельствует о предрасположенности граждан к нарушению установленных законом норм и правил и, в-третьих, усугубляет отчуждение граждан от государства, от общенациональных интересов.

Теневая занятость, неоформленные социально-трудовые отношения являются причиной эмоциональной нестабильности, тревожности, неуверенности в своем будущем самих работников, их психологического неблагополучия. Все это проявления **психологической аномии**. Понятие психологической аномии сформулировал Макайвер, который определяет аномию как разрушение чувства принадлежности индивида к обществу: «Человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией стано-

¹ См.: Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Формирование субкультуры теневой экономической деятельности // Власть, февраль 2017 г., с.135.

² См.: Там же, с.136.

вится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого»¹.

Статусный диссонанс как проявление психологической аномии у работников, занятых в теневом секторе российской экономики, отмечает Ж. Тощенко: « Возникает статусный диссонанс. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение несправедливости, которая может подтвердиться, исходя из собственного опыта и наблюдая отнюдь не вдохновляющие их ситуации. А как им думать иначе, если дети высокопоставленных родителей, минуя всякие промежуточные ступени, занимают престижные должности, да еще демонстрируют свое превосходство над окружающими»².

Феномен «дисквалифицирующей профессиональной интеграции» как проявление психологической аномии у российских трудящихся, включенных в некриминальный теневой рынок труда, анализирует И.Л. Сизова. С ее точки зрения, это явление связано с фрустрациями, вытекающими из конфликта целей и возможностей их осуществить на основании неустойчивой занятости. Человек в этом случае дистанцируется от коллективных действий, он сконцентрирован на поиске индивидуальных решений по стабилизации своей жизни. Постоянная конфронтация с незащищенностью и нестабильностью в профессиональной сфере может одновременно поставить под удар и выполнение роли родителя (особенно в этом отношении указываются женщины, тогда как мужчины, наоборот, начинают больше интересоваться семьей и домашними делами)³.

Характеризуя политические взгляды этих работников, И.Л. Сизова отмечает: «По политическим взглядам такие лица часто являются сторонниками левых убеждений, могут выступать за радикальные потрясения общества, но не присоединяются к политическим партиям. ... Они дистанцируются от коллективных действий, но ожидают поддержки со стороны профсоюзов, при этом практически никогда не обращаются к ним за помощью. ... Сильные левые ориентации и выраженное желание радикальных перемен не сопровождается

¹ См.: С.Г. Кара-Мурза Аномия в России: проблемы и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013 г., с. 8.

² Ж.Т. Тощенко Прекариат – новый социальный класс // ж. Социологические исследования 2015, № 6.

³ И.Л. Сизова Прекаризация в трудовой сфере России// [/socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekariatsiya.pdf](http://socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekariatsiya.pdf), с. 128.

активной позицией, они остаются лишь плодом воображения. Их деполитизированный радикализм выражает горечь и безвластие»¹.

Г. Стэндинг, английский социолог, изучающий положение трудящихся в мире, в том числе вовлеченных в российский некриминальный теневой рынок труда, получивший известность как создатель теории прекариата, выделил ряд моментов, характеризующих психологическую аномию у работников, занятых на этом рынке. С его точки зрения, к таким моментам относятся тревога из-за неопределенности, отчуждение из-за необходимости заниматься не тем, чем хочется, невозможность самоидентификации из-за разрыва социальных связей, злость².

Работникам, занятым на теневом рынке труда, которых Г. Стэндинг включает в класс прекариата, хорошо знакомо ощущение недовольства, которое вызвано тем, что они не видят перед собой осмысленных жизненных перспектив, им кажется, что все достойные пути для них закрыты. Они чувствуют себя подавленно не только потому, что перед ними маячит только перспектива смены все новых и новых работ, каждая из которых связана с новой неопределенностью, но также и потому, что эти работы не позволяют завязать прочные отношения, какие возможны в серьезных структурах или сетях.

Работник, занятый на теневом рынке труда, живет в тревоге. Хроническая незащищенность связана не только с балансированием на краю, когда человек понимает, что одна-единственная ошибка или неудача может нарушить баланс между достойной бедностью и уделом паупера, но и со страхом потерять то, что он имеет. Ему также не хватает самоутверждения и уверенности в социальной ценности своего труда, за самоутверждением он должен обращаться к другим областям, удачно или нет – это как получится. Но способность самоутвердиться за счет чего-то невелика. Есть опасность, что он будет чувствовать себя постоянно занятым, но при этом изолированным – одиночкой в толпе.

В процесс социальной аномии, вызванной теневой занятостью, вовлекаются не только работники теневого сектора, но также граждане, которые пользуются продукцией и услугами данного сектора. По результатам опросов Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС, начиная с 2001 г., не менее половины занятого населения в течение одного месяца обращались за работами и услугами, оплачивая их при этом неофициально, минуя кассу³. По данным

¹ И.Л. Сизова Прекаризация в трудовой сфере России// [/socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekarizatsiya.pdf](http://socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekarizatsiya.pdf), с. 129.

² См.: Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

³ См.: Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Формирование субкультуры тене-

опроса, с 2001 г. оценки респондентов относительно такой формы теневой экономики, как торговля без оформления финансовых документов, смещаются в сторону одобрения этого явления: доля положительных оценок возросла в 1,6 раза. В настоящее время почти треть занятого населения дают этому явлению положительные оценки. Половина респондентов безразлична к этому явлению, и только оставшиеся 16,4% выразили отрицательное отношение. Кроме того, более половины опрошенных среди населения, занятого в экономике, одобрительно относятся к выполнению многими людьми строительных или ремонтных, других работ без официального оформления с оплатой «миную кассу».

В целом, работающие россияне оправдывают различные проявления теневой экономики, преимущественно считая, что неофициальная экономическая деятельность приносит обществу и пользу, и вред в равной мере. В 2016 г. на такой вариант ответа указали более трети занятого населения – 38,3%. Еще 7,2% респондентов заявили об однозначной пользе теневой экономики. Негативное отношение к этому явлению российской действительности выразили 34,5% занятых граждан, и еще у 20,0% данный вопрос вызвал затруднения. При этом чаще всего именно потребители товаров, работ или услуг некриминального теневого сектора видят пользу в неофициальной экономической деятельности.

Весьма одобрительное отношение россиян к различным проявлениям теневой экономики свидетельствует об их потенциальном участии в теневых экономических процессах, предрасположенности к нарушению установленных законом норм. Более вероятно, что человек, не считающий нарушение закона чем-то предосудительным, будет, например, работать без оглядки на уплату налогов государству, тем более что, по данным опроса, 30% респондентов уверены, что они не имеют возможности увеличить свои доходы и повысить свой уровень жизни, не нарушая законов.

В заключении можно отметить, что социальный демпинг, который широко применяет современный российский бизнес при организации производственного процесса, несмотря на все имеющиеся проблемы поддается ограничению на основе совершенствования государственного регулирования экономики нашей страны и выработки более совершенных форм деятельности профсоюзов по защите прав трудящихся. Этому может способствовать расширение компетенции госслужащих и профсоюзных руководителей в вопросах теоретического понимания сущности и форм проявления соци-

ального демпинга, реальных и потенциальных угроз для развития российского общества, которые он несет в себе.

Библиография

1. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Формирование субкультуры теневой экономической деятельности // Власть, февраль 2017 г., с.133.

2. Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

3. И. Л. Сизова Прекаризация в трудовой сфере России// / socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekarizatsiya.pdf.

4. С.Г. Кара-Мурза Аномия в России: проблемы и проявления. – М.: Научный эксперт, 2013 г., с. 8.Ж. Т. Тощенко Прекариат – новый социальный класс // ж. Социологические исследования 2015, № 6.

5. Неформальная занятость поглощает россиян. // <http://expert.ru/2014/02/28/>. Проверено 29 октября 2015.

6. Топилин: теневая занятость приводит к потере страховых взносов. РИА Новости. // <https://ria.ru/society/20160226/1380841939.html>. Проверено 28 февраля 2016.

7. В России отменяют бесплатную медицину для домохозяек и фрилансеров. // www.znak.com. Проверено 6 ноября 2015.

8. Понятие социальная аномия сформулировал Э. Дюркгейм. С его точки зрения аномия (букв. беззаконие, безнормность) - это такое состояние общества, при котором значительная его часть сознательно нарушает известные нормы этики и права. Э. Дюркгейм видел в ней продукт разрушения солидарности традиционного общества при задержке формирования солидарности общества гражданского. См.: С.Г. Кара-Мурза.

References

1. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V., Formation of subculture of shadow economic activity [Formirovanie subkul'tury tenevoj jekonomicheskoy dejatel'nosti] // Power, February 2017, p.133

2. Standing G. Prekariat. A new dangerous class. [Prekariat. Novyj opasnyj klass] M: Ad Marginem Press, 2014.

3. I.L., Sizova Prekarisation in the labor sphere of Russia [Prekarizacija v trudovoj sfere Rossii] // /socinst.ru/sites/default/files/files/Sizova_Prekarizatsiya.pdf.

4. S.G. Kara-Murza [Anomie in Russia: problems and manifestations. [Anomija v Rossii: problemy i projavlenija] – Moscow: Scientific

Expert, 2013, p. 8. Zh. T. Toshchenko Prekariat - a new social class // w. Sociological Research 2015, No. 6.

5. Informal employment absorbs Russians. [Neformal'naja zanjatost' pogloshhaet rossijan] // <http://expert.ru/2014/02/28/>. Verified on October 29, 2015.

6. Topilin: shadow employment leads to loss of insurance premiums. RIA News. [Topilin: tenevaja zanjatost' privodit k potere strahovyh vznosov. RIA Novosti] // <https://ria.ru/society/20160226/1380841939.html>. Verified on February 28, 2016.

7. In Russia, free medicine is canceled for housewives and freelancers. [V Rossii otmenjajut besplatnuju medicinu dlja domohozjaek i frilanserov] // www.znak.com. Checked 6 November 2015.

8. The concept of social anomie formulated E. Durkheim. From his point of view, anomie (lit. lawlessness, inorganic) is a state of society in which a significant part of it consciously violates known norms of ethics and law. E. Durkheim saw in it the product of the destruction of the solidarity of traditional society while delaying the formation of solidarity of civil society. [Ponjatie social'naja anomija sformuliroval Je. Djurkgejm. S ego tochki zrenija anomija (bukv. bezzakonie, beznormnost') - jeto takoe sostojanie obshhestva, pri kotorom znachitel'naja ego chast' soznatel'no narushaet izvestnye normy jetiki i prava. Je. Djurkgejm videl v nej produkt razrushenija solidarnosti tradicionnogo obshhestva pri zaderzhke formirovanija solidarnosti obshhestva grazhdanskogo.] See: S.G. Kara-Murza.

ПРУЦКОВ

Максим Игоревич,
аспирант Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, Москва, Россия
max4399@yandex.ru

PRUCKOV

Maksim Igorevich, Postgraduate
Moscow State University of
Railway Engineering
Moscow, Russia
max4399@yandex.ru

Социальные аспекты и предпосылки создания высокоскоростных железнодорожных магистралей в России/Social aspects and prerequisites of creation of high-speed railway lines in Russia

Аннотация

Статья посвящена анализу и интерпретации актуальной на данный момент проблемы развития высокоскоростного сообщения на территории Российской Федерации. Сеть железных дорог России требует активной и качественной модернизации, следовательно, создание и развитие высокоскоростных магистралей (ВСМ) является логичным шагом при внедрении инноваций на железной дороге. Решение этой проблемы позволит повысить конкурентоспособность российских железных дорог, увеличить пассажиропоток, улучшить качество поездок, сократить вредное влияние на экологию, повысить уровень жизни населения.

Ключевые слова

Высокоскоростная железнодорожная магистраль; население; модернизация; развитие; уровень жизни; качество.

Abstract

Article is devoted to the analysis and interpretation of a problem of development of a high-speed traffic urgent at the moment in the territory of the Russian Federation. The network of the railroads of Russia demands active and high-quality modernization, therefore, creation and development of high-speed highways (VSM) is a logical step at introduction of innovations on the railroad. The solution of this problem will allow to increase competitiveness of Russian Railways, to increase a passenger traffic, to improve

quality of trips, to reduce an adverse effect on ecology, to increase the standard of living of the population.

Keywords

High-speed railway line; population; modernization; development; standard of living; quality.

В последние годы высокоскоростные магистрали стали весомым показателем уровня развития государств. Они ориентированы на возрождение научно-технического потенциала страны, на развитие экономики и туризма. Изначально высокоскоростные магистрали стали развиваться в Японии и Европе, чуть позже подобное развитие железнодорожной сети появилось в Америке и большинстве государств Азиатского региона. Можно с уверенностью сказать, что высокоскоростные магистрали быстрыми темпами покрывают территории государств, укрепляют внутреннюю целостность и единство страны.

Потребность общества в развитии скоростной железнодорожной инфраструктуры в России связана с:

- постоянно растущими пассажиропотоками,
- высоким уровнем износа существующей железнодорожной сети,
- высокой потребностью государства в современных, надежных и безопасных транспортных услугах, отвечающих стандартам XXI века.

Именно этим обусловлена высокая актуальность заданной проблемы.

В течение последних лет в России были изданы многочисленные нормативно-правовые документы, направленные на развитие сети высокоскоростных железнодорожных магистралей и реализацию подобных проектов.

В 2006 г. ОАО «РЖД» создало дочернее предприятие ОАО «Скоростные магистрали», которое стало выполнять функции по выполнению работ и осуществлению проектов строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей¹.

Высокоскоростные магистрали – это специально выделенная или построенная железнодорожная линия, на которой по всей ее длине или на отдельных участках курсируют поезда со скоростью выше 200 км/ч. Также существует еще одна разновидность ВСМ – поезд на магнитной подушке (Маглев).

¹ Сайт ОАО «Скоростные магистрали» <http://www.hsrail.ru/>.

Самые быстрые поезда в наше время в повседневной эксплуатации могут разгоняться до 350–400 км/ч, а в испытаниях скорость достигает до 560–580 км/ч. Быстрота обслуживания и высокая скорость движения позволяют создавать значительную конкуренцию другим видам транспорта, сохраняя при этом низкую себестоимость перевозок при большом объеме пассажиропотока.

Активное внедрение ВСМ позволит повысить связанность территорий России и мобильность населения, так как жители разных городов и даже регионов смогут сократить временные издержки на дорогу до работы и домой, а также на расстояния, которые они смогут преодолевать. Вследствие этого повысится уровень экономической и налоговой интеграции регионов, а, следовательно, и страны в целом. Время в пути между столицами регионов составит чуть больше одного часа, что кардинально повысит экономическую активность и трудовую миграцию с вероятным увеличением размера оплаты труда в примыкающих к ВСМ регионах.

ВСМ – значительно новый уровень развития транспортного машиностроения, элемент развития технологий проектирования и строительства железных дорог, производства материалов и системы подготовки инженерных и научных кадров. Стоит отметить, что новые тенденции позволят снизить себестоимость перевозок и повысить их скорость за счет разделения линий грузового движения и пассажирских, поскольку на данный момент данные линии представляют собой единую сеть, что приводит к увеличению времени доставки грузов и людей, а, следовательно, к росту транспортных издержек и «затовариваемости» путей. Стоит уделить внимание и экологическим параметрам высокоскоростных поездов. В сравнении с авиа- и автотранспортом железнодорожный транспорт в атмосферу выделяет значительно меньше отходов топлива. При том что, например, под автомобили выделяется значительно больше земли для строительства автомагистралей¹.

Более масштабное строительство высокоскоростных линий придаст дополнительный стимул научному и техническому потенциалу, совершенствованию технологий в большинстве прилегающих отраслей от машиностроения до высокоинтеллектуальных систем, гарантируя дальнейшее стимулирование интеллектуального и научно-технического потенциала России. В первую очередь это произойдет за счет размещения на отечественных предприятиях заказов на создание новой техники на мировом уровне, в технических и отрасле-

¹ Скоростной и высокоскоростной железнодорожный транспорт / Ковалев И. П.. — СПб: ГИИП «Искусство России», 2001. Ред. Боравская Е.Н., Шапилов Е.Д.— Т. 1.

вых вузах можно начать подготовку специалистов, ориентированных на новую специфику, тем самым появится возможность сэкономить на иностранных рабочих. Вливание прямых денежных средств иностранных государств окажет существенное, сугубо положительное влияние на экономику РФ.

При дальнейшем развитии проектов ВСМ значительное число городов и регионов смогут быть объединены в единую сеть, что позволит жителям и туристам перемещаться, вести торговлю и осваивать новые маршруты благодаря большей протяженности железных дорог. Соответственно, туроператор, РЖД и государство будут иметь значительные возможности по развитию туристических сетей, поскольку большинство зарубежных стран уделяют значительное внимание этому сегменту рынка, а российское правительство в свою очередь стремится повысить привлекательность России для иностранных туристов многими средствами: отменой ставки НДС на покупки иностранцами, развитием туристических кластеров, ВСМ также находится в этом ряду¹. В России имеется ряд городов, обладающих высокой привлекательностью для иностранных инвестиций, где стоимость проживания и ведения бизнеса не столь высока в сравнении с Москвой и Санкт-Петербургом (Ульяновск, Саранск, Владикавказ, Ростов-на-Дону, Казань²). Важным слабым местом регионов является ограниченное предложение молодых специалистов и руководителей высшего звена, что может быть устранено за счет развития ВСМ и сокращения времени поездки до 1–1,5 часов, что в итоге позволит регионам быть менее зависимыми от местного рынка труда и местных университетов, а значит преодолеть этот барьер.

Современное железнодорожное сообщение совершенно невозможно без высоких скоростей как отправной точки инновационного развития железных дорог и эффективного инструмента для решения важных социально-экономических задач в масштабах государства.

На данный момент определены такие направления, как:

«ВСМ-2»: Москва – Владимир – Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург с подключением Перми, Уфы, Челябинска и Самары;

– «ВСМ Центр – Юг»: Москва – Воронеж – Ростов-на-Дону – Адлер;

– «ВСЖМ-1»: Москва – Санкт-Петербург.

Приоритетной является ВСМ-2.

¹ Предпосылки для формирования международной сети ВСМ // Скоростной и высокоскоростной железнодорожный транспорт. Ред. Боравская Е.Н., Шапилов Е.

² Всемирный банк <http://doingbusiness.org/> на 2012 год.

Это проект первой в России высокоскоростной пассажирской магистрали Москва — Владимир — Нижний Новгород — Чебоксары — Казань с перспективой продления до Екатеринбурга. Впервые на государственном уровне идею создания высокоскоростной железнодорожной магистрали между Москвой и Екатеринбургом высказал губернатор Свердловской области Александр Мишарин в 2009 году. Сегодня он является первым вице-президентом ОАО «РЖД» и генеральным директором ОАО «Скоростные магистрали». Строительство новой скоростной дороги из Москвы в Екатеринбург сможет обеспечить транспортную подвижность населения крупнейших областей: Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской и Курганской, население которых составляет более 15 миллионов человек¹.

Строительство высокоскоростных магистралей предусмотрено утвержденной Транспортной стратегией Российской Федерации на период до 2030 года и заложено в Прогноз социально-экономического развития государства. Все указанные документы предполагают усиление инвестиционной направленности роста экономики, опирающейся на создание современной и качественной транспортной инфраструктуры, а также высокотехнологичных производств.

Технология строительства и эксплуатации высокоскоростных магистралей создана и используется за рубежом уже довольно давно, но до сих пор продолжает оставаться инновационной. Она предполагает строительство обособленной железнодорожной ветки, по которой пассажирские поезда беспрепятственно передвигаются с максимальной скоростью.

Сегодня многие эксперты пытаются предугадать эффект от строительства ВСМ на территории России. В Центре стратегических разработок (ЦСР), например, уже смогли подсчитать, что дополнительный экономический рост от работы российских высокоскоростных магистралей за первые двенадцать лет составит почти семь триллионов рублей, дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней — около полутора триллионов рублей. Одновременно с финансовой прибылью, по оценкам ЦСР, будет создано 370 тысяч дополнительных рабочих мест в различных регионах и отраслях. Даже на этапе строительства линии до Казани эффект для экономики, по прогнозу, составит 1,2 триллиона рублей.

Стоимость проекта ВСМ до Казани (с учетом строительства вокзалов и закупки новых скоростных поездов) протяженностью 770 км составит 1,06 триллиона рублей. Из них 380 миллиардов —

¹ Скоростная инициатива. Rg.ru. Российская газета (27.11.2009).

это бюджетные средства, 150 миллиардов — средства фонда национального благосостояния (ФНБ), остальное — вложения ОАО «РЖД». Монополия планирует профинансировать свою часть затрат за счет нескольких составляющих.

Партнеры программы из Китая уже готовы внести около 400 миллиардов рублей для финансирования негосударственной части проекта. Потенциальные инвесторы, среди которых Банк развития Китая, планируют привлекать проектное финансирование, структура участия может быть разной, в том числе и через выкуп облигаций. Соглашение с инвесторами о финансировании негосударственной части проекта является одним из основных условий для привлечения уже государственных средств, а значит, воплощения проекта в жизнь¹.

Компания РЖД сможет получить в свой уставный капитал денежные средства на создание высокоскоростной магистрали из Москвы в Казань. Это следует из проекта бюджета на 2015 г. и плановый период 2016-2017 гг., который опубликован Минфином.

В проекте бюджета говорится, что РЖД могут получить 70,6 миллиардов рублей для реализации «приоритетных инвестиционных проектов по развитию железнодорожной инфраструктуры общего пользования, в том числе Московского региона, на участке Междуреченск-Тайшет, а также в целях создания высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва-Казань»².

Острым вопросом в проекте создания высокоскоростных магистралей является его влияние на деятельность других видов транспорта. Согласно мировому опыту, в конкурентной борьбе с авиацией железная дорога часто одерживает уверенную победу. К примеру, направление Москва—Екатеринбург является одним из самых популярных внутрироссийских авианаправлений. По данным Транспортно-клиринговой палаты, по маршруту Москва—Екатеринбург—Москва перевозится более 1,7 миллионов пассажиров каждый год. При этом аэропорт Кольцово в Екатеринбурге сейчас одна из самых успешно развивающихся воздушных гаваней нашей страны. Согласно прогнозам, новая магистраль Москва—Екатеринбург сможет заполучить у обычной железной дороги около 8,7 миллионов пассажиров, у авиаперевозчиков — еще 5,3 миллионов, у автотранспорта — 3,5 миллиона. В связи с этим, необходимо проработать вопрос рентабельности всех видов транспорта в зоне действия ВСМ.³

¹ Алина Фадеева. «Ведомости» Выпуск от 10.09.2014 г.

² Интерфакс. «Ведомости» Выпуск от 16.09.2014 г.

³ Надежда Мерешко. «Эксперт» №29 (908) 14.07.2014 г.

В заключении необходимо сказать, что создание высокоскоростных магистралей – это прежде всего принципиально новый шаг в развитии железнодорожной сети Российской Федерации, который сыграл большую роль в стимулировании экономической активности, повышении доступности и связанности регионов, создании рабочих мест, внедрении высоких технологий. В рамках Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года предусмотрено строительство более 4 тысяч километров высокоскоростных железнодорожных сетей, связывающих крупнейшие города и регионы России.

В результате проработки поставленных изначально задач выяснилось, что проблема развития высокоскоростного экологически чистого наземного транспорта носит общенациональный характер. Ее решение позволило бы существенно улучшить ситуацию с организацией перевозок пассажиров на основных направлениях сети железных дорог, обеспечить увеличение пассажирооборота, сократить потребность в подвижном составе и в результате поднять престиж отечественных железных дорог и государства в международном аспекте.

Библиография

1. Алина Фадеева. «Ведомости» Выпуск от 10.09.2014 г.
2. Бикбау М.Я. Строительству дорог России необходима новая технологическая основа / Тр. 2-го Всеросс. дорож. конгресса. – М.: МАДИ, 2010.
3. Всемирный банк <http://doingbusiness.org/> на 2012 год.
4. Интерфакс. «Ведомости» Выпуск от 16.09.2014 г.
5. Ксения Дубичева. Скоростная инициатива. Rg.ru. Российская газета (27.11.2009).
6. Надежда Мерешко. «Эксперт» №29 (908) 14.07.2014 г.
7. Научное обеспечение инновационного развития и повышения эффективности деятельности железнодорожного транспорта: коллективная монография членов и научных партнеров Объединенного ученого совета ОАО «РЖД» / под. Ред. Б.М. Лapidуса. – М.: Mittel Press, 2014.
8. Предпосылки для формирования международной сети ВСМ // Скоростной и высокоскоростной железнодорожный транспорт. Ред. Боравская Е. Н., Шапилов Е. Д. — 2001. — Т. 1.
9. Путь и путевое хозяйство. Взаимодействие колеса и рельса: науч. Тр. ОАО «ВНИИЖТ»/ под ред. М. М. Железнова. М.: Интекст, 2013.
10. Российские железные дороги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rzd.ru/>.

11. Скоростной и высокоскоростной железнодорожный транспорт / Ковалев И. П. — СПб: ГИИПП «Искусство России», 2001. Ред. Боровская Е.Н., Шапилов Е.Д.— Т. 1. — 2 000 экз.

12. Указ Президента Российской Федерации от 16 марта 2010 г. N 321 «О мерах по организации движения высокоскоростного железнодорожного транспорта в Российской Федерации».

References

1. Alina Fadeeva. “Vedomosti” [«Vedomosti»] Issue from 10.09.2014.

2. M.Ya. Bikbau. The construction of roads in Russia requires a new technological base [Stroitel'stvu dorog Rossii neobhodima novaja tehnologicheskaja osnova] / Tr. 2 nd All-Russia. Expensive. Congress. – M.: MADI, 2010.

3. World Bank [Vsemirnyj bank] <http://doingbusiness.org/> for 2012.

4. Interfax. “Vedomosti” [Interfaks. «Vedomosti»] The issue of 16.09.2014.

5. Xenia Dubicheva. High-speed initiative. [Skorostnaja iniciativa.] Rg.ru. The Russian Newspaper (27.11.2009).

6. Nadezhda Mereshko. “Expert” [«Jekspert»] №29 (908) on July 14, 2014.

7. Scientific provision of innovative development and improving the efficiency of railway transport: a collective monograph of members and scientific partners of the Joint Scientific Council of JSCo Russian Railways. / [Nauchnoe obespechenie innovacionnogo razvitija i povyshenija jeffektivnosti dejatel'nosti zheleznodorozhnogo transporta: kollektivnaja monografija chlenov i nauchnyh partnerov Ob#edinennogo uchenogo soveta OAO «RZhD»] Ed. B. M. Lapidus. - M.: Mittel Press, 2014.

8. Prerequisites for the formation of an international network of high-speed railways [Predposylki dlja formirovanija mezhdunarodnoj seti VSM] // High-speed and high-speed rail transport. Ed. Borovskaya EN, Shapilov E. D – 2001. – Т. 1.

9. Way and track economy. Interaction of a wheel and a rail: науч. Tr. OAO VNIIZhT [Put' i putevoe hozjajstvo. Vzaimodejstvie kolea i rel'sa: nauch. Tr. OAO «VNIIZhT»] / under the ed. MM Zheleznova. M.: Intext, 2013.

10. Russian Railways. [Electronic resource] [Rossijskie zheleznnye dorogi.]. Access mode: <http://rzd.ru/>.

11. High-speed and high-speed rail transport [Skorostnoj i vysokoskorostnoj zheleznodorozhnyj transport] / Kovalyov I. P. - SPb:

GIIPP "Art of Russia", 2001. Ed. Borovskaya EN, Shapilov ED-T. 1. - 2,000 copies.

12. Decree of the President of the Russian Federation of March 16, 2010, N 321 "On measures to organize the movement of high-speed rail in the Russian Federation." [Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16 marta 2010 g. N 321 "O merah po organizacii dvizhenija vysokoskorostnogo zheleznodorozhnogo transporta v Rossijskoj Federacii".]

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

SOCIOLOGY OF CULTURE

ТАРАСОВ

Кирилл Анатольевич,
д. культурологии, профессор,
МГИМО-Университет МИД
РФ, ст. научный сотрудник
НИИ киноискусства (ВГИК),
Москва, Россия
k.tarasov@inno.mgimo.ru

TARASOV

Kirill Anatol'evich,
Doctor of Culturology, profes-
sor MGIMO-University,
Moscow, Russia
k.tarasov@inno.mgimo.ru

Дисфункциональное воздействие экранного насилия/ Screen-violence dysfunctional effects

Аннотация

Рассматривается дискуссионный в современной России вопрос о знаке воздействия на зрителей, подрастающее поколение и молодежь в первую очередь, образов насилия в фильмах. Дискуссии то вспыхивают, то надолго затухают, а сама проблема остается. Касается она обильного показа экранного насилия и его предполагаемого воздействия на зрителей, подрастающие поколения в особенности. Стороны, противостоящие друг другу в дискуссиях, преследуют разные интересы, но в одном сходятся – руководствуются они большей частью предположениями, догадками, домыслами. Докопаться до истины таким путем невозможно. Разобраться в проблеме могут помочь научные свидетельства ученых. Таковые на российском материале имеются и заслуживают внимания участников дискуссий по проблеме. Они же предпочитают апеллировать к выводам зарубежных – в основном американских – ученых, которые неоднозначны уже потому, что изучаемая проблема затрагивает интересы киноиндустрии. При всем том в США утвердилась точка зрения, согласно которой «агрессивная кинодиета» зрителей, не являясь единственной и решающей причиной реального насилия, вместе с тем его

проявлению в жизни способствует. Отдельными исследователями эта точка зрения объявляется мифом. И на их мнение в России часто ссылаются. Автор прослеживает и критически оценивает историю научной разработки проблемы экранного насилия.

Ключевые слова

Насилие в фильме; зрители; индивидуализация воздействия; дисфункциональное воздействие; насилие в жизни.

Abstract

Under consideration is, for Russia, the topical issue of to what sign shifts the impact of violent images in films on spectators – the rising generation and youth, in the first order. Debates tend to flare up now and to briefly peter out then, but the issue itself remains. It involves the abundant demonstration of screen violence and its proposed effects on spectators, the growing-up generations in particular. Parties, opposite one another in the debates, pursue differing interests but converge on one point: they guide themselves largely with suppositions, guesswork, conjectures. To dig down to the truth this way is impossible. To make sense of the issue, scientific evidence by researchers is there to help. Such as that is available, based on Russian material, and it warrants the attention of those debating on the issue. They however prefer to appeal to the conclusions by foreign, American predominantly, scientists which are not unambiguous, at least for the reason of the researched issue impinging on the interests of the film industry. This notwithstanding, in the U.S. there has formed some strong footing for the viewpoint that “the aggressive film diet”, while not constituting the sole and decisive cause of real violence, still contributes to its manifestations in life. Some individual researchers announce that viewpoint to be a myth. Their opinion is often adduced in Russia. The author traces and critically assesses the history of the scientific development on the issue of screen violence in the U.S. Especially noted is the agreement between the studies conducted in Russia and the main conclusions of American research.

Keywords

Violence in films; spectators; individualization of the effects; the dysfunctional impact; violence in life.

Вопрос, обозначенный в названии статьи, в зарубежной науке изучается на протяжении многих десятилетий. Причина в общих чертах такова. Воздействие фильмов, обильно приправленных образами социально неодобряемого насилия, в общественном мнении Запада воспринималось как угроза нравственному здоровью социума и общественному правопорядку. Деятели киноиндустрии с этим не соглашались и как могли защищали сложившуюся практику производства экранного насилия и связанную с ней «агрессивную кинодиету» публики. Поскольку в общественных дискуссиях обе стороны твердо стояли на своем, на роль третьей стороны была призвана наука.

В современной России проблема дисфункционального воздействия экранного насилия была поставлена и начала обсуждаться сравнительно недавно. Толчком послужили разгосударствление системы аудиовизуальной культуры, переход к рыночным отношениям и внезапная эскалация социально неодобряемого экранного насилия. Об установившихся масштабах показа насилия можно судить по результатам осуществленного нами контент-анализа кинопрограмм телевидения. В 41-м фильме из 42-х (репрезентативная вероятностная выборка¹ из репертуара ОРТ, РТР и НТВ в прайм-тайм марта–апреля 2003 г.) содержались сцены насилия (в среднем 21 сцена). Зачастую (21%) показу насилия отводилось 10–12 мин., в каждом пятом фильме (22%) – менее четырех минут. Основное содержание художнического «послания» в последнем случае к показу насилия не сводилось, чего, однако, нельзя сказать о многих других фильмах. В каждой четвертой картине (24%) сцены насилия занимали от 20 до 55 мин. И это при средней продолжительности фильма, равной 68,6 мин. Больше всего сценами насилия насыщались боевики (от 33 до 116 сцен в отдельном фильме). В каждом втором фильме насилие вершили как минимум 6 персонажей, в каждом четвертом и того более. При показе 10% фильмов происходило воистину массовое нашествие насильников на домашние экраны. Здесь их было уже от 67 до 96. По сути, в прайм-тайм кинопрограммы центральных каналов ТВ предлагали зрителям крайне искаженную картину социального насилия в мире. Этот вывод убедительно подтверждался экранным живописанием самого тяжкого преступления – убийства. Подобное зрелище зритель мог встретить чаще, чем в каждом втором фильме. На один среднестатистический фильм в программах ОРТ, РТР и НТВ приходилось 5,2

¹ Под репрезентативностью понимается «достаточно точное отражение генеральной совокупности выборкой по заданному состоянию и составу репрезентируемых признаков на момент репрезентации каждого из них». См.: Жабский М.И. Обоснование репрезентативности социологического исследования // Социологические исследования. – 1983. – № 2. – С. 149.

убийства. В каждом пятом фильме зритель редко или вообще не видел наказания злодея. В каждой четвертой картине оно происходило только в финале. Многие фильмы не могли вызвать у зрителя ощущение неотвратимости наказания зла, и, следовательно, они не были способны утверждать его в этой мысли. Насилие «положительных» персонажей в значительном массиве фильмов (31%) наказывалось либо редко, либо вообще никогда. В художественном послании довольно часто торжествовало, как и торжествует сегодня, принцип «око за око». Насилие, с одной стороны, наказывается, с другой – реабилитируется.

Встревоженная подобного рода фактами часть общественности забила в колокола. Некоторые политики, идя ей навстречу, попытались учредить меры запретительного характера. В журналистском сообществе, встревоженном перспективой возможного возвращения к государственной цензуре, эта тенденция натолкнулась на сопротивление. Так, когда 10 марта 2004 г. Государственная Дума приняла в первом чтении соответствующую поправку к закону о СМИ, газета «Московский комсомолец» (от 12 ноября 2004 г.) опубликовала подборку материалов под броско набранной и язвительной рубрикой: «Кино ударило депутатам в голову». А днем раньше газета «Коммерсант» напомнила читателям ряд фактов под ироническим заголовком: «Как боролись с насилием на телевидении». Газета привела высказывание президента В. Путина в ответ на просьбу пенсионеров Ленинградской области ограничить показ насилия и секса на телевидении: «Согласен, что переборы на некоторых каналах есть – и насилия, и того, что связано с сексом... Но это должно быть саморегулируемо».

Согласиться на саморегулирование поставщики экранного насилия могли только под давлением неопровержимых фактов, свидетельствующих о его дисфункциональном воздействии. Привести такого рода доказательства встревоженное общественное мнение могло – соответствующих научных исследований на российских материалах не было. В этой ситуации не оставалось ничего другого, как обратиться к результатам исследований в других странах.

Апелляция к зарубежной науке

Чтобы разобраться в обсуждаемой проблеме, как она стояла на Западе, только в США было проведено несколько тысяч исследований. В этом свете контрастным выглядело суждение В. Познера – распространенное в журналистской среде – о том, что осуществленное за рубежом изучение дисфункционального воздействия экранного насилия на социум положительного результата не дало.

Выступая на парламентских слушаниях в Государственной Думе на тему «Защита прав детей и молодежи и средства массовой информации» (1999 г.), журналист заявил, а затем в статье, опубликованной в журнале «Дружба народов», повторил: «Нет нигде в мире никаких серьезных научных данных, которые показали бы причинно-следственную связь между увеличением количества насилия на экране и его ростом среди молодежи в реальной жизни»¹.

Заметим, что в центре внимания мировой науки находился другой вопрос. А именно: способность насилия сходить с экрана в жизнь в форме деструктивного влияния. Ставилась и проверялась при этом также гипотеза о катарсисе, разрядке агрессивности в зрителях под влиянием образов насилия. По иронии логики, сформулированной уважаемым журналистом, вопрос внутренне заключал в себе признание деструктивного воздействия. В самом деле, если «А» вообще не влияет на «Б», то какой же смысл изучать зависимость увеличения второго от увеличения первого? Рационально мыслящие люди задаются таким вопросом только тогда, когда известно, что первое воздействует на второе. Но даже если стимулирующее влияние «А» на «Б» в рассматриваемом случае существует, то достаточно доказательное исследование проблемы именно в обозначенной журналистом ее постановке в высшей степени проблематично. «Б» изменяется под воздействием великого множества социальных факторов. С другой стороны, влияние «А» определяется не только, а, возможно, и не столько его количественными, сколько качественными особенностями. К тому же «увеличение количества на экране» само по себе не означает увеличение его потребления. С помощью имеющихся сегодня методических средств надежно контролировать все разнообразие значимых факторов невозможно.

Точка зрения, высказанная В. Познером, как и сама формулировка исходного вопроса, возможно, позаимствованы из американских публикаций. Но вот что пишет известный в США историк кино как социального института Г. Джоувит: «Те, кто изучал влияние кино, почти всегда оказывались втянутыми в жаркие споры между реформаторами и индустрией. Обе стороны временами прибегали к найму своих собственных ученых для проведения конкурирующих исследований либо опровержения ранее опубликованных данных. Там, где затрагивался этот вопрос, было очень мало непредвзятых и объективных голосов»². Итоги изучения деструктивного воздей-

¹ Познер В.В. А ларчик (то бишь ящик) просто открывался // Дружба народов. – 1999, № 7. – С. 157.

² Jowett, G. Film: The Democratic Art. – Boston: Little, Brown & Co., 1976. – P. 212.

ствия образов насилия исключения в этом отношении не составляют. Доказательством тому является, например, довольно толстая книга видного представителя канадской школы социальной психологии Дж. Фридмана, на которую, повторим, возможно и опирался В. Познер. В этой книге, вызывавшей определенный резонанс в западном мире, предпринята попытка опровергнуть «каузальную гипотезу». Во введении читаем: «Многие исследования, на которые обычно ссылаются как на свидетельство о том, что восприятие телевизионного насилия увеличивает агрессию (я называю это каузальной гипотезой), не свидетельствуют о таком эффекте, а иногда они даже говорят о его противоположности»¹. Автор цитаты, критикующий методологию исследований по проблеме, сам совершает очевидную методологическую ошибку. Он пытается ответить на частный вопрос об увеличении агрессии, переступив через общий вопрос о том, есть ли вообще положительная связь между показом экранного насилия и насилием в реальной жизни. Но ведь лишь после того, как такая связь уже доказана, появляются логические основания ставить частные вопросы: влияет ли восприятие экранного насилия на увеличение агрессии, на преступность, совершаемую с применением насилия, на хулиганство, вандализм и т.д. Дж. Фридман, желая опровергнуть «каузальную гипотезу» и переступая через вопрос, логически предвещающий ее постановку, тем самым косвенно признал истинность причинно-следственной обратной связи между двумя явлениями. Иначе зачем надо было ему, ссылаясь на действие главных социальных факторов, опровергать гипотезу, что медийное насилие вызывает увеличение агрессии и преступности? Или другой вопрос: если экранное насилие зрителями осваивается, а агрессивность в обществе не увеличивается, остается на том же уровне, то разве это означает, что обсуждаемая причинно-следственная связь отсутствует?

После длительного периода сомнений и неопределенности в западной науке и обществе в целом, можно сказать, победило представление, что гипотеза об определенной причинно-следственной зависимости насилия в реальной жизни от экранного насилия подтверждена. От этого коммерческая заинтересованность в производстве и распространении образов насилия, конечно, не исчезла. Вместе с ней не исчезала и существенная предпосылка для сомнений в научных выводах и потребность в появлении исследований, опровергающих «каузальную гипотезу». В 2002 г. признанный аме-

¹ Freedman, Jonathan L. Media Violence and its Effect on Aggression: Assessing the Scientific Evidence. – Toronto: University of Toronto Press, 2002. – P. IX–X.

риканский правовед, специализирующаяся на вопросах защиты свободы слова, М. Хейнс заявила: «Один из наиболее упорных мифов в культурных войнах состоит сегодня в том, что социальная наука доказала вредное влияние «медиа-насилия». Исследователи, ученые мужи, политики часто прокламируют, что дискуссии закончены, факты неопровержимы. Каждый, кто это отрицает, мог бы доказывать и то, что земля плоская»¹.

Эмпирические свидетельства дисфункционального воздействия

Кратко остановимся на результатах американских исследований, связанных с деструктивным воздействием экранного насилия. Разработка данной проблемы в США началась еще в конце 1920-х гг. Авторитетная исследовательская группа из 19 психологов, педагогов, социологов и др. на протяжении четырех лет изучала воздействие кино на молодежь (1929–1933 гг.). В итоговых выводах утверждалось, что на поведение и ценностные ориентации детей и подростков кино оказывает сугубо отрицательное воздействие. Роль опосредующих факторов в этом процессе упускалась из виду. Лишь в одном из докладов, написанных будущими классиками социологии Г. Блумером и Ф. Хаузером, отмечалось, что демонстрация преступности и насилия сказывается наиболее отрицательно в тех группах, где ослаблено влияние таких институтов, как семья, школа, церковь и соседство². Однако это осторожное заключение о роли опосредующих социальных факторов осталось незамеченным. Большинство участников исследовательской группы и просвещенная общественность, пристально следившая за публикациями итогов изысканий, жаждали «крови» кинематографистов. И она «пролилась». Исследователи обвинили кино в том, что оно внедряет в сознание молодежи и подростков «вредное» представление о социальной реальности, внушает им, что одним из главных ее составляющих является достижение корыстных целей насильственным или преступным путем³.

Позже на итогах исследований сказался либерализм нового взгляда на масс-медиа. Отчетливо он дал себя знать в пионерском изыскании, проведенном в 1958–1960 гг. в различных регионах США

¹ Heins, M.A. Psychologist surveys the wreckage. – www.fepproject.org/reviews/mediaviolenceJF.html (дата обращения – 05.03.2017).

² Blumer, H., and Hauser, P.M. Movies, Delinquency, and Crime. – N.Y.: Macmillan, 1933. – P. 202.

³ Forman, H.J. Our Movie-Made Children. – N.Y.: Macmillan, 1933. – Pp. 64–65.

и Канады. Авторский коллектив этой работы, возглавлявшийся видным теоретиком социальной коммуникации У. Шрэммом, пришел к выводу, что если у данного подростка не наблюдается психической склонности к агрессии, если в семье он окружен заботой, любовью и лаской, если он хорошо вписывается в группу сверстников, то имитация им экранного насилия, а тем более правонарушения практически исключены¹.

Положения и выводы данного исследования бросали тень не на экран, а на само общество, его институты. Проблема обретала новый практический смысл: одно дело корректировать содержание телепрограмм, и совсем другое – помочь неблагополучным семьям и «трудным» подросткам. Сделать экран «козлом отпущения» намного проще. Тем более, что косвенный «компромат» на него заключался в масштабах насилия, имевшего место в самом обществе в 1960-е гг. (всплеск негритянских волнений в крупных городах США, молодежные бунты, убийство Дж. Кеннеди и т.д.). Все это вкупе с общим состоянием преступности остро ставило вопрос о причинах насилия в обществе и требовало критического взгляда на деятельность аудиовизуальных средств. Обстоятельства вынудили сенат, а потом и самого президента Р. Никсона создать в 1969 г. Научно-консультативный комитет по изучению телевидения и социального поведения при Министерстве здравоохранения.

Материалы, собранные учеными, показали, что применительно к конкретным случаям восприятия экранного насилия существует возможность деструктивного воздействия. Но превращение возможности в действительность зависит от многих факторов. Объем статьи позволяет нам обратить внимание в дальнейшем лишь на выявленную в исследованиях опосредующую роль индивидуальных особенностей зрителя и связанную с этим индивидуализацию воздействия образов насилия.

Начнем с самого простого – социально-демографического фактора. В 1968 г. Национальной комиссией по изучению причин и предотвращению насилия были опрошены более 1000 человек, чтобы установить социально-демографические черты портрета индивида, имеющего наибольшую вероятность стать участником противозаконных актов насилия². Оказалось, что такого рода индивид, во-первых, часто выступает в одной из трех ролей – жертвы, нападающего или свидетеля насильственного преступления; во-вторых, им,

¹ Schramm, W., Lyle, J., and Parker, E.B. *Television in the Lives of Our Children*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1961. – Pp. 143–146.

² Lowery, S.A., and DeFleur, M. *Milestones in Communications Research. Media Effects*. – N.Y.: Longman, 1988. – Pp. 286–287.

как правило, является мужчина в возрасте от 18 до 35 лет; в-третьих, этот индивид проживает в городе с населением не менее 50 тысяч жителей; в-четвертых, его образовательный уровень не выше среднего специального. Эти сами по себе любопытные данные обрели дополнительную познавательную ценность, когда сквозь их призму были рассмотрены другие материалы опроса общенациональной выборки. Было, например, обнаружено, что 63% респондентов не одобряют характер насилия, показываемого на экране, одобряют – 25%, затруднились ответить на поставленный вопрос – 12%. При этом оказалось, что 25-процентная прослойка респондентов, одобрявших насилие на телеэкране, в основном состоит из людей, которым свойственны указанные выше четыре черты¹.

В отношении восприятия сцен насилия детьми многие исследователи сошлись во мнении, что существует критический возраст в развитии ребенка, когда невмешательство в его общение с киноэкраном чревато серьезными проблемами в будущем. Группа исследователей под руководством известного психолога детства Л. Эрона ограничила этот возраст 6–10 годами². В данный период, по мнению ученых, дети, во-первых, смотрят как никогда много фильмов; во-вторых, уровень агрессивности их поведения довольно высок; в-третьих, в восприятии детей экранный образ и реальность сильно сближаются, порой даже отождествляются.

Влияние экранного насилия на зрителя существенным образом зависит от типа его индивидуальной психики. Исследования в какой-то степени пролили свет на модифицирующее влияние невротизма (впечатлительность, страх перед изменениями, склонность к депрессии и т.п.) и психопатизма (эгоцентричность, агрессивность, подозрительность к окружающим и т.д.). Подытоживая накопленный опыт, видный британский социальный психолог Г. Айзенк пришел к выводу, что наиболее отрицательное воздействие экранное насилие оказывает на психопатов³. Для невротика, страдающего от страха перед окружающим миром, агрессивное поведение может быть одним из защитных механизмов. Он чем-то напоминает чеховского человека в футляре – нервного, закованного в панцирь, агрессивного в своем страхе. Когда его обеспокоенность, страх и агрессивность достигают критической массы, просмотр экран-

¹ Ibid. P. 288.

² Eron, L.D., Huesmann, L.R., Lefkowitz, M.M., and Walder, L.O. Does television violence cause aggression? // *American Psychologist*. 1972. – № 4. – P. 7.

³ Zillmann, D., and Weaver, J.B., III. Psychoticism in the effect of prolonged exposure to gratuitous media violence on the acceptance of violence as a preferred means of conflict resolution // *Journal of Personality and Individual Differences*. – 1997. – Vol. 22, № 5. – P. 614.

ного насилия может подействовать как спусковой крючок для залпа агрессивного поведения.

Невrastеники проявляют повышенный интерес к кинематографическим фантазиям. По замечанию авторитетных канадских исследователей массовой коммуникации Дж. Деревенски и К. Клайн, их погружение в мир кино – это не столько трусливое бегство от реальности, сколько вытеснение из нее более «нормальными» коллегами, сверстниками, даже родственниками, считающими их «чудиками», «не от мира сего»¹. Люди, страдающие неврозами, вынуждены заполнять вакуум общения просмотром телепередач и кинофильмов, сцен насилия в том числе. Идентифицируя себя с сильным героем, невrastеник символически мстит за унижение со стороны социальной среды. Вопрос о механизмах возможного перехода символической мести в реальную остается во многом открытым.

Исследователи, естественно, не могли обойти вниманием вопрос об опосредующей роли исходного уровня агрессивности зрителя². Так, М. Келотси, Р. Казелскис и К. Гатч³, а также У. Джозефсон⁴ наблюдали за поведением старшеклассников и младшеклассников на переменах и уроках физкультуры после того, как им был показан фильм с насилием. Грубость по отношению к другим проявляли только изначально агрессивные школьники.

Один из ведущих в 1970-е гг. исследователей эффекта воздействия экранного насилия Л. Берковитц и Р. Джин обратили внимание на необходимость учитывать в исследованиях фактор избирательности в агрессивных наклонностях ребят. Согласно результатам проведенных ими экспериментов, восприятие экранного насилия может подтолкнуть к агрессивному поведению, прежде всего, в том случае, если жертва насилия в фильме похожа на реальный объект ненависти агрессивного зрителя⁵.

Из нескольких тысяч американских исследований по интересующей нас проблемы можно сделать вывод, что наука подтвердила

¹ Derevensky, J., and Clain, C. Children and The media // Seeing Ourselves: Media Power and Policy in Canada / H. Holmes and D. Taras, (eds.). – Toronto: Harcourt Brace Jovanovich, 1992. – P. 289.

² Этот вопрос исследован нами на российском материале. См.: Тарасов К.А. Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. – 2016, № 2(28). – С. 84–95.

³ Comstock, G., and Paik, H. Television and the American Child. – N.Y.: Academic Press, 1993. – P. 261.

⁴ Dubow, E.F., and Miller, L.S. Television violence viewing and aggressive behavior // Tuning In to Young Viewers: Social Science Perspectives on Television / T.M. MacBeth, (ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – P. 127.

⁵ Berkowitz, L., and Geen, R.G. Film violence and the cue properties of available targets // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – Vol. 3, № 5. – P. 528.

положение «здорового смысла» о наличии причинно-следственной связи между восприятием экранного насилия определенной частью зрителей и их агрессивным поведением. При всем том был выявлен слабый эффект воздействия. Не подтвердилось и разделяемое многими положение так называемой «конвенциональной мудрости», согласно которому насилие в фильмах оказывает конверсионное воздействие на ценностные ориентации, установки и поведение зрителей. Суть выявившегося противоречия хорошо выразили шведские теоретики кино Л. Фюрхаммер и Ф. Айсакссон. «Мы, – отмечают они, – слишком часто стремимся рассматривать пропаганду кино в понятиях психологии изменения установок. В вопросе воздействия, однако, акцент нужно ставить не на психологии атаки, а на психологии защиты»¹.

Это критическое замечание напоминает о том, что исследования, результаты которых изложены выше, не отличались глубокой теоретической подготовкой. Так, вряд ли нужно доказывать, что конкретный тип экранного насилия на одних проявлениях агрессивного поведения может сказаться, а на других – нет. Следовательно, выбор измеряемых индикаторов эффекта воздействия с самого начала должен быть теоретически корректен. В противном случае ценность полученных результатов снижается.

Примечателен в этой связи такой факт. Воздействие СМК на Западе изучалось в трех направлениях – когнитивном, аффективном и поведенческом. Изучение негативного влияния экранного насилия тяготеет к поведенческому аспекту. Таким образом, из поля зрения исследователей в значительной степени выпало негативное воздействие экранного насилия на другие стороны жизнедеятельности личности – представления о насилии и его применении, эмоциональное состояние, ценностные ориентации, установки и т.д. Это важно, поскольку экранное насилие воздействует не на одну из составляющих личностной структуры, а на многие из них. Подобно лучу, проходящему сквозь призму, оно рассеивается по многочисленным направлениям. Поведение зрителя – это как бы завершающая, финальная часть цепной реакции воздействия экранного насилия на личность. Практически ограничив предмет изысканий сферой поведения, исследователи тем самым не могли не прийти к выводу о слабом эффекте негативного воздействия «агрессивной диеты».

Что касается деструктивного воздействия экранного насилия на наших зрителей, из огромного количества зарубежных исследований можно сделать, по крайней мере, заслуживающее научной про-

¹ Furhammer, L., and Isaksson, F. *Politics and Film*. – London: Studio Vista, 1971. – P. 171.

верки предположение, что оно имеет место. Такой вывод тем более напрашивается, что эскалация насилия на российских экранах происходила параллельно с крушением господствовавших в доперестроечное время социальных институтов, идеалов и ценностей, известным упадком нравственности, распространением извращенных трактовок толерантности¹. В условиях дезорганизационных процессов сдерживающая роль опосредующих факторов неизбежно снижалась, что способствовало усилению негативного воздействия экрана на сознание и поведение определенной части зрителей. При всем том зарубежные исследования по проблеме, какую бы научную ценность они не представляли, заменить аналогичные поиски в российских условиях не могут. Истина, как известно, конкретна. В ряде собственных исследований мы пытались найти ее. Были получены результаты, в главном согласующиеся с выводами исследователей, на которых мы ссылались выше². Но это – предмет отдельного обсуждения.

Библиография

1. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО-Университет, 2004.
2. Познер В.В. А ларчик (то бишь ящик) просто открывался // Дружба народов. 1999, № 7. – С. 155–161.
3. Тарасов К.А. Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. – 2016, № 2(28).– С. 84–95.
4. Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. – Таганрог: Изд-во Ю.Д. Кучмы, 2004. – 418 с.
5. Berkowitz, L., and Geen, R.G. Film violence and the cue properties of available targets // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – Vol. 3, № 5. – P. 525–530.
6. Blumer, H., and Hauser, P.M. Movies, Delinquency, and Crime. – N.Y.: Macmillan, 1933. – 261 p.
7. von Feilitzen, C. Influences of Mediated Violence // Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Ulla Carlsson, (ed). – Göteborg: The UNESCO International Clearinghouse on Children and Violence on the Screen; Nordicom; Göteborg University, 2010. – P. 173–187.

¹ См.: Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем / Под ред. И.Г. Тюлина. М.: МГИМО-Университет, 2004.

² Такого рода гипотеза проверялась нами в ряде исследований. См. об этом: Тарасов К.А. Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. – 2016, № 2(28).– С. 84–95.

8. Children and Media Violence / U. Carlsson and C. von Feilitzen, (eds.). – Göteborg: The UNESCO International Clearinghouse on Children and Violence on the Screen; Nordicom; Göteborg University, 1998. – 387 p.
9. Comstock, G., and Paik, H. Television and the American Child. – N.Y.: Academic Press, 1991. – 335 p.
10. Dubow, E.F., and Miller, L.S. Television violence viewing and aggressive behavior // Tuning In to Young Viewers: Social Science Perspectives on Television / T.M. MacBeth, (ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – Pp. 117–147.
11. Furhammer, L., and Isaksson, F. Politics and Film. – London: Studio Vista, 1971. – 256 p.
12. Glucksmann, A. Violence on the Screen. A report on research into effects on young people of scenes of violence in films and television. – London: The British Film Institute Education Department, 1971. – 75 p.
13. Jowett, G. Film: The Democratic Art. – Boston: Little Brown, 1976. – 518 p.
14. Schramm, W., Lyle, J., and Parker, E.B. Television in the Lives of Our Children. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1961. – 324 p.
15. Violence on the Screen and the Rights of the Child. Report from a Seminar in Lund, Sweden, September. – Stockholm: Regeringens kansliets offset central, 1998. – 177 p.

References

1. Culture of tolerance: the experience of diplomacy for solving modern management problems [Kul'tura tolerantnosti: opyt diplomatii dlja reshenija sovre-mennyh upravlencheskih problem] / Ed. I.G. Tyulina. Moscow: MGIMO-University, 2004.
2. Posner V.V. A casket (that is, a box) just opened [A larchik (to bish' jashhik) prosto otkryvalsja] // Friendship of Peoples. 1999, No. 7. - P. 155-161 p.
3. Tarasov K.A. Violence in films: three conditions of mimetic exposure, [Violence in films: three conditions of mimetic influence] // Vestnik VGIK. - 2016, No. 2 (28) 84-95 p.
4. Fedorov A.V. Rights of the child and the problem of violence on the Russian screen.[Rights of the child and the problem of violence on the Russian screen] – Taganrog: Publishing house of Yu.D. Kuchma, 2004. - 418 p.
- Berkowitz, L., and Geen, R.G. Film violence and the cue properties of available targets // Journal of Personality and Social Psychology. – 1966. – Vol. 3, № 5. – P. 525–530.

6. Blumer, H., and Hauser, P.M. *Movies, Delinquency, and Crime*. – N.Y.: Macmillan, 1933. – 261 p.

7. von Feilitzen, C. *Influences of Mediated Violence // Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon* / Ulla Carlsson, (ed.). – Göteborg: The UNESCO International Clearinghouse on Children and Violence on the Screen; Nordicom; Göteborg University, 2010. – P. 173–187.

8. *Children and Media Violence* / U. Carlsson and C. von Feilitzen, (eds.). – Göteborg: The UNESCO International Clearinghouse on Children and Violence on the Screen; Nordicom; Göteborg University, 1998. – 387 p.

9. Comstock, G., and Paik, H. *Television and the American Child*. – N.Y.: Academic Press, 1991. – 335 p.

10. Dubow, E.F., and Miller, L.S. *Television violence viewing and aggressive behavior // Tuning In to Young Viewers: Social Science Perspectives on Television* / T.M. MacBeth, (ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. – Pp. 117–147.

11. Furhammer, L., and Isaksson, F. *Politics and Film*. – London: Studio Vista, 1971. – 256 p.

12. Glucksmann, A. *Violence on the Screen. A report on research into effects on young people of scenes of violence in films and television*. – London: The British Film Institute Education Department, 1971. – 75 p.

13. Jowett, G. *Film: The Democratic Art*. – Boston: Little Brown, 1976. – 518 p.

14. Schramm, W., Lyle, J., and Parker, E.B. *Television in the Lives of Our Children*. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1961. – 324 p.

15. *Violence on the Screen and the Rights of the Child. Report from a Seminar in Lund, Sweden, September*. – Stockholm: Regeringens kansliets offset central, 1998. – 177 p.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

SOCIOLOGY OF YOUTH

ЛАЗАРЕВ

Дмитрий Александрович,
адъюнкт, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

lazarev_dmitri_87@mail.ru

LAZAREV

Dmitry Aleksandrovich,
Postgraduate, Ministry of Internal Affairs Krasnodar university of Russia, Krasnodar, Russia

lazarev_dmitri_87@mail.ru

Неэффективность государственной молодежной политики как фактор, влияющий на рост экстремизма в российской молодежной среде/Inefficiency of the state youth policy as the factor influencing growth of extremism among the Russian young people

Аннотация

Статья посвящена анализу эффективности государственной молодежной политики в России на современном этапе, а также ее влиянию на рост экстремистских идей в умах современной молодежи. В статье автор делает акцент на важность проведения грамотной молодежной политики и создание условий для взросления и интеграции молодого поколения во взрослую жизнь.

Ключевые слова

Экстремизм; молодежь; социальная дисфункция; социальная справедливость; молодежная политика; социальная динамика; толерантность.

Abstract

Article is devoted to the analysis of efficiency of the state youth policy in Russia at the present stage, and also to her influence on growth of the extremist ideas in minds of modern youth. In article the author places emphasis on importance of carrying out competent youth policy and creation of conditions for a growing and integration of the younger generation into adulthood.

Keywords

Extremism; youth; social dysfunction; social justice; youth policy; social dynamics; tolerance.

Ухудшение социально-экономического состояния большинства российских семей, недостаточное финансирование образовательных, культурно-просветительских учреждений, учреждений социальной поддержки населения, слабая государственная поддержка детских и молодежных объединений, увеличивающаяся с каждым годом миграция населения из регионов страны с нестабильной экономической и социальной обстановкой неблагоприятно отражаются на социальном благополучии подростков и молодежи, приводят к их негативной социальной ориентации, агрессии, росту ксенофобии и преступности в молодежной среде.

На этом фоне в России все более остро встает вопрос о противодействии экстремизму. Следует отметить, что термин «экстремизм», еще недавно встречавшийся только в специальной литературе, сегодня не сходит со страниц газет и журналов, о преступлениях экстремистской направленности повсеместно говорят с экранов телевизоров и транслируют по радио, а пространство Интернета просто переполнено экстремистским контентом. Примечателен тот факт, что первая монография, в которой этот термин фигурирует в названии, была издана на русском языке лишь в 1986 году.¹

Распространение молодежного экстремизма, выражающееся в увеличении преступлений экстремистской направленности, совершаемых с особой жестокостью и профессионализмом, стало острой проблемой современного российского общества. Отношение общества и государства к проблеме экстремизма в молодежной среде, как правило, не однозначно. С одной стороны, различные молодежные движения и организации воспринимаются как разновидность девиации, субкультуры, содержащей некое протестное поведение определенной возрастной группы людей. С другой стороны, ученые социологи, политологи и юристы отмечают, что данная контркультура содержит все признаки неформального политического движения, в основе идеологии которого лежат именно экстремистские идеи, основанные на расизме и национализме.

Современные социологические исследования показывают, что в России наблюдается совпадение религиозного и национально-го самосознания, что является угрозой стабильности многоконфессионального общества, коим является Российская Федерация.

¹ Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.

Особенно высокий рост национально-религиозной нетерпимости отмечается в молодежной среде, в которой этот показатель гораздо выше, чем у людей более старшего поколения. Для общества с нестабильно функционирующей социально-экономической системой в условиях глобального мирового кризиса этот симптом является особенно тревожным.

Как показывает мировой и отечественный опыт, молодежь особенно восприимчива к идеям радикализма и экстремизма. В связи с этим воспрепятствование распространению идей экстремизма с использованием современных технологий, воспитание на ранних этапах социального развития толерантного отношения к различным социальным, национальным и религиозным группам населения становятся особенно важными задачами.

Именно для решения обозначенных проблем в современном российском обществе динамично корректируются цели и задачи государственной молодежной политики с тем, чтобы наилучшим образом содействовать успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитию ее потенциала в интересах России и, следовательно, социально-экономическому и культурному развитию страны, обеспечению ее конкурентоспособности и укреплению национальной безопасности. Этот процесс далек от завершения, требует научного сопровождения в режиме мониторинга, в том числе и с участием молодых исследователей, оценки которых в данном случае выступают как факт гуманитарной экспертизы принимаемых управленческих решений и осуществляемых социальных проектов.¹

Стоит подчеркнуть, что мероприятия государственной молодежной политики не обладают возможностью самостоятельного решения всех или большей части проблем подрастающего поколения, препятствующих их успешной интеграции во взрослую жизнь. Изменить вектор социальной динамики в сторону улучшения положения молодежи представляется возможным лишь после успешного решения достаточно глубокого институционального кризиса. По сути дела, речь идет о типичной дисфункции социальной системы на современном этапе общественного развития.

В силу перечисленных факторов гражданская социализация молодого поколения современных россиян не может быть достаточно эффективной, и в настоящее время становятся очевидными последствия ее отклоняющегося характера: значительная часть молодежи,

¹ Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С.4.

достигая психологической и социальной зрелости, остается практически индифферентной в гражданском и политическом плане, представителями «поколения пепси», не дорожащими гражданскими ценностями и свободами, не желающими и не умеющими брать на себя личной гражданской ответственности за свое отношение к обществу и за происходящее в обществе. В одном из выступлений Ю. Левада назвал нынешнее молодое поколение «потерянным», отметив, что оно так и не уяснило себе, зачем нужна демократия. Действительно, порой высказывания и поступки представителей этого поколения, выросшего после перестройки в условиях небывалой для России демократии, свободы и гласности, обнаруживают обескураживающее непонимание того, что есть демократия в политике, социальной жизни и культуре: об этом, например, свидетельствуют попытки устроить аутодафе идейно не устраивающей их книжной продукции, всплески ксенофобии и националистического экстремизма в молодежной среде, и с другой стороны – настораживающее отсутствие у многих молодых людей идентификации себя с родной страной и своих интересов с интересами общества в целом, что является психологической основой гражданственности.¹

Нельзя не отметить роль СМИ и Интернета в процессах социализации молодежи современной России. На сегодняшний день они занимают довольно противоречивую позицию: с одной стороны, являются средствами для распространения ксенофобии, разжигания противоречий и конфликтов, а с другой стороны, могут стать отличным инструментом для формирования толерантного сознания молодежи. На преодоление отрицательных последствий нетерпимости направлено основное требование к СМИ – в освещаемых событиях информация должна быть преподнесена таким образом, чтобы затрагивала мнение групп, которые являются или могут стать объектом дискриминации или расизма.

Современные СМИ могут формировать структуру национальной (культурно-политической) идентичности, которая в свою очередь позволяет правящей элите узаконивать свою власть и укреплять государство посредством набора моральных заповедей, исторической перспективы и видения будущего. Сформированная культурно-политическая идентичность предоставляет сообществу основные ориентиры: кто принадлежит к данному сообществу, а кто нет; кто является «своим», а кто «чужаком».

¹ А.Б. Гнутов Социализация молодежи в пореформенном российском обществе: аспекты формирования гражданских качеств. Автореф. дис... канд. соц. наук. Краснодар, 2007.

Решение этой проблемы видится в борьбе с Интернет-ресурсами, содержащими экстремистский и ксенофобский контент. Необходимо использовать в этом вопросе положительный опыт зарубежных ученых, которые преуспели в вопросе декриминализации виртуального пространства (США, Германия). В этих странах уже на протяжении нескольких лет интернет-провайдеры тщательно отслеживают и удаляют весь контент с экстремистской идеологией, размещая под их адресами странички с антифашистским содержанием. Заметим, что за рубежом подобная инициатива исходит от самих Интернет-компаний, а в России она могла бы исходить «сверху» от законодателя.

На сегодняшний день борьба с экстремизмом в пространстве Интернета требует серьезных корректировок. Сейчас мы ведем борьбу с этим негативным социальным явлением на его территории и по его правилам, поэтому необходимо кардинально изменить не методы ведения борьбы, а само социальное пространство, в котором эта борьба ведется. Только создание медиа-пространства, в котором идеологи экстремизма будут существовать и вести свою деятельность по нашим правилам, позволит эффективно с ними бороться.

Обобщая вышесказанное, отметим, что факторами, влияющими на развитие молодежного экстремизма (кроме факторов, характерных для проявления экстремизма в любых формах и в любом возрасте), являются: отсутствие или крайне слабое внимание как государства и общества в целом, так и органов местной власти, семьи в частности, к проблемам воспитания молодежи, их культурного и нравственного развития. Слабая забота о досуге молодежи, отсутствие бесплатных секций, творческих кружков, дискотек заставляет молодых людей заполнять свободное время самостоятельно и бесконтрольно, что все чаще приводит к вовлечению молодежи в различные группы, пропагандирующие экстремизм. Этот потенциал самым активным образом используется экстремистскими организациями, их целью является вовлечение в свои ряды как можно большего числа подростков, пользуясь их желанием поразвлечься и занять себя в свободное время.

Все вопросы, связанные с предупреждением проявления экстремизма, должны решаться в комплексе как силами государства, органами правопорядка, так и общественными организациями. Комплекс воспитательных мероприятий, которые будут применяться, необходимо направлять на проведение контрпропаганды экстремизма в системе образования.

Необходимо подчеркнуть, что успех мероприятий по профилактике и противодействию экстремизму во многом будет зависеть от выполнения ряда необходимых условий. Во-первых, нужно в корне пересмотреть устаревшие методы воспитания молодежи и формальный подход к воспитанию; во-вторых, тщательнейшим образом изучить приемы и способы ведения пропаганды экстремистскими организациями; в-третьих, досконально изучить психоэмоциональное состояние молодежи, особенное внимание уделив индивидам, входящим в «группы риска»; в-четвертых, необходимо добиться тесного сотрудничества с социально-позитивными общественными организациями.

Весьма немаловажным фактором в борьбе с национальным и религиозным экстремизмом в среде молодежи является изучение во всех образовательных учреждениях истории совместного проживания различных народов и национальностей на территории нашего государства, а также совместное строительство и укрепление ими внешних рубежей страны для защиты от посягательств.

При этом необходимо обращать особое внимание на единство населения нашей страны, несмотря на ее культурное и национальное многообразие. Вместе с тем не следует делать особый акцент на культурной уникальности отдельных национальных меньшинств и их истории, так как это может привести к еще большей неприязни молодежи к различным этносам, разобщенности и раздробленности, что в свою очередь в будущем станет причиной развития ксенофобии и экстремистских идей в сознании молодых людей.

В процессе обучения следует делать акцент на принадлежности индивидов не к национальности и конфессиям, а к гражданству и государству. Как отмечает В.А. Тишков, «российский народ имеет гораздо больше общих культурных и исторических ценностей и социальных норм, нежели различий, обусловленных этнической принадлежностью. Надо использовать центростремительные общественные факторы, ибо уровень повседневного взаимодействия людей в многоэтнических сообществах и коллективах (включая производственные и семейно-родственные) в целом достаточно высок, что делает возможным сглаживание этнических различий»¹.

Таким образом, что может стать гарантией успешного противодействия экстремизму в молодежной среде? Только лишь воспитание молодого поколения как ответственных граждан единого общества своей страны, а не как представителей отдельных национальностей. Представляется, что государство должно взять на себя

¹ Тишков В.А. Стратегии противодействия экстремизму // Независимая газета. 1999. 18 марта.

основную нагрузку по созданию, внедрению и контролю за курсами учебных программ общеобразовательных школ, которые бы формировали отрицательные взгляды на экстремистские идеи, ксенофобские взгляды и напротив, воспитывали бы уважительное отношение к представителям национальных меньшинств, к их традициям и обычаям.

Также в целях борьбы с таким опасным социальным явлением, как экстремизм, необходимо активно развивать систему военно-патриотического воспитания молодежи путем создания соответствующих организаций, имеющих свою позитивную символику и антиэкстремистские программы. Претворение всего вышеперечисленного в жизнь не может проходить без активного участия государства и различных общественных организаций.

Неотъемлемой мерой противодействия экстремизму и его отрицательным последствиям должен служить постоянный воспитательный общественный мониторинг экстремизма. Проблемы противодействия экстремизму должны решаться не только государством и правоохранительной системой, но и всеми членами общества, которые принимают активное участие в воспитании молодежи.

Равнодушное отношение граждан к проблемам экстремизма зачастую приводит к тому, что молодежь увлекается идеями экстремизма, у нее возникает неприязнь к лицам других национальностей и этническим группам. Поэтому каждый член общества в ответе за нравственное воспитание и формирование у молодого поколения толерантности. Также он должен своевременно и грамотно реагировать на любые экстремистские проявления, активно используя весь инструментарий предоставленный ему законом.

Только используя весь комплекс мер, направленных на формирование у молодежи антиэкстремистских взглядов, а также активнейшее противодействие лицам, распространяющим идеи экстремизма, можно добиться искоренения идеологической базы экстремизма и соответственно всех его проявлений.

Рассмотренные выше способы противодействия экстремизму должны быть дифференцированы и содержательны; должны осуществляться во всех регионах страны с учетом их территориального положения, этнического состава, политических, экономических, культурных, социальных и других особенностей; носить регулярный, системный характер; своевременно и оперативно реагировать на изменения, происходящие в социальной среде.

Библиография

1. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.

2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / под общ.ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013.

3. Гнутов А.Б. Социализация молодежи в пореформенном российском обществе: аспекты формирования гражданских качеств. Автореф. дис...канд. соц. наук. Краснодар, 2007.

4. Тишков В.А. Стратегии противодействия экстремизму // Независимая газета. 1999. 18 марта.

References

1. Grachev A.S. Political extremism. [Politicheskij jekstremizm] М .: Thought, 1986

2. State youth policy: Russian and world practice of realizing in society innovative potential of new generations: scientific. Monograph [Gosudarstvennaja molodezhnaja politika: rossijskaja i mirovaja praktika realizacii v obshhestve innovacionnogo potenciala novyh pokolenij: nauch. monografija] / under common obs. Shaft. A. Lukov. Moscow: Izd-vo Mosk. Humanit. University, 2013.

3. Gnutov A.B. Socialization of youth in the post-reform Russian society: aspects of the formation of civil qualities. [Socializacija molodezhi v poreformennom rossijskom obshhestve: aspekty formirovanija grazhdanskih kachestv] Author's abstract. Dis ... cand. Soc. Sciences. Krasnodar, 2007.

4. Tishkov V.A. Strategies for countering extremism [Strategii protivodejstvija jekstremizmu] // Nezavisimaya gazeta. 1999. 18 March.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

ТЮНЬ

Андрей Петрович,
соискатель, Краснодарский
университет МВД России,
Краснодар, Россия
info@журналпоиск.рф

TJUN''

Andrej Petrovich,
Ministry of Internal Affairs
Krasnodar university of Russia,
Krasnodar, Russia
info@журналпоиск.рф

Социальный институт полиции в трансформирующемся российском обществе: социологический анализ/ Social institution of the police in transforming Russian society: so- ciological analysis

Аннотация

Трансформирующееся общество априори представляет собой, с одной стороны, достаточно нестабильное образование, с другой стороны – непростой объект социологического анализа – как на фундаментальном, так и прикладном уровнях познания. В условиях трансформирующегося общества значительно повышается значимость социальных институтов как факторов обеспечения социального порядка и стабильности. Социальный институт полиции выполняет ряд уникальных функций, вследствие чего его ключевое положение в социуме не вызывает сомнений.

Annotation

Transforming society is a priori, on the one hand, quite unstable education, on the other hand is a difficult subject for sociological analysis – both fundamental and applied levels of knowledge. In the conditions of transforming society significantly increases the importance of social institutions as factors to ensure social order and stability. Social institution of the police performs a number of unique features, as a result of its key position in society no doubt.

Ключевые слова

Трансформирующееся общество; социальный институт; виртуальное пространство; социальные нормы; социальный контроль; полиция; право; правоохранительная система.

Keywords

Transforming society; social institution; virtual space; social norms; social control; police; legal; or law enforcement.

Социальная система нуждается в инструментах поддержания стабильного, равновесного состояния, в противном случае нарастающие дисфункционально-дезорганизационные тенденции угрожают ей распадом. В данном аспекте ключевую роль выполняют социальные институты, способствующие удовлетворению как общественных в целом, так и групповых, а также индивидуальных потребностей в политической, экономической, социальной и духовной сферах.

Положение социальных институтов в обществе начала XXI в. выглядит достаточно сложным и противоречивым. Основные проблемные аспекты связаны с модернизационными рисками, ставшими основным трендом постиндустриального общества. Как представляется, генезис глобального миропорядка, основанного на высоких информационно-компьютерных технологиях и виртуальной интернет-среде, существенным образом отражается на функционировании институциональной матрицы в целом, а также отдельных социальных институтов. Виртуализация социального пространства, опосредование системы социальных действий и взаимодействий, переопределение роли информации в основных подсистемах общества – вот далеко не полный спектр явлений и процессов, меняющих облик социума. С одной стороны, общество начала XXI в. с очевидностью обладает модернизационными чертами, в основе которых – прогресс информационно-компьютерных технологий. С другой стороны, для современного общества характерны напряжения и риски, связанные с нарастающей диспропорцией между технико-технологическим и духовным, социокультурным развитием. Именно запаздывающее социокультурное развитие социальной системы приводит к нарастающей перегрузке нормативно-правовой подсистемы, так как именно на нее ложится основная нагрузка в аспекте обеспечения социального контроля, преодоления девиантного и делинквентного поведения. В этих нестабильных условиях решающее значение для обеспечения социального порядка имеет успешное функционирование социальных институтов.

В условиях современного трансформирующегося общества социальные институты изменяют свой облик, функциональный репертуар, «подстраиваясь» под происходящие изменения «внешней» среды общественной жизни. Данная тенденция может быть проиллюстрирована таким примером: классический социальный институт государства в новых условиях глобального информационного общества принимает облик «электронного государства», функционирование которого во многом оказывается виртуализированным, опирается на опосредованные, технико-технологические взаимодействия гражданина и государства.

В современных условиях становится очевидным, что социальные институты реагируют на инновационные угрозы и риски развития социальной системы, ее глобализации и информатизации. При этом в ряде случаев трансформация социальных институтов ошибочно рассматривается исследователями как индикатор их кризиса. Именно поэтому в рамках современной социологической науки весьма важным выступает введение и обоснование такой теоретико-методологической установки, которая бы изменила ракурс анализа социальных институтов, особенно – теоретико-прикладного, – с поиска индикаторов явных или мнимых кризисных явлений к рассмотрению «альтернативных», инновационных функций социальных институтов, ранее не фиксировавшихся фундаментальной и теоретико-прикладной социологической наукой.

Стоит подчеркнуть, что социальный институт представляет собой исторически сложившуюся или созданную в процессе жизнедеятельности людей специфическую форму организации совместной жизни индивидов, групп, общностей, классов и т.п. Социальные институты обладают значительным потенциалом воздействия на поведение людей, прежде всего, с помощью установленных правил – социальных норм, от моральных, опирающихся на добровольное осознание людьми важности нравственного бытия до юридических (норм права), поддерживающихся силой принуждения государства.

Основатель социологии О. Конт [3] рассматривал основные социальные институты (семью, государство, религию) с позиций их включения в процессы социальной интеграции и выполняемых при этом функций. Именно интегративная функция социальных институтов представлялась Конту решающей в процессе обеспечения стабильности общества, преодолении дезорганизационных тенденций.

Э. Дюркгейм [2] исследовал механический и органический типы солидарности в обществе и пришел к выводу о том, что именно они представляют собой основополагающие конструкты социальной си-

стемы, а, значит, являются типичными примерами институциональных структур.

Институциональный подход к исследованию общественных явлений нашел свое отражение в трудах английского социолога XIX в. Г. Спенсера. Он первым предложил термин «социальный институт», изучил и описал шесть типов социальных институтов: промышленный, профессиональный, политический, обрядовый, церковный, домашний [6].

Немецкий социолог М. Вебер полагал, что социальные институты (государство, религия, право и т.п.) должны «изучаться социологией в той форме, в какой они становятся значимыми для отдельных индивидов, в какой последние реально ориентируются на них в своих действиях» [1].

В рамках отечественной социологии также имеется неплохой теоретический фундамент исследования социальных институтов. Российскими социологами неплохо проработаны общетеоретические основы концептуализации понятия «социальный институт». Так, Л.Р. Муртазина указывает, что социальный институт представляет собой систему, состоящую из следующих подсистем: 1) символические и утилитарные инструменты (здания, оборудование, техника, знаки отличия и т.п.); 2) договорные, семейные и принудительные ассоциации (профсоюзы, политические партии, спортивные объединения, школьные правления и т.п.); 3) обычаи, нравы и правила жизни (выборная компания, брачная церемония, обязательная школьная посещаемость и т.п.); 4) идеи, верования, идеалы (вера в Бога, идеал политической демократии и т.п.) [4, с.185–190].

Социологический анализ общества предполагает в качестве одной из приоритетных стратегических целей (актуальных практически для любого теоретического и теоретико-прикладного исследования) поиск отчетливо различимых индикаторов функционирования социальных институтов. Это особенно актуально в ситуации, когда имеет место пересечение функций различных социальных институтов.

В этой связи методологически важными являются те научные изыскания, которые вычленяют и подробно характеризуют основные индикаторы функционирующих социальных институтов, а также связанных с ними ключевых подсистем. В частности, по мнению М.М. Юсуфова, к числу общих признаков социального института можно отнести:

– выделение определенного круга субъектов, вступающих в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер;

– определенную (более или менее формализованную) организацию;

– наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института;

– наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней [7, с.162-166].

Стоит обратить внимание на то, что в системе социальных институтов современного российского общества особое место занимает полиция. Именно полиция зачастую осуществляет непосредственный контакт с гражданами, реализовывая не только функцию принуждения к исполнению норм права, но и осуществляя профилактические мероприятия с группами риска, особенно – девиантными, способствуя воспитанию и социализации подрастающего поколения.

Стоит согласиться с тем, что полиция как социальный институт представляет собой особый специфический интегрированный комплекс образов, ценностей, норм, ролей и статусов, который выполняет специфические социальные функции в правоохранительной сфере посредством выполнения индивидами социальных ролей, следуя институционально заданным нормам и правилам. В то же время она выступает и как пространство социокультурного взаимодействия индивидов, осуществляющих рациональное поведение, деятельность, взаимоотношения в рамках существующих норм, правил и стремящихся к реализации своих целей, интересов, ценностей, потребностей [8, с.207-209].

С точки зрения исследователей, являя собой материальное воплощение социального института, объединяющего формальные и неформальные организационные структуры коллектива, материальные органы, учреждения, подразделения, системы ролей и статусов, образцов поведения, норм и ценностей и др., институту полиции присущи наряду с общими институциональными чертами и свойствами специфические институциональные признаки, раскрывающие особенности его функционирования в российском обществе [5].

Полиция обладает рядом специфических признаков, детерминирующих ее уникальное положение в современном российском обществе. Исследователи в этой связи выделяют организационно-правовые, управленческие и др. формы социально-управленческого механизма полиции. В числе определяющих элементов осуществления управленческой деятельности руководством полиции исследователями рассматриваются: 1) обеспечение управленческой деятельности; 2) стиль руководства в полиции; 3) развитие форм

социальной самоорганизации сотрудников органов внутренних дел; 4) личность сотрудника полиции; 5) взаимодействие с общественностью, институтами гражданского общества, широкими слоями населения; 6) формирование позитивного образа полиции в общественном мнении [8, с.207–209]. С точки зрения исследователей, общими институциональными признаками полиции являются: эволюционное и историческое развитие, легитимность, удовлетворение общественных потребностей [5].

Необходимо отметить, что трансформирующееся российское общество начала XXI в. накладывает определенный отпечаток на работу полиции, актуализирует ряд целей и задач стратегического развития социума, ранее не являвшихся таковыми. В частности, становление постиндустриального общества с развитыми элементами гражданского общества (на фоне усиления значимости информационно-коммуникационного фактора) диктует необходимость акцентирования внимания на восприятии людьми деятельности полиции. В современном обществе интернет-коммуникации, мобильная связь, особенно с использованием смартфонов и коммуникаторов, позволяют практически мгновенно «выставлять» на всеобщее обозрение любые ошибки, злоупотребления и, тем более, тяжелые нарушения норм права сотрудниками полиции.

В этой связи исследователи справедливо обращают внимание на то, что в настоящее время следует обратить внимание на усиление социальной направленности деятельности подразделений полиции, так как функциональная роль полиции в общественной жизни заключается в поддержании и оказании в рамках своей компетенции социальной помощи населению, гражданам, обратившимся к сотрудникам полиции с вопросами правового, морального, материального, финансового, социального характера [5].

Следует подчеркнуть, что реформирование российской полиции, начатое в 2011 г., стало отправной точкой в развитии ряда факторов, имеющих непосредственное влияние на видоизменение ее облика. В условиях модернизации российского общества критически важным представляется адаптация института полиции к происходящим изменениям, преодоление рисков конфликтов, дисфункциональности, дезорганизации. Модернизация социального института полиции немыслима без активного участия граждан, институтов гражданского общества. Именно установление и поддержание обратной связи с населением позволяет институту полиции развиваться с учетом мнений, потребностей людей, дает возможность преодолевать коррупцию, злоупотребления властью и другие негативные

проявления, не позволяющие осуществить полноценное реформирование полиции в современных российских условиях.

Подобная модернизация социального института полиции невозможна без активного использования возможностей эмпирической и прикладной социологии. Именно конкретная, практическая социология обладает уникальными способностями диагностики социальных проблем, а также поиска эффективных путей и способов их преодоления. Стоит подчеркнуть, что в условиях современного российского общества возможности практической социологии используются весьма слабо, в том числе и в случае с анализом функционирования социального института полиции.

Стоит отметить, что социологический анализ функционирования института полиции в условиях трансформирующегося российского общества начала XXI в. предполагает акцент на факторах внешней и внутренней среды, оказывающих различное воздействие на институциональные структуры. Социологический инструментарий весьма вариативен и позволяет достаточно гибко применять подходы и приемы макро- и микросоциологического анализа. Сочетание фундаментальной, теоретической социологии, а также статистического анализа с глубоким, качественным исследованием социокультурных особенностей полицейских и обычных граждан предоставляет социологам достаточно действенный инструмент не только диагностики, но и прогнозирования социальных явлений и процессов. Условия современного трансформирующегося общества не оставляют иных вариантов развития событий, нежели активное обращение к потенциалу социологической науки.

Библиография

1. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М., 1995.
3. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / Перевод с французского И. А. Шапиро. Ростов н/Д., 2003.
4. Муртазина Л.Р. Социальный институт как предмет социологического анализа // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1.
5. Полиция как социальный институт. URL:// <http://magref.ru/politsiya-kak-sotsialnyi-institut/> (дата обращения: 22.12.2016).
6. Спенсер Г. Личность и государство. М., 2007.

7. Юсуфов М.М. Концептуализация понятия «социальный институт» в современной социологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №4.

8. Янбукhtин Р.М. Полиция как социальный институт (теоретико-методологические и практические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №12.

References

1. Weber M. Selected works: [Izbrannye proizvedeniya] TRANS. with it.; comp., General editorship and afterword. Yu. N. Davydova; Foreword. P. p. Gaidenko; comments. A. F. Filippov. M.: Progress, 1990.

2. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose [Sociologiya. Ego predmet, metod, prednaznachenie] / Per. FR., compilation, afterword and notes by A. B. Hoffmann. M., 1995.

3. Conte O. Spirit of positive philosophy. (A word about positive thinking) [Duh pozitivnoj filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii)] / translated from the French by I. A. Shapiro. Rostov n/D., 2003.

4. Murtazina L. R. a Social institution as a subject of sociological analysis [Social'nyj institut kak predmet sociologicheskogo analiza] // Bulletin of the Chuvash University. 2011. No. 1.

5. The police as a social institution. [Policija kak social'nyj institut] URL:// <http://magref.ru/politsiya-kak-sotsialnyiy-institut/> (accessed: 22.12.2016).

6. Spencer G. Identity and the state. [Lichnost' i gosudarstvo] M., 2007.

7. Yusufov M. M. Conceptualization of the concept "social institution" in modern sociology [Konceptualizacija ponjatija «social'nyj institut» v sovremennoj sociologii] // the Historical and socio-educational thought. 2011. No. 4.

8. Yanbukhtin R. M. Police as a social institution (theoretical-methodological and practical aspects) [Policija kak social'nyj institut (teoretiko-metodologicheskie i prakticheskie aspekty)] // Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2014. No. 12.

КОНФЕРЕНЦИИ CONFERENCE

КСЕНОФОНТОВ

Владимир Владимирович,
к. филос. н., Московский
институт государственного
и муниципального управле-
ния, Москва, Россия
kvvmvoky173@mail.ru

KSENOFONTOV

Vladimir Vladimirovich,
Candidate of Philosophical
Sciences, State University of
Management,
Moscow, Russia
kvvmvoky173@mail.ru

Русский язык и проблемы безопасности культуры современной России/ Russian language and security issues culture of modern Russia

Аннотация

В статье анализируются место и роль русского языка как феномена безопасности культуры современной России.

Ключевые слова

Россия; культура; русский язык; безопасность; искусство; литература; духовная жизнь; сотрудничество; молодежь; армия; писатель; мир; наука.

Abstract

The article analyzes the place and role of Russian language as a phenomenon of safety culture of modern Russia.

Keywords

Russia; culture; Russian language; security; art; literature; spirituality; cooperation; youth; army; writer; world; science.

По такой теме 28 марта 2017 года на базе Военного университета Министерства обороны РФ состоялась научная конференция. На ней в процессе обсуждения были обстоятельно рассмотрены

актуальные проблемы безопасности культуры в современном российском обществе. Особое внимание в научных сообщениях было уделено месту и роли русского языка как важнейшего проводника отечественной культуры.

В ходе творческой дискуссии приняли участие известные ученые различных вузов Москвы, главные редакторы журналов «ПОИСК» и «Социально-гуманитарные знания», ученые институтов РАН, писатели, военные журналисты, а также аспиранты, курсанты и студенты Военного университета.

Доклад Сергеева В.К., доктора социологических наук, заслуженного работника культуры, члена Союза писателей России, был сосредоточен на анализе русского языка как важнейшего элемента сохранения культурной идентичности и обеспечения национальной безопасности.

Выступающий отметил, что русский язык в наше время является важным носителем информации и духовной культуры. Однако, подчеркнул он, изменения в российском обществе, его социокультурной сфере свидетельствуют о тревожном состоянии русского языка. Так, 84% респондентов из числа москвичей считают, что русский язык в настоящее время в стране переживает кризис.

Сергеев В.К. отметил и охарактеризовал ряд угроз в сфере коммуникации русского языка. К доминирующим из них он относит:

- тиражирование СМИ иностранных слов и различных словосочетаний;
- засорение жаргонами на телевидении, в искусстве, литературе тех или иных фраз;
- снижение качества применения русского языка в устной и письменной речи.

Докладчик в научном сообщении наряду с отмеченными негативными явлениями в области коммуникации русского языка в современной России охарактеризовал и ряд других, влияющих на социокультурную безопасность страны. В этой связи Сергеев В.К. высказал обеспокоенность, во-первых, тем, что отечественные СМИ злоупотребляют тиражированием англоязычных слов вместо русских, во-вторых, представители государственных учреждений, включая депутатов Государственной Думы, теряют уровень культуры речи русского языка, в-третьих, СМИ и интернет грешат ошибками в произношении и правописании русского языка.

Выступающий обратил внимание в заключении на насущную потребность распространения русского языка в преподавательской деятельности, в распространении лучших классических произведе-

ний русской литературы, а также в постановке спектаклей в театрах, со сцены которых звучал бы русский язык.

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество» обратил внимание на необходимость тесного творческого союза социологов и деятелей литературы в обеспечении безопасности культуры в условиях современной информационной войны. Особое значение такой союз, по его мнению, приобретает в учебно-воспитательном процессе со студентами, необходимостью как повышения их уровня мировоззренческой и эстетической культуры, так и потребностью противостояния аморальной и антиэстетической по направленности литературы «западного образца».

Иванов В.Н., развивая свои положения по данной проблеме, дал развернутую характеристику тем авторам и их произведениям литературы, которые на различных исторических этапах России оказали значительное влияние на духовные процессы, становление мировоззрения у ее граждан.

В XIX веке к таким писателям, подчеркивает докладчик, необходимо отнести А.С. Пушкина (роман «Евгений Онегин»), М.Ю. Лермонтова (повесть «Герой нашего времени»), Н.А. Некрасова (поэма «Кому на Руси жить хорошо»).

Выступающий дал развернутый анализ социологическим коллизиям и достижениям в жизни нашей страны, отображенных оригинально и адекватно в произведениях писателей первой половины XX века. К ним, как считает Иванов В.Н., относятся И. Северянин, В. Маяковский, С. Есенин, В. Брюсов.

«Для профессорско-преподавательского состава Военного университета как преемника Военно-политической академии, в которой я работал заместителем начальника кафедры, – подчеркнул выступающий, – важно, опираясь на лучшие произведения художественной литературы о Великой Отечественной войне, формировать историзм мышления и патриотическое сознание». К таким писателям второй половины XX века, по мнению В.Н. Иванова, относятся: А. Твардовский (поэма «Василий Теркин»), М. Шолохов (рассказ «Судьба человека»), К. Симонов (стихотворение «Жди меня»), Г. Бакланов («Навеки девятнадцатилетние»), В. Быков (повесть «Альпийская баллада»), А. Сурков (стихотворение «Землянка»).

Именно содержание литературы, наполненное героизмом и драматизмом о Великой Отечественной войне, – заключил докладчик, – способствует формированию мировоззренческой и нравственной культуры у молодежи России.

Выступление Лебедева С.Н., секретаря Союза писателей России, доктора экономических наук, профессора было посвящено раскрытию роли русского языка отечественной литературы на различных исторических этапах страны. Докладчик проанализировал сущность и специфику литературного языка Пушкина А.С., Лермонтова М.Ю., Тургенева И.С., Толстого Л.Н. и их вклад в духовную жизнь общества, охарактеризовал метафоры, сравнения, эпитеты, вошедшие в словарный фонд языковой культуры.

Наряду с этими положениями он рассмотрел вклад, который внесли отечественные писатели и поэты России в своих произведениях различного жанра, в отображение художественных образов защитников Отечества. При этом Лебедев С.Н., обращая внимание на специфику русского языка, раскрываемую через образы военнослужащих в литературных произведениях, раскрыл их диагностическую сущность. Докладчик вместе с тем в своем научном сообщении обратил внимание на необходимость в преподавании культурологии больше уделять внимания диагностике стиля и специфике русского языка таких современных отечественных писателей, как К. Паустовский, Л. Леонов, М. Шолохов, А. Можаев, К. Симонов.

Кизюн Н.Ф., генерал-полковник, доктор философских наук, профессор, Председатель Совета ветеранов Военного университета в своем докладе раскрыл место и роль русского языка в формировании военной культуры офицеров Российской Армии.

Так, уже 5 ноября 1919 г., отметил выступающий, в Петрограде был образован Учительский институт Красной Армии. Он готовил учителей русского языка с целью ликвидации неграмотности среди различных категорий военнослужащих. И хотя первый выпуск института с оставил скромную цифру – 132 специалиста, в тот исторический период становления Красной Армии нельзя недооценивать их роль в гуманитарном воспитательном процессе защитников Отечества.

Докладчик подчеркнул, что и в последующие годы в Военно-политической академии имени В.И. Ленина, а ныне в Военном университете уделяется большое внимание русскому языку. Формами пропаганды и развития русского языка выступали и развиваются ныне такие, как тематические вечера; различного рода конференции, литературно-художественные утренники; встречи с известными писателями и поэтами страны и др.

В настоящее время соответствующие кафедры Военного университета сосредоточили особое внимание на раскрытии межкоммуникативной роли русского языка как компонента культуры духовного мира личности военнослужащего. Такая многогранная деятельность профессорско-преподавательского состава Военного университета

реализуется как среди обучающихся из России, так и из таких государств, как Азербайджан, Туркменистан, Вьетнам, Ангола, Беларусь, Китай, Эфиопия, Монголия.

Разносторонняя педагогическая работа в Военном университете, отметил в заключении докладчик, способствует не только изучению богатства русского языка, его важности в культуре личности, но и формирует у обучаемых осознание роли России в духовной безопасности в современном мире.

В научном сообщении Ксенофонтова В.Н., доктора философских наук, профессора Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) был дан анализ безопасности культуры в современной России. Он обратил внимание на тревожную ситуацию в области изучения и функционирования русского языка, которая характеризуется иностранной экспансией. Она проявляется в сужении первооснов русской духовной культуры, засорении русского языка терминологией, не соответствующей российской ментальности. Подобное явление в виде слов в немалой степени заимствовано из лексикона американского рынка и их сочетания с русскими словами. Так, стали общеупотребляемыми без каких-либо изменений понятия и рекламные слоганы: «саммит», «киллер», «импичмент», «суперстар», «не тормози – сникерсни», «двигай на вечер Greenky», по своей природе чуждые русскому языку.

Выступающий отметил, что в лексику российского населения ныне активно внедряются термины и понятия, которые задурманивают смысл. Между тем, у них есть адекватные аналоги в русском языке, понятные гражданам. По существу, такие термины, как «бренд», «дистрибьютер», «праймериз», «брокер», «лизинг» и др. активно насаждаются в сознание россиян как необходимый атрибут приобщения к культуре Западной Европы.

Наряду с этим нельзя не отметить еще весьма тревожный аспект, связанный с русским языком. Он выражается в том, что в ряде спектаклей, поставленных в некоторых московских театрах, продолжают не только коверкать русский язык в различных постановках, но и с легкостью произносить со сцены ненормативную лексику. Стремление же ряда театральных деятелей объявить себя в связи с этим борцами против академизма и новаторами в сфере искусства являются несостоятельными и деструктивными.

Следует заметить, что о языке русской литературы и ее важности в искусстве ярко сказал народный артист РФ В.Г. Коренев: «Но актеры–личности растут только на большой, настоящей литературе. В театре и кино все с нее начинается. Художественный или Малый театр выросли на Островском, на Чехове, на Горьком; «Современник»

и «Таганка» выросли на замечательных писателях и поэтах XX века»¹.

Выступление Ремизова В.А., доктора культурологии, профессора МГИКИ, члена Союза писателей России было посвящено духовным ценностям культуры современного российского общества. При этом он высказал положение, что формирование культуры личности россиянина, особенно молодого человека, происходит в сложных условиях, связанных с навязыванием низкопробных ценностных ориентаций. Нередко они проявляются в аморальных художественных образах, не имеющих под собой гносеологических основ многовековой культуры России. В этой связи, считает докладчик, важно в процессе формирования культуры личности современного российского общества активно формировать мотивацию на смысл и нравственную сущность отечественной классической литературы и позитивный художественно-эстетический идеал. В единстве этих двух компонентов, отметил Ремизов В.А., наше общество гарантировано от проникновения безнравственных и антиэстетических зарубежных образов в книги и кинофильмах.

В докладе Мартыненко Е.В., проректора РУДН, заведующей кафедрой истории и теории журналистики, доктора политических наук, профессора был дан анализ негативным явлениям, проявляющимся в СМИ в области русского языка. Она отметила, что современные журналисты, стремящиеся к инновациям в области русского языка, нередко жонглируют различными словесными сочетаниями. Среди них такие, как: «Галерея вина», «Оранжевая планета», «Зеркальная паркетотека», «Империя вкуса», «Мир табака». В действительности такая мнимая инновация языкового характера по своей сущности – логичная и ведет к ущербности понимания смысла слов. Наряду с такими несуразницами, как отметила выступающая, рядом СМИ искажается правописание различных слов. Однако, видимо ради привлекательности и оригинальности, нарушая правила русского языка, слова пишутся, например, слитно и тиражируются СМИ: «Всенаматч», «Столото», «Тысоздаешьигру», «Этомощно».

Профессор Мартыненко Е.В. подчеркнула, что подобного рода использование русского языка принижает его функциональную значимость и глубину смысла.

Маршак А.Л., доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «ПОИСК», член Союза писателей России проанализировал роль культуры как важного фактора формирования духовного

¹ Коренев В.Г. Меня никто не предавал // Вечерняя Москва. 2015. 9-15 июня. С. 16.

мира личности. Докладчик, аргументируя свою позицию по высказываемой проблеме, особое внимание обратил на преимущество в научном познании прошлого, включая советский период, и настоящего в области искусства и литературы. При этом он отметил необходимость совместного сотрудничества в сфере культуры и науки между исследователями гражданского и военного профиля. Такое научное сотрудничество между коллективами ученых гражданских вузов, а также академических институтов, с одной стороны, и военными учеными, особенно философами и социологами Военно-политической академии, с другой стороны, реализовывались, по мнению докладчика, во взвешенных исследованиях, которые играли заметную роль в теории и практике. Особое место в таких значимых философских и социологических исследованиях в области искусства и литературы, как отметил выступающий, занимали такие ученые, как В.Б. Ольшанский Е.Ф. Сулимов, А.С. Миловидов, В.М. Пузик, Ю.И. Любашевский, Ф.И. Минюшев. «Важно, – подчеркнул профессор Маршак А.Л., – бережно опираясь на позитивный опыт исследования системы культуры в духовной безопасности страны его недавнего прошлого, творчески использовать и в воспитательном процессе с молодежью в современной России».

В научном сообщении Далецкого Ч.Б., доктора философских наук, профессора кафедры философских и социально-экономических дисциплин МГЮА имени О.Е. Кутафина дана характеристика проблемы риторизации культуры в образовательном процессе современной России.

В выступлении он обосновал категорию риторизации в качестве освоения речи и формирования языковой личности в новой речевой культуре. При этом докладчик обратил внимание на то, что современное российское общество в последние 20 лет живет в новой духовной реальности. Вот почему важно, заметил Далецкий Ч.Б., использовать эффективно новые языковые понятия. Особое значение в этой связи, по его мнению, приобретают: оптимизация учебного процесса в вузе с использованием русского языка, эффективность и качество его преподавания.

Все эти три образовательные компонента в учебно-воспитательном процессе вуза тесно связанные между собой, способны, по взгляду докладчика, решить для студентов следующие задачи: 1) приобретение необходимых знаний в области русского языка на лексическом уровне; 2) синтезацию общей смысловой нагрузки во взглядах и установках студентов; 3) творческое использование сочетаний слов в разнообразной последующей практической деятельности обучаемых.

В докладе Шлыковой О.В., доктора культурологии, профессора РАНХиГС было обращено внимание, во-первых, на некорректное, прежде всего, прагматическое использование русского языка в рекламных целях, во-вторых, на краткое рассмотрение классической литературы России в пропаганде русского языка в мировой культуре.

Докладчик отметила, что в современной России некоторые предприниматели и их фирмы стремятся использовать русский язык в своих целях. При этом активно опираются на полярный смысл словосочетаний. Например: «У кого-то сдают нервы. Мы сдаем дома», «Кто-то ведет дискуссии. А мы – строительство», «У нас есть даже то, чего еще нет» и т.п. Согласиться с таким применением русского языка, подчеркнула выступающая, не представляется возможным.

Между тем, отметила Шлыкова О.В., именно благодаря русскому языку человечество по достоинству оценило высокий художественно-эстетический смысл произведений многих выдающихся отечественных писателей. Это «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Темные аллеи» И.А. Бунина, «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина, «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Русский лес» Л.М. Леонова, «Живые и мертвые» К.М. Симонова, «Блокада» А.Б. Чаковского и др.

В завершении конференции ее участники ознакомились с разнообразной и насыщенной учебно-технической базой Военного университета и его музеем. С большим интересом они осмотрели оригинальную фронтową «Землянку», построенную по образу типичных оригиналов Великой Отечественной войны и наполненную плакатами наглядной агитации того периода.

В ходе осмотра представленных в ней экспонатов начальник Военного университета генерал-полковник Марченков В.И., доктор педагогических наук, профессор рассказал об историческом пути военного вуза и перспективах его развития к 100-летию юбилею.

КОРНИЛОВА
Марина Валерьевна,
к. социол. н., научный со-
трудник, Институт социологии
РАН, Москва, Россия
mmrr@mail.ru

KORNILOVA
Marina Valerievna,
Candidate of Sociological
Sciences, Research fellow,
Institute of Sociology,
Moscow, Russia
mmrr@mail.ru

Социальная политика в контексте социологических исследований (по материалам конференции молодых ученых в ИС РАН)/ Social policy in the context of sociological researches (on materials of conference of young scientists in the IS RAS)

19–20 апреля 2016 г. в Москве состоялась первая конференция, организованная Советом молодых ученых Института социологии РАН: «Новые подходы и методы в социологии: современные исследовательские практики». В конференции приняли участие как социологи, так и представители смежных дисциплин: экономисты, педагоги, политологи, управленцы и др. В рамках конференции была организована работа 10 секций, в том числе секция «Социальная политика как объект социологических исследований».

В работе секции приняли участие молодые ученые и аспиранты из академических, образовательных, научно-исследовательских учреждений г. Москвы: Институты социологии и социально-политических исследований РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Всероссийского центра уровня жизни, Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы. Кроме того, на секции выступали молодые специалисты, имеющие практический опыт внедрения результатов социологических исследований в деятельность государственных учреждений г. Москвы по работе с семьей и детьми (Центр содействия семейному воспитанию «Вера. Надежда. Любовь»), а также учреждений социальной помощи пожилым и инвалидам (Территориальный центр социального обслуживания «Арбат» филиал «Тверской»).

Среди участников секции из числа региональных докладчиков были заявлены молодые ученые из Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), а также свой доклад представила молодой доктор социологических наук из ближнего зарубежья (г. Бишкек, Кыргызская республика).

Руководитель секции **М.В. Корнилова** (ИС РАН, ИДПО ДТСЗН) осветила особенности социальной защиты пожилых на примере социальных программ, действующих в столице. В докладе обобщен и проанализирован круг проблем, характерных для жизни пожилых москвичей, рассмотрено, как пожилые респонденты оценивают основные мероприятия системы социальной защиты населения, призванные помочь старшему поколению жителей столицы справиться с грузом социальных проблем и рисков.

Р.Б. Салморбекова (КНУ им. Ж. Баласагына) в своем докладе представила основные индикаторы оценки качества работы учреждений местного самоуправления и социального обслуживания Кыргызстана и отметила, что повышение качества жизни населения является главной целью социальной политики страны.

А.С. Арутюнян (ИС РАН) осветил уже сложившуюся проблему неформального лоббизма, исходящую от различных групп интересов (корпораций, холдингов, предприятий), давление которых изначально направлено на государственную социальную политику. В докладе были также представлены результаты исследований о преуспевших группах в продвижении собственных интересов, внешние и внутренние факторы, способствующие нерегулируемому лоббизму, наиболее обсуждаемые аспекты и конкретные примеры нерегулируемого лоббизма, влияющие на социальную политику.

Об особенностях использования социальных приоритетов Европейского Союза в системе совершенствования социальной защиты Евразийского экономического сообщества рассказал **М.А. Малышев** (МГУ им. М.В. Ломоносова).

Региональный опыт социологического исследования эффективности социально-экономической политики на примере Вологодской области представил **М.В. Морев** (ИСЭРТ РАН).

М.А. Головчин (ИСЭРТ РАН) осветил проблему трудового потенциала и самореализации молодежи, которая, по мнению докладчика, базируется на двух важнейших аспектах: несоответствие жизненных и образовательных траекторий молодого поколения профессиональному выбору и низкая общественно-политическая активность молодежи.

Еще один доклад, посвященный молодежной проблематике, представил **О.В. Сорокин** (ИСПИ РАН). Его выступление было посвящено особенностям внешней регуляции девиаций в молодежной среде и изучению проблем выбора молодыми людьми способа саморегуляции девиантного поведения, а именно чем обусловлен

данный выбор, какие именно способы оказываются предпочтительными в конкретной социальной ситуации.

Кроме того, на секции были представлены доклады о возможностях и ограничениях внедрения результатов социологических исследований в практику конкретных социально-ориентированных учреждений. О собственном опыте оказания помощи приёмным родителям и возможностях социализации детей с тяжёлыми нарушениями развития рассказал педагог-организатор ЦССВ «Вера. Надежда. Любовь» **Е.А. Иванов**, специфику культурно-досуговой работы с пожилыми людьми осветил заведующий ГБУ ТЦСО «Арбат» филиал «Тверской» **В.Н. Каменских**, а результаты социологических исследований об особенностях трудоустройства инвалидов представил **Н.И. Фадин** (ВЦУЖ).

В ходе работы секции удалось осветить имеющиеся исследовательские наработки в области социальной политики, наглядно продемонстрировать опыт внедрения данных соц. опросов в деятельность конкретных социальных учреждений, почерпнуть идеи для будущих социальных и исследовательских проектов.

Молодые ученые, аспиранты и специалисты-практики из Москвы и регионов России активно обсуждали не только результаты собственных исследований, но и обменивались контактами, задавали вопросы друг другу.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.
– 4, – Times New Roman,
– 14, –
– 1,25, – 30,
20
–
2.
3. Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.
4. Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации встраиваются непосредственно в текст статьи.
5. список библиографии не должен превышать 1 стр. (
6. электронная версия.
По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.
Авторы несут ответственность

().

К статье обязательно прилагаются:

– аннотация () 15–20

– список 3–4 ключевых слов

– авторская справка ,

: ... (),
, должность, ученая степень, а также
(, ,
.),

2-

<http://www.журналпоиск.рф>

RULES OF PUBLICATION

Materials for publication in the journal «P.O.I.S.K» must be provided to the editor in the paper and electronic form, or send an e-mail address (info@журналпоиск.рф) two files: the text of the article in WORD and scanned reviews to PDF.

Guided journal articles must be drawn up in accordance with the following rules:

1. The manuscript should not exceed 10-12 pages. Page format - A4, font - Times New Roman, font size - 14, line spacing - one and a half. Indent the first line of a paragraph - 1.25, the fields on the page - 30 mm at the top and to the left, 20 mm at the bottom and the right. Papers should be typed on one side of the sheet. Footnotes - with its page-numbering on each page.

2. All signs that can not be printed, shall be legible, large, black ink written in the text by hand.

3. The formulas and are marked in the margin of the manuscript. All sources are supplied with bibliographic references.

4. Tables, diagrams, graphs, pictures and other illustrations are embedded directly in the text of the article. They must be numbered and titled. This table must have a title, placed above the table-field and figures - captions. When used in the article more tables and / or drawings of numbering required.

5. A numbered bibliography should not exceed 1 pp. (In alphabetical order, indicating the first source in Russian, then - foreign), it is given at the end.

To the article must be attached:

- Abstract volume of 10- 15 lines in Russian and English;
- A list of 3-4 key words in Russian and English; each keyword or phrase is separated by a semicolon;
- The author's certificate in Russian and must include: Name (in full), the official name of the place of employment, position, title and email address.

Articles are not drawn up in accordance with the requirements for publication will not be accepted.

The authors are responsible for the choice and the accuracy of these facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, place names and other information.

Published materials may not reflect the point of view of the founder, the editorial board and the publisher. All materials are published in author's edition.

Introducing the manuscript to the editors, the author undertakes not to publish it, in whole or in part in any other publication without the consent of the publisher. At a reprint the reference to the journal is obligatory.

The editors accept manuscripts for consideration only articles with a review by qualified personnel (the candidate or PhD).

The decision on the publication shall be made within 2 months from the date of registration of the manuscript to the publisher. Scientific articles magazine subscribers have the priority right to publish. Rejected by the editorial board to author articles are not returned. However, at the request of the author, he sent a reasoned refusal.

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура
Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 3 (62)
Май-Июнь 2017 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный университет путей сообщения
Императора Николая II»

Издатель
МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетель-
ство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года.

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.
Выходит 6 раз в год.
Цена свободная.

Адрес редакции
Тел.: +7 (499) 394-30-48
Для простых почтовых отправлений:
127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9.

E-mail: info@журналпоиск.рф
Сайт в интернете: www.журналпоиск.рф